

Виталий ПОЛОЗОВ

ЦВЕТЫ

на снегу

ТАЙНЫ
Салаира

Віталій Полозов

Цвітки на снігу
◆
Тайны Салафра

Київ
«Світло на Сході»
2014

Виталий Полозов

Цветы на снегу

Шайны Салаифа

УДК 821.161.1(430)-31/-32
ББК 84(4Нім=Рос)6-44
П52

Директор Павел Давидюк
Редактор и корректор Маргарита Кливер
Компьютерная верстка Андрея Цорна

Полозов В.
П52 Цветы на снегу. Тайны Салаира. — К.: Світло на Сході, 2014. 416 с.
ISBN 978-966-2089-77-6 (Укр.)
ISBN 978-3-944772-02-8 (Герм.)

Изд. № 01.549
ISBN 978-966-2089-77-6 (Укр.)
ISBN 978-3-944772-02-8 (Герм.)

© Полозов Виталий, 2012
© «Світло на Сході», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Цветы на снегу 9

Тайны Салаира

Часть первая 218

Часть вторая 308

Цветы на снегу

Вот вроде и ждал Иван этого известия со дня на день, а все же, когда ему сообщили в сельсовете, что его семье разрешили приехать, немного растерялся от неожиданности. Наверное, так уж повелось в последние годы его жизни, что в самый последний момент ему отказывали то в свидании с родными, то просто в передаче посылки, то еще в чем-то. И он уже свикся с этим. Теперь, будучи уже больше года на поселении, в какие только инстанции ни писал он письма с просьбой о воссоединении с семьей; обивал пороги всех существующих администраций села и района. Складывалось впечатление, что каждый чиновник считал своим долгом поводить его за нос. Нет, конечно же, ему обещали посодействовать, даже назначали сроки. Но приходил тот срок, и очередной «помощник» разводил руками: отказали, дескать. Кто отказал и почему, оставалось тайной за семью печатями. Но вот за дело взялся директор леспромхоза, где Иван трудился на пилораме. И трудился, что называется, не покладая рук. Он так

отладил работу, что привычные из-за неполадок простой пилорамы стали редким явлением. А когда и случались, то устранял он их оперативно, причем сам, не вызывая никакого обслуживающего персонала. А главное, что радовало директорское сердце, в его звене не пили. Что само по себе явление в глубинке просто исключительное. В смысле исключения из правила. Потому что понятие «не пить» принималось как враждебное по отношению к товарищам по работе. В общем, директор такого работника ценил и не прочь был оставить его у себя насовсем. И справедливо решил, что для этого необходимо вызвать сюда и его семью. Ну, директор — это вам не чиновник за столом с бумажками; это человек, у которого есть рычаги для стимулирования нужных людей. Вот он быстро и обзвонил тех самых людей в районе, потом сам съездил в область, и уже через месяц Колотов получает приятное ему известие. К известию председатель сельсовета любезно присовокупил письмо от его семьи из Украины, а также свое собственное поздравление с напутствием: дескать, живи, товарищ Колотов, и работай на благо нашего района. Ну, и радуйся, конечно. При этом сам председатель излучал искреннее умиление; как будто не он больше всех под разными предлогами отказывал Ивану в той самой просьбе.

Ах, разве до этого было теперь, когда в твоих руках заветное письмо от семьи?! Приложил Иван в благодарности руку к сердцу, поклонился вежливо и удалился. И зажав в руке столь заветную весточку, чуть ли не

вприпрыжку бежал до своей избы. А это километр от села; жил он на отшибе, через распадок у самого леса. И только тут распечатал письмо. Главная весть: дочка Настя приедет уже в конце месяца. Мать честная, конец-то вот он уже! Неделя только и осталась. Да, долгонько добирается почта в эти края. Засуетился Иван, побежал во двор за дровами, будто она вот уже с минуты на минуту явится. Во дворе стоял «Зил» Ленки Белых; парень часто оставлял его у Ивана, когда пораньше надо было ехать в район. Это тоже куда как хорошо. Ивану тоже туда надо. Значит, утром можно будет поехать с ним. Растопив печку, он помолился, раскрыл Библию и сел за стол. Но читать не стал, а попытался представить себе своих родных. Шесть лет уже не видел их. Он подошел к небольшой фотографии на стене, где были запечатлены его дочь и сын. Он их специально для этого и возил в город. Насте было двенадцать, Павлу — десять. И было это за несколько дней до его ареста. Фотография эта прошла с ним через весь лагерный срок. Теперь дочка спрашивала, сможет ли он встретить ее в Братске. Видать, страшновато ей одной добираться сюда, в самую глушь. Что делать? Можно, конечно, сразу попросить директора, чтобы посодействовал, но врожденная стеснительность не позволяла Ивану надоедать человеку. Он ведь и так уже помог. И тут Иван застыдился самого себя: «Что же я раздумываю, если не спрашивал еще своего Заступника?» — и тихонько сполз со стула на колени. — Прости меня, Господи, от радости забыл, Кто мне ее принес. Прости Господи, и помилуй».

И долго лилась благодарная молитва Спасителю, пока не ощутил он благословенное умиротворение в душе и со слезами умиления прошептал: «Простил, простил меня Господь... Сколь же Ты терпелив и благодостен, Господи!»

На улице послышался скрип шагов и настойчивый стук в дверь. Иван быстро накинул на рубаху фуфайку и спешно влез в свои огромные пимы.

— Заходи, заходи, открыто! — крикнул он.

В сенях долго топтались, потом дверь распахнулась, впустив в избу облако пара и угрюмого детину в скособо-ченном треухе, черной фуфайке, подпоясанной бечевкой, и ватных брюках. Следом на пороге, вынырнув из-за широкой спины увальня, появился другой, поменьше ростом, но в такой же униформе. Не церемонясь, сразу же прошел к печке, по-хозяйски подбросил в топку пару полешков, присел на чурку покрупнее и протянул к плите красные от мороза руки. Похоже, с ЛЭПов мужики, но в сердце Ивана закралась тревога: больно уж бесцеремонно повели себя гости. Оно, конечно, глухомань сибирская, не до сантиментов, но поздоровкаться-то любой лесовик обязан. Без этого какой разговор! И словно подслушав его досаду, откашлялся увалень в кулак:

— Ну, будь здоров, хозяин!

— Будь и ты, добрый человек!

— Один живешь, что ли?

— Как видишь, — криво усмехнулся Иван.

— И давно ты тут обосновался?

— Скоро год будет. Да ты проходи, чего в дверях

стоять. Чай, не ругаться пришел. Говори, как звать тебя, величать. Друга — как?

— Звать-то? — отозвался второй от печки. — Ну, меня зови Герой, а его — Матвеем Михалычем! — с непонятной усмешкой кивнул он на увальня. — Но для простоты и ясности можешь звать его Мальшом.

— Да хоть горшком, только чтобы в печь не ставил, — разрешил Матвей. Он продолжал стоять, не обращая внимания на приглашение.

— Ну-у, зачем же горшком такого богатыря величать? — улыбнулся хозяин. — Тут никакой печи не хватит. Разве что доменная. Ну, а я — Иван.

— Ага, Иван, значит, — продолжал Гера. — Ну, а где прежние-то тутошние хозяева, Ваня? Тут вроде пара семейная жила.

— Гребенюки? Так переехали они давно. В соседней деревне живут.

— Ишь ты, никак разбогатели?

— А чего ж не разбогатеть: Николай день и ночь мантулит, как вол, ну и зарабатывает. А как же! Да и жена не уступит. Знакомые ваши, что ли?

— Да вроде того. А где их там искать?

— Легче легкого. Тут до их деревни километров семь-восемь будет. Если отсюда ехать — пятый дом справа. Дом громадный — не обозначаешь. Он один такой, с крашеным заплотом высоким. Так, а вы-то, сами, на чем? — спохватился, наконец, Иван. — Без машины, что ли?

— Мы пеша. Так оно сподручнее.

Пеша... Ближайшие бригады, что тянут ЛЭПы, находятся отсюда за семнадцать километров. Неблизко! Иван поежился.

— А откуда... если не секрет?

— Оттуда, — показал рукой вверх увалень и шагнул, наконец, к печке.

— Оттуда, говоришь? — переспросил Иван. — А что ж на грешную землю потянуло?

— А там не приняли, — осклабился Малыш, показывая золотые фиксы по уголкам рта. — Вот пришлось вернуться. Заодно и должок вернуть кое-кому. На покойпустишь?

— Пустит, — сказал Гера. — Не видишь, он добрый. Пустит, ведь?

— Да кудаденешься, — улыбнулся Иван. — Бог велит так.

— Это как же Он тебе велеть может?

— Так и может. В Библии сказано: «Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом...»

— В Библии? — привстал Гера и кивнул на стол. — В этой что ли?

— В этой, — Иван пожалел, что не убрал книгу.

— Ну, это не про нас, — ухмыльнулся Малыш. — Мы не бедные и не голодные. И не скитаемся, как ты подумал, а идем к своей цели.

— Мы все — странники и скитальцы на этой земле, Матвей.

— Ну, не скажи... — Малыш явно приготовился к дискуссии, даже плечи расправил, но его перебил Гера:

— Да прав он, че ты споришь. Все мы тут временно. И скитаемся, и бегаем от кого ни попадя. Барахтаемся по жизни, кто как может, и не знаем, где конец найдем. Ладно, хорош лясы точить, — упредил он порыв Мальшша поспорить и кивнул головой на окно. — Зилок-то твой во дворе?

— Да ну. Ленька это Белых, с леспромхоза, до утра поставил. Может, и раньше подъедут с бригадой. Я на вас и подумал, что это они прибыли.

— О, а мы думали, ты нас подбросишь, — озаботился Гера.

Такой поворот еще больше насторожил Ивана.

— Так вы ж на постой хотели? — напомнил он. — Или передумали?

— Да как передумали? Раз Гребенюки рядом проживают, че мы тебя стеснять тут будем. У тебя и места-то нет, а там, — сам говоришь — хоромы.

— Место найдем, чай, не бояре. А поутру Ленька вас и подбросит. Что же блукать-то, на ночь глядя? Семь верст по-темну — это совсем не рядом.

— Семь верст для дурака не круг, — философски заметил Гера. — Нет, братан, нам щас туда нужно. Ключи от машины у тебя?

Предчувствие беды тяжелым гнетом сдавило сердце. И чтобы больше не играть в жмурки, Иван решил вызывать их на откровенность:

— С какой такой стати! Мне техника ни к чему. Я вон и в зоне на телеге только ездил. Да еще за пять лет двуручку освоил.

Оба визитера как по команде крутнулись и уставились в него.

— Ты че, паря, сидел? Не гонишь?

— К чему мне? Пять лет от звонка до звонка.

— Так это же меняет дело, — разулыбался Гера. — А статья?

— Я за веру в Бога сидел.

— А-а, молельник, Библия, заветы, — снисходительно улыбнулся увалень. — Знавал я вашего брата. Хоть и не православные, но ништяк парни, нормальный ход. Не фрайера, во всяком разе. Ну, а чего здесь застрял?

— Так на поселении еще пяток. Правда, ожидаю, что скостят.

— Ага, щас, так и скостили тебе. Будешь ждать еще столько же. Если не поумнеешь.

— А поумнеешь — это как? — прищурился Иван.

— Об косяк, — сердитыми глазами зыркнул Гера. — Под лежачий камень вода не течет, слышал? Рогом шевелить надо.

— А я и шевелю. Бога в молитве прошу, чтобы усмотрел...

— Ага, проси. Не надорвись только. Ладно... Самогон есть?

— Не держу, ребятки. А вот ужин, это мы быстро сварганим. — Иван накинул фуфайку и направился, было, в сени, но Малыш удержал его.

— Не торопись, мы только что на природе харчевались. Ты лучше чифирку завари, раз выпить нету.

— Наперво ты сам пойдй, смени Кабана на стреме, — приказным тоном сказал Гера и тут же поправился: — Славку, Славку: пусть обогреется.

— А чифир? — возразил Малыш. — Он же такого не сварит, как я. Да и чего там волков морозить? Кто в такую пору сюда сунется?

— Ладно, зови его и сам вертайся. Чуть хлебнем и двинемся. — Гера повернулся к Ивану. — Ну, что, Ваня, поможешь друзьям по несчастью?

— В несчастье как не помочь. Объяснишь, там и увидим, могу ли.

— Где через Чуну по льду перемахнуть, знаешь? Ну, чтобы на мост не ехать. Отлично! А дороги в тайге? Чтобы окольными на Братск проехать?

«Братск! — зашемило сердце. — Что за совпадение?»

— Так вы че, ребята... того? — Иван не смог выговорить «в бегах».

В избу вернулся Матвей с толстым мужичком, с одутловатым, изжелта лицом; маленькие злые глазки его так и шныряли по сторонам. Если бы он появился раньше своих спутников, Ивану не пришлось бы строить догадки о статусе незваных гостей. Новоприбывший тут же устроился у печки.

— Того, того, — Гера попытался выглядеть миролюбиво и, вытащив из внутреннего кармана пачку денег, помахал ею. — Да ты не тушуйся. Вывезешь нас отсюда — та-акой бакшиш получишь! Прикинь, плата наша вперед — без дураков! Это говорю тебе я — Князь, вор в законе. Годится?

— Что ж ты, Князь, вор в законе, а меня за дурака держишь? Будто я не понимаю, что доживу в лучшем случае до места назначения. А там перо в бок — и поминай, как звали. Неправильно ты обо мне подумал, Гера.

— Да ты с кем разговариваешь, падла? — тут же оказал себя Кабан и привстал грозно, но Гера жестом остановил его. Он зашел за спину Ивана и стал рассматривать фотографию на стене. Присоединился к нему и Матвей. Иван вполоборота настороженно следил за ними.

— Твои, что ли? — спросил Гера.

— Мои, шесть лет как сфотографировались. Теперь уже взрослые оба.

— Красивые у тебя дети. А детям помогать надо. Так как?

— Я же сказал. Неохота мне в тайге в неизвестности умирать.

— Тебя не тронем, слово даю. — Князь вернулся к печке, Малыш так и остался за спиной Ивана. — Не хочу я разборки с Богом твоим. А то вдруг Он и правду где-то существует. Оправдывайся потом перед Ним. А у меня ни опыта такого пока нету, ни желания. И, надеюсь, не скоро будет. Ну что, уговорил? Смотри, здесь тебе и на дом, и на безбедное прожитье хватит! — Он отогнул край новенькой сторублевой пачки и пустил дензнаки из-под пальца веером, как колоду карт. Его напарники заворуженно и жадно слотнули.

Иван не ответил. Он отрешенно шептал молитву, выпрашивая у Бога себе твердости духа, а беглецам —

благоразумия. Гера же воспринял его молчание, как если уж не согласие, то зародившееся сомнение. Оно и правда: кто ж устоит противу таких-то деньжищ? Потому и помедлил немного, дав простор людскому желанию, а затем добавил так, будто вопрос этот решенный:

— Ну, что, уговорил своего Бога? — И жестче: — Бензин в баке есть?

— Про бензин не знаю, — очнувшись, глухо сказал Иван.

— А про что знаешь? — сузил глаза уголовник, почуввав твердость в голосе хозяина.

— Про совесть знаю, — спокойно ответил Иван. — Как людям в беде, я должен вам предоставить кров. Про то мне Бог о странноприимстве полагает делать. Но пособлять в воровстве машины — такого Он мне не разрешает. Так что я и сам не могу, и вам не позволю этого.

— А мы у тебя так и спросили, — презрительно усмехнулся Матвей.

— Да кто тебя, козла, заставляет воровать машину? — взъярился и Кабан. — Тебя просят вывезти нас отседа, а там езжай на все четыре стороны. Или тебе че — на пальцах объяснить? — И ощерился желтыми зубами, поигрывая тут же невесть откуда появившейся в руке заточкой.

Иван хорошо знал, что именно такие члены банды бывают самыми жестокими. Занимая последние роли явных гандикапов, они всеми силами пытаются доказать другим, что и они что-то значат. Оттого и

способны в любое время на любую подлость и самое низкое коварство.

— Спрячь, — коротко скомандовал ему Князь и присел на корточки перед Иваном: — Я понимаю, ты все еще не веришь. Тогда вот тебе еще доказательство, — он открыл столешницу и положил туда деньги. — Видел? Заберешь, когда сам вернешься. Можешь перепрягать для сохранности. А доберемся до Братска, получишь еще одну такую пачку. Годится?

— Ты меня не понял, Гера. Мне, конечно, нужны деньги, но не такие.

— А как же насчет любви к ближнему, помощи скитальцам, о чем ты только что говорил? Нам требуется твоя помощь. Так прояви свою любовь к ближним, а? Ты же сейчас Богу молился, неужели Он тебе не подсказал? Постой, как там у вас: «Возлюби ближнего, как самого себя», а? Не так?

— Так. Но любовь к одним не может быть во зло другим.

— Это так, это верно. Но если ты нам не поможешь, нас изловят и добавят на всю катушку. Это, по-твоему, будет добром?

— У вас есть выход. Вернитесь сами...

— И добавят меньше, да? Не за всю мазуту, хочешь сказать? — докончил за него Гера. — Так что, пустой базар? Ты хорошо подумал?

Иван кивнул.

— Ну, смотри, братан, я хотел как лучше, — выпрямился Князь. — Ты же должен понимать, что в таком случае нам свидетели не нужны. Так, как?

Не дождавшись ответа, Гера моргнул Малышу. В ту же секунду на шее Ивана захлестнулась удавка и сдавила ему горло. Иван инстинктивно вскинул руки и судорожно вцепился в пальцы Матвея. На руках обоих от напряжения вздулись вены. Лицо Ивана уже налилось кровью, но невероятным усилием ему удалось чуть-чуть ослабить захват, и он перехватил удавку у горла. Фуфайка распахнулась и на нательной белой рубахе четко обозначились мышцы.

— Князь, он уходит, — натужно просипел Малыш.

— Йех-ха! — злорадно выкрикнул Кабан, почувствовав свой час, и с каким-то безумным сладострастием с поднизу вогнал заточку в грудь Ивана. Тот дернулся, обмяк всем телом и мешком сполз на пол. Кабан победно взглянул на друзей: — А то бы дотемна тут канителились! — И сам от страшного удара вожака отлетел в угол комнаты. — За что, Князь? — От обиды Кабан закусил губу и набычился.

— Ты что сделал, погань? — грозно прошипел Князь.

— Да он все равно бы не раскололся. И так уж сколько времени из-за этого уroda потеряли. Это че мне — вместо благодарности?

Гера склонился к Ивану, прислушался и зло сплюнул.

— Готов. Благодарность ты у меня еще получишь, придурок. Мы же договаривались: только припугнуть. Теперь его с собой придется таскать. А ты будешь бежать впереди машины, чтобы случайно с дороги не сбиться, понял?

— Дак, че я...

— Заткнись! Малыш, а ты чего, совсем ослаб, что ли?

— Слушай, не ожидал я такой силищи-то в нем. С виду-то и не скажешь. Жалко даже мужика.

— Ладно. Приодень его и в кузов. Соображение одно имеется. И по сусекам поскребите насчет жратвы. Кабан, бензин проверял?

— Проверял. Полный бак. И провода высвободил. Заведем напрямую.

— Хоть тут повезло. Там во дворе я его топор видел в чурке. Его тоже прихвати. Только в рукавице бери.

— Понял, — голос у Кабана немного повеселел. Может, и не будет шибко строжиться главарь, раз путем заговорил.

— Только смотри, без самодеятельности. Если с бабками все в ажуре — Гребешка не трогать. Хватит нам одного трупа. Поймают — тогда не рассчитывать.

Гера уже двинулся к дверям, но вдруг остановился, повернулся и взял со стола Библию.

— Ты че, Князь? — раскрыл рот Матвей, а Кабан противно хихикнул.

— А вдруг когда еще встретится такой же чудик, — усмехнулся Гера. — Вот, чтобы хоть что-то о них знать. Их же, так сказать, оружием — их и бить.

— Ага, — снова льстиво хихикнул Кабан. — Святым кулаком по окаянной шее!

— Да, что-то вроде того.

— Смотри, Князь, — нахмурился Малыш, — знавал я одного такого. Тоже хотел просто почитать эту бели-

берду, а в итоге погнал потом гусей. Везде стал ему Бог мерещиться. Его в психушку так и определили.

— Ну, это не про меня, Мальш. Успокойся. Тот, твой псих, значит, задним умом богат был. А у меня все только в будущем. Поехали.

Через некоторое время во дворе Ивана заурчал мотор, и самосвал, прорезая прожекторами фар ночную мглу, медленно выполз на проселочную дорогу. В кузове, прикрытое тулупом, лежало недвижимое тело Ивана Колотова.

* * *

Сергея Лебедихин, запнувшись о порог, буквально залетел в комнату, где попивали они с дружкой Андреем Жмыхом самогон.

— Андрюха, Ленька подъехал, — выпалил он заплетающимся языком. Пойдем, быстро загрузим.

— Так уже утро, ли че ли? — ословело повел тот глазами.

— Не-а. Темень, хоть глаз выколи. Но раз подъехал, нам же лучше, чтоб утром не вставать. Пошли! Вон его «зилок» стоит около Гребенюков, как и договаривались. Муки-то в мешок сыпни маленько, не забудь.

— Да насыпал уже, пошли. Хотя это уже лишка будет. Он и так дрыхнет, как сурок. Я его отрубями с брагой напоил. Ну, идем.

Друзья, пошатываясь, прошли через двор к стайке, откуда изредка доносилось похрюкивание поросячьего населения.

— Ты только кабанов не перепутай, — упредил Серега. — Свою не загрузи. Потом скандалу не оберешься от твоей Фроськи.

— Ага, такой я тебе дурак, свою живность грузить. Заходи потиху. Вон он там, в углу должен быть. Заводи мешок.

Боров вскочил было на ноги, но друзья ловко сунули его рылом в куль, в котором была мука, и он, хоть и брыкался ногами, но нарушить тишину сибирской ночи не смог. Мука залепила ему все хрюкающие приспособления, и он только умиротворенно причмокивал.

— Готово! — удовлетворенно констатировал Серега. — Понесли.

Кряхтя, протащили они куль к дороге и, убедившись, что улица мертва, Серега взобрался в кузов, и перегнувшись, ухватился за верх куля. Андрей подсобил снизу и общими усилиями загрузили туда свою добычу.

— Порядок! Шито-крыто — и Вася не чешись, — радостно заключил Жмыхов. — Пойдем допивать. Мы свое дело сделали. Дело за Ленькой.

— Заним не заржавеет, — успокоил Серега. — У него там в кузове один кабан уже лежит под рогожей. Кроме нашего. С фермы, видать, спер. Хочешь жить — умеешь вертеться! Ленька умеет, чего там говорить.

— Ленька умеет, — подтвердил и Андрей уже за столом. — Давай, за его здоровье.

— Давай. Чтобы удачно сбагрил...

Через какое-то время Серега тоскливо уронил голову на грудь и грохнулся с табуретки. Жмыхов жалобно

проводил его взглядом и горько вздохнул от чувства одиночества. «Вот так всегда», — успел подумать он.

На улице ахнул выстрел, за ним второй и послышался чей-то крик, но ни один из них уже не мог пересилить дремоты.

* * *

Не среагировали на выстрелы и другие соседи: мало ли мужиков с пьяных глаз ружьишкой забавляются. Да и сам Гребенюк нет-нет, да и постреливал, отпугивая потенциальных воришек: хотя в его доме было чего уворовать, он принципиально не держал собак. Почему-то он им просто не доверял. «Мужик должен сам свое добро оберегать! Попробуй кто ко мне сунься, быстро отвяжусь! — любил он повторять, любовно поглаживая подаренный ему карабин. Делал он это напоказ. — Вот моя охрана! А на собаку чего надеяться, если ее прикормить можно.» И только когда на весь белый свет заголосила его жена Лиза, всполошились люди, и быстро примчались на крик. Кто-то даже успел заметить отъезжавший почти от самых ворот леспромхозовский «ЗиЛ». В доме они увидели страшную картину: Лиза стояла с широко раскрытыми от ужаса глазами и, сжимая в руках карабин, бессвязно повторяла: «Убили Колю ... и я убила... вот тут...» На полу в луже крови распласталось тело Николая. Голова его была рассечена топориком, который валялся тут же. От Лизы, которая теперь забилась в истерике, ничего нельзя было добиться, и женщины с трудом увели ее в горницу. Мужики же со знанием дела

отнесли к происшедшему: не стали ничего трогать до прибытия участкового. Хотя картина им уже была ясна: на машине Леньки Белых кто-то прибыл сюда и сотворил это страшное преступление. И догадаться, кем был этот «кто-то» тоже не составляло труда: на ручке топорика были выжжены буквы И.К. То есть, Иван Колотов. А все знают, что именно у него всегда оставлял машину Ленька. Было также ясно, что далеко он не уйдет, поскольку от той комнаты, через порог до самых ворот и за ворота, аккуратно до того места, где стояла машина, тоненькой змейкой тянулся кровавый след. Видать, не промахнулась Лизавета. Прибывший же вскоре участковый, Феликс Ягилев, кое-как узнал от Лизы, что нападавших было трое. Большого он добиться от нее не мог и, предоставив медсестре Тане заниматься трупом и Лизой, по телефону оповестил район о случившемся. Донесение его было кратким: трое бандитов, среди которых Иван Колотов (личность местным органам известная), совершили преступление и скрылись в неизвестном направлении на угнанной ими машине «ЗиЛ-130». При этом один из нападавших был серьезно ранен женой погибшего. Передав сообщение, сам Ягилев тут же укатил на своем «бобике» к дому Колотова. Надо было торопиться, потому что по всем признакам приближался буран. Сделав круг, он захватил по дороге Леньку Белых и еще пару мужиков. Так, на всякий случай.

Во всей области уже велся поиск трех сбежавших из зоны уголовников, и, поскольку теперь стал известен

конкретный населенный пункт, это намного сузило масштаб поиска и облегчило план перехвата. Тут же были перекрыты все мало-мальски значимые дороги в тайге.

Особое внимание было уделено железнодорожному мосту через Чуну у поселка Хоняки. В перерывах между поездами по нему пропускался и гужевой, и автодорожный транспорт. Перейти в это время можно было и пешком. И хотя до него было не меньше двухсот километров, при наличии машины преступники могли добраться туда за считанные часы. Поэтому регулировавший это движение воинский пост усилили нарядами милиции. По имевшимся данным, главаря банды Князя ожидали в Братске. Ну, а попасть туда, минуя этот мост, нельзя было.

Наутро уже большая часть села собралась у дома Гребенюков, обсуждая это невероятное событие. Невероятность его заключалась в том, кто осуществил это преступление. Само по себе оно, в общем-то, не такое уж и редкое явление в этих краях. Но весть о том, что живший тут на поселении Иван Колотов со товарищи ограбил на золото, а потом и «грохнул» обнаружившего их Гребенюка, вызывала разнотолки. В том, что у Николая было припрятано золото, никто особо не сомневался и раньше. Особенно после того, как он самолично проговорился об этом одной своей сударке. А их у него было много. И он на них не скупился. Лиза же смотрела на все его похождения сквозь пальцы, но давала резкий окорот всем желающим посострадать ей.

После двух-трех неудачных попыток посудачить на эту тему бабы с явным сожалением отстали от нее. Ожидаемой разборки супругов, как тому и должно быть по всем известным им правилам семейного жития, не суждено было стать. Стало быть, исчезла и перспектива долгоиграющих пересудов; а раз так, то они потеряли к Гребенюкам всякий интерес. Какой смысл перемывать косточки тем, кто на это не реагирует. Так что охочие до сплетен бабы довольствовались разборками не столь известных семейных пар, и размеренную общественную жизнь села долгое время не нарушали никакие сколько-нибудь значимые скандалы. Пьянки мужиков не в счет. А вот это событие вновь всколыхнуло все село. Люди удивлялись не тому, за что убили Николая, — это-то как раз ясно было всем! Удивлялись тому, кто это сделал. При этом ни тени жалости или сочувствия к убиенному не было: хоть и богате́й богатого был Николай, но уж больно прижимистый, чтобы вызвать к себе подобные сантименты. Что? Чтобы он кому-то помог? Да ни в коем разе. «У него зимой снега не выпросишь», — эта пословица чаще всего и упоминалась при характеристике Гребенюка. Примечательно, что такое мнение у большинства сельчан сложилось совсем недавно. Ну, где-то около года. А до того он был для них рубаха-парень, свой в доску и слыл большим промотом, так как швырял деньги направо и налево. Любой выпивоха мог найти у него опохмелиться, да еще и занять (как правило, без отдачи!) до получки. И вдруг переменялся мужик: даже на девок перестал деньги тратить, а выпивох, коим в

селе несть числа, так тех, всех до единого отвадил от дома. От наблюдательных земляков не ускользнул тот факт, что произошла эта метаморфоза с ним после знакомства с поселенцем Иваном, которому он отдал свою прежнюю избу в деревне на отшибе. И тот теперь все чаще заглядывал на огонек к супругам Гребенюкам. Вон и Лиза переменилась: то и голоса ее не слышать было — теперь же все напевает чего-то себе под нос. Светится вся, будто еще больше богатства привалило. Какое же тут может быть одобрение со стороны бывших друзей? Да ясно, что никакого. И вот этот-то Иван... «Ай-ай-ай... охали и разводили бабы руками, — этот Иван... вроде и мухи не обидит, а поди ж ты!»

И ломали головы над тем, как мог богобоязненный с виду баптист лишить человека жизни из-за денег. И глубокомысленно качали теми самыми головами: «Э-эх, пригрели змею! А ведь говорено было, что в тихом-то болоте все черти и водятся. Не-е, не зря так в народе говорят». Но в этом осуждении вряд ли можно было услышать очень уж такое сильное негодование, нет. Присутствовала, наоборот, еле уловимая симпатия к убийце; даже некоторое одобрение подспудно угадывалось в пересудах. И только когда вернулся Феликс, и прознали, — а это уж совсем утро настало, — что в столешнице Ивана нашли крупную сумму денег (к обеду она выросла уже прямо-таки в несусветную сумму — сто тысяч!), тон суждений резко изменился.

— Я давно знала, кто такой на самом деле этот богомольник, — многозначительно поджав губы, сказала

соседка Лизы, Жмыхова Фрося. — И вот оно все и выплыло наружу. Он же этот, как его — баптист!

— Дева-а, — всплеснула руками ее подруга и извечная соперница в распространении слухов Лебедихина Тоня. Сильно раздосадованная тем, что не ей первой пришло в голову заподозрить в баптисте убийцу, она решила заподозрить подругу во вранье. — Ты погляди-ка, она знала! Чего ж тогда никому не говорила? Зна-ала! Много ты знаешь, как я посмотрю. Да только толку-то от твоих знаний? Человека убили, а она, вишь ты, зна-ала. Чего ж не предупредила, а? — И, с удовлетворением отметив, что привела Фросю в замешательство, продолжила: — Я хоть и не знала, а вот вспомнила, что они, баптисты эти, детей в жертву приносят на своих сходах. — Помедлила и добавила для убедительности: — Сама в газете читала. Так что уж взрослого-то им убить человека — вовсе раз плюнуть.

— Ну-ка, дай и нам почитать ту газету, — в смиренной издевке попросила Фрося, не желавшая признать, что Тонька перецеголяла ее.

— Ага, щас прям! Так я тебе ее и хранила бы. Давно уж печку ею растопила. А не веришь, иди вон, у того агитатора против религии спроси. В районе который. Он расскажет.

— Цыц, сороки! — окоротил их местный охотник Баскаков Петр. — Забыли, как того агитатора вместе с обоими вашими алкашами Иван в тайге отыскал? А потом сам в сани впрягся и тащил их, считай, на себе пять километров. Может, лучше было, если бы они в тайге замерзли? Мало он вам добра делал?

— Что делал, то это да, — быстро согласилась Тоня. — Дак он, может, все это как раз для отвода глаз и делал. Пыль в глаза пускал.

И большинство тут же ее поддержало, что да, мол, для отвода все это, для отвода.

— А его никто и не просилих тащить, — приободрилась поддержкой Тоня. — Чего бы с мужиками стряслось-то? Да проспались бы, и все тут. Им че, впервой, ли че ли. А то сразу — заме-ерзли.

— Конечно, — подхватила и Фрося. — Проспались бы, никуда не делись.

— Ну, хорошо, — усмехнулся Петр, и громко спросил: — Все слышали? В следующий раз не вздумайте тащить тунеядцев домой. Сами проспятся. Вон, кстати, ваши соколики появились на свет Божий.

К толпе с опасливым недоумением приблизились Андрей с Сергеем.

— А че это у вас тут за собрание? — хмуро осведомился Сергей.

— Че, че, — передразнила Тоня, — чирей на плечо. Благодетель ваш — Колотов Ванька — Гребенюка на тот свет отправил. Вот вам и че.

С большим трудом дошел до друзей смысл трагедии, и такая буря переживаний отразилась на лицах обоих, что можно было подумать, будто Николай был их лучшим другом.

Но их горе объяснялось просто: плакала обещанная Ленькой выручка за их труды. Уплыл их кабан в неизвестность.

— Да-а это что, — растерянно пробормотал Сергей, глядя на друга, — значит, за рулем не Ленька был?

— Это тебя надо спросить, — озлился Андрей. — Ты ведь как ошалелый заорал, что он уже подъехал. Я-то сразу засомневался.

— Выходит, плакали наши денежки, — не слушал его приятель.

— Эй, вы о чем это? — поинтересовался Петр. — Если что видели, дуйте до Феликса. Ему и расскажите.

— Ага, чтобы затаскали потом, — испугалась за них Тоня. — Кого они могут увидеть, раз с вечера лыка не вязали? Нашел, тоже, свидетелей.

— Никого мы не видели, — махнул рукой и Сергей. — Айда, Андрюха.

К обеду, уже изрядно опохмелившись, они передрались, выясняя степень вины каждого за неудачную сделку, и сваливая ее один на другого. Подслушавшие их спор соседи быстро сообщили куда надо, и вскоре они уже давали показания участковому Ягилеву. То, что горе-друзья умыкнули кабанчика с фермы, большой новостью для него не являлось, но вот кой-какие подробности, с которыми они с готовностью делились с ним, опережая один другого, заставили еще больше засомневаться в виновности Ивана Колотова. Это сомнение пришло к нему после того, как немного оклемавшаяся Лиза описала убийцу мужа. Вернее, убийцу, потому что двое из них уже покинули комнату, когда третий расправился с Николаем. Тот даже близко не походил на Ивана. Хотя тех двоих она не видела в лицо, но и из

них ни один по фактуре не напоминал Колотова. Да и сама она напрочь опровергла версию о том, что Иван мог убить ее мужа. Последнее время, мол, Коля часто приглашал его, чтобы вместе почитать Библию.

— Не-е, — энергично мотала она головой. — Кто угодно, но это не Колотов. Он хотел помочь Коле покаяться перед Богом. А я в кои-то веки хоть белый свет увидела. Коля ж совсем другим человеком становился. Они даже день подбирали, чтобы в центр в церковь ихнюю поехать вместе.

Ну, это мало ли что может наговорить женщина, пережившая такой стресс. Но вот теперь Андрей вдруг припомнил: в кузове машины уже был один кабан. Только почему-то завернутый в тулуп. И тулуп тот, похоже, Ивана Колотова. Кабан в тулупе? Кому придет на ум заворачивать свинью в тулуп? И свинья ли была это в действительности? А если... Феликс быстро набрал райотдел и сообщил свои сомнения майору Эрбесу. В голосе начальника ему послышалось легкое раздражение.

— Слушай сюда, старик, — сказал майор. — Девка сейчас в том состоянии, когда можно наговорить что угодно. Оставь ее пока в покое. Ты раскрыл преступление по горячим следам; осталось только найти убийцу. Думаю, что это дело двух-трех дней, далеко они не уйдут. Но это уже не твоя забота. Озаботься тем, что тебя-то я уже представил к повышению, чуешь? Так что готовь дырку для звездочки, старший лейтенант.

Тут у Феликса, лейтенанта доблестной милиции, и дух перехватило! Звание старлея — заветная ступень,

трамплин для будущей карьеры! Он вытянулся в струнку и рыкнул в трубку что-то вроде «рад стараться».

— Да, это, — спохватился Эрбес, — пусть там твои алкаши забудут о свинье. В общем, помоги им забыть, сам понимаешь...

— Будет сделано, — отчеканил будущий старлей, и уже не с той безгловостью посмотрел на двух субчиков. Да оно и понятно: когда душа поет — до свиной ли!

— Слушайте сюда, други, — сказал он вкрадчиво словами и даже интонациями Эрбеса. — Что вы скоробчили свинью с фермы — это плохо. Но для вас есть одно условие, по которому я не дам ходу вашему делу. Слушаете?

— Так точно! — в радостной надежде подскочили «друзи». — Фелька, все, что ни скажешь, сделаем!

— Вот и хорошо. Тем более, что делать-то ничего как раз и не надо. Просто забудьте, что вы видели Ленкину машину. И чтобы об этом — ни-ко-му! Ясно? И еще, — не удержался Ягилев, чтобы не похвастать, — я вам не Фелька, а товарищ лейтенант. А скоро уже и старлея дадут.

— Дак мы и так никому...

— Вот и славно, что никому. И продолжайте в том же духе. Идите.

Ягилев откинулся на спинку стула и запрокинул голову на сцепленные замком руки, будто хотел что-то разглядеть на потолке. Он понимал, что Колотов уже «назначен» убийцей, но прекословить теперь означало бы навредить себе самому. Ведь именно с его подачи

завертелось это колесо. И шевельнувшееся было чувство жалости, возможно, что к невинному человеку, заглушило более сильное чувство самосохранения. В конце концов, не Колотов первый, не он и последний, на кого навешивают дела, и садят просто так — для плана. Да и фигура он уж больно вполне себе подходящая, чтобы упрятать его снова. Любой наш суд устроит такая личность: баптист, проповедник мрака, еще не отбыл весь свой прежний срок. Да на такого было бы дело, а приговор найдется! За приговором дело не станет. Ну, а если это он был, завернутый в тулупчик — тогда тем более... Мертвые не опровергают. Зачем им? А главное тут для Феликса — очередная звездочка на погоны...

* * *

Николай впустил их в дом без ожидаемого ими страха. Признав в темноте сеней Князя, он молча провел незваных гостей в прихожую, но там властным жестом остановил тех двоих и, даже не взглянув на них, коротко приказал:

— Братва для начала пусть посидит тут у печки. А ты со мной. После расчета уже отметим встречу, как полагается. — И, раздвинув штору на дверном проеме, жестом пригласил Князя в горницу.

— Особо-то рассиживаться не резон, — осматриваясь, сказал Гера и, чуть поколебавшись, знаком оставил своих подельников. — Побудьте здесь пока. Позовем, если что...

Затем проследовал между шторами за Гребенюком. Из боковой комнаты вышла женщина, по-видимому, его жена и, мельком взглянув на гостя, вопросительно уставилась на Николая. Тот успокоил ее, сказав, что у него деловой разговор с друзьями, и она покорно ушла в спальню, прикрыв за собой двери.

«Красивая баба, — отметил про себя Гера. — Просто красавица. И — послушная. Ладно, посмотрим: если вернет все, пусть живет мужик.»

Николай вернул. Он сразу же выставил на стол портфель с деньгами, которые должен был передать в «общак» давным-давно.

— Здесь все чика-в-чику, Князь, — глухо сказал он. — А то, что такая задержка произошла, не моя вина. Поверь, того курьера повязали не из-за меня.

— Я знаю, — Гера не сводил глаз с Николая. — Твоя вина в том, что после того, как объявился, скрылся. Дал бы о себе знать — и вся любовь.

— Ага, и тут же загреметь по новой, — усмехнулся Николай. — А сюда я, по-твоему, перебрался только для того, чтобы вы меня побыстрее нашли и грохнули? Если бы хотел сквюзануть, то уж, наверное, нашел бы место в противоположной стороне Союза.

— Ладно, заметано. Рассиживать с тобой, как уже сказал, нет времени. Провезешь нас до Братска? Чтобы на мост через Чуну не соваться. Там нас опера точно поджидают.

— Я дорог здесь не знаю, Князь. Это честно. Работаю в кузне от зари и до зари, не до путешествий. Деньги я

отдал, и теперь чист перед вами. Еще вопросы есть? — спросил он, привстав со стула.

— А ты не из робких, — одобчительно заметил Гера. — Ну-ну.

В это время в комнату между дверными шторами просунулась голова Славки Кабана.

— Ну, че, Князь, все в ажуре?

— Кабан? — с отвращением содрогнулся Николай. — Кабан, и с тобой? Вот это номер! — И зло сплюнул: — Где ты взял этого уroda?

— Где взял, там нету, — резко оборвал его Гера. — Окороти язык, Гребешок. А то неровен час... Ладно, помни мою доброту. — Он весело подмигнул Кабану, кивая на Николая. — Пусть идет к своей бабе под бочок. Я бы от такой тоже не ушел. — И хлопнул по портфелю. — Полный ажур, Кабан. Все на месте. Миссия наша окончена. Пошли.

Но Славка понял или хотел понять слова и подмигивание шефа по-своему. Его злые глазки уже обшарили всю комнату и остановились на Николае, из-под расстегнутой рубахи которого обозначился могучий торс. И там покоился массивный золотой крестик на такой же массивной цепочке. Славка сглотнул.

— Щас я, щас, Князь. Вы идите, я щас, — и, дождавшись, когда хлопнула дверь в сених, шагнул к Николаю: — Да, чистенький, говоришь, стал? И не рад меня видеть? Урод, говоришь?

— Ну, — презрительно хмыкнул тот. — В руках Кабана ничего не было, и он не видел угрозы для себя. Он

же сам, обладая огромной силищей, мог в один момент свернуть шею прищельцу. — А ты только что узнал об этом, гнида?

— Не рад, значит, — огорченно-вкрадчиво констатировал Славка. — А ведь когда-то были корешами. Товарищи были.

— Брянский волк тебе товарищ, — с ненавистью процедил Николай и громко гаркнул: — Стой там! Еще шаг, и я из тебя сделаю огородное пугало. Лиза! Принеси-ка прибор! — крикнул он через плечо, на мгновение отвернувшись от Кабана.

Этого хватило, чтобы Славка молниеносно выхватил из-под фуфайки топорик и нанес страшный удар. Николай охнул, схватился руками за голову и рухнул на пол, обливаясь кровью. Кабан подскочил к нему, нагнулся и ловко, четко отработанным движением расстегнул цепочку на шее. Он уже выпрямился с зажатым в кулаке крестиком, когда увидел нацеленный на него карабин, но среагировать не успел. Раздался выстрел, за ним второй, и Кабан, захватив руками живот, в полусогнутом состоянии выскочил на крыльцо. Быстро скатившись с него, он зигзагами, головой почти касаясь земли, побежал к раскрытым воротам. Мужики уже ждали его в заведенной машине.

— Стойте, не бросайте, — сдавленно кричал он, но вместо крика выходило какое-то шипение. Раздался третий выстрел, и Кабан рухнул прямо у «зилка».

Геря бросился к нему и, подхватив под бока, посадил в кабину.

— Гони, Малыш! — едва вскочив на подножку, рывкнул он, и «ЗиЛ», прорезав прожекторами фар абсолютную ночную тьму, рванул с места. Уже на ходу втиснувшись в кабину, Гера никак не мог захлопнуть дверцу. Будто нарочно не закрывалась она для того, чтобы лучше слышен был леденящий душу вопль несчастной Лизы. Огласивший ночное безмолвие, он так и завис над селом. И вот уже в некоторых окнах появились светлячки керосиновых ламп, кое-где захлопали двери, но машина уже выскочила из села. Только долго еще вдогонку им несли тот безысходный, душераздирающий крик. Они его, конечно, уже не слышали, но он продолжал стоять в ушах.

«ЗиЛ», поднимая снежную пыль, мчался по голой, открытой всем ветрам местности. Не будь огромных сугробов по обеим сторонам дороги, вряд ли можно было ее тут разглядеть — голимая степь! А попробуй сверни с колеи — увязнешь намертво в снегу. И только вдали угрюмой стеной высился дремучий лес. Вот «ЗиЛ» нырнул в распадок, вылетел на противоположном склоне, и вскоре скрылся в той темной лесной громаде. И сразу же с обеих сторон его атаковали могучие деревья: они, казалось, так и наезжали на капот машины своими разлапистыми ветвями, но в последнюю секунду, — так, что Малыш едва успевал свернуть, — следовал изгиб дороги, и они диковинными, причудливыми великанами уносились назад. Тут Гера должен был признать, что Матвей действительно первоклассный шофер. Чуть успокоившись, он за ворот фуфайки повернул к себе

Славку. Тот с перекошенным от боли лицом и широко открытым ртом только хрипло и с надрывом стонал.

— Кабан, что у тебя там произошло?

— Гребешка я завалил, — просипел Славка, — как ты и велел. Череп ему раскроил надвое. А меня Лизка, жена его, приголубила. Стерва. Даже не узнала меня.

— Кто тебе велел? — похолодел Гера, совсем не обратив внимания на его последние слова. — Ты что несешь? Я же сказал тебе: полный ажур. Ты что наделал?

— А-а-а, — попытался усмехнуться Кабан, — какая теперь разница. Ты же сам мигнул мне. — И вдруг зло процедил: — Мне сам пахан велел, понял? Ты мне никто, и против пахана ты никто. Бросишь меня в тайге, он с вас обоих за меня спросит. — Потом, видимо, понял, что вредит самому себе, и перешел на заискивающий тон: — Не бросайте меня, мужики. Я выдюжу. — Голос его становился все слабее. — Выдюжу, жилистый я.

— Куда она тебя?

— В бочину... потом в ногу... с....а. — Голова его бес- сильно мотнулась и откинулась сначала назад, потом свесилась на грудь.

— Славка, Славка, — легонько похлопал его по щеке Гера.

— Готов? — не отрывая глаз от дороги, спросил Матвей.

— Да нет, вроде. Может, и вправду выкарабкается. На нем ведь, как на собаке, все заживает. Сколько раз вон в кондее вены вскрывал — и все ему нипочем.

— Да, как на собаке, — согласился Малыш. — Только он злое. Ему что себя жизни лишиться, что кого другого — никаких вопросов. Я вот все удивляюсь, Князь, как он в твою команду попал?

— А что ж тут удивительного? — рассеянно спросил Гера, не в силах освободиться от того крика отчаяния в ушах. И вдруг удивился сам: — Слушай, точно об этом же меня спросил Гребешок.

— Ну? И что ты ему?

— Да ничего. Окоротил, да и все.

— Ну, а все же? — настаивал Матвей. — Или секрет?

И Гера понял, что это ему действительно важно знать. Никогда ранее такого интереса Малыш не проявлял.

— А ты что, думаешь, у меня был выбор? Кто согласился, того и взял.

— Но ведь у вас, воров, мокруха не в чести. А он — мокрушник. — Матвей даже чуть притормозил и прямо взглянул на Геру: — Ты боялся не справиться с Гребешком?

Это был трудный вопрос. Не ответить на него нельзя было. Но и просто скривить душой, не выйдет: Малыш — мужик суеверный, и уже явно что-то накрутил себе с приметами. Но при всем этом он — зэк опытный и раскусит всякую фальшь. Только не зря же и Князь — дипломат из дипломатов в воровской среде.

— И да, и нет, Малыш, — медленно произнес он. — Теперь понимаю, что пахан его приставил ко мне. Гребешок — честный вор, и я был уверен, что он отдаст то, что принадлежит братве. А в противном случае мне было достаточно твоей помощи. Кабан же

вроде как случайно прознал о побеге и сам напросился. Вот я и подумал, что он не будет лишним. Мы с тобой добренькие, много рассусоливаем, а он мужик действия.

— Да, за бабки он замочит любого, — угрюмо обронил Мальш.

— Если выживет, — уточнил Гера.

— Если мы вообще все выживем.

— Выживем, — успокоил Князь. — Иначе, зачем бы нам вся эта затея. Вот доберемся до Братска, получишь свою долю и исполнишь свою самую светлую мечту, Матюша. У тебя есть мечта?

По-видимому, спокойствие Князя и особенно упоминание о деньгах благотворно сказалось на Мальше. Он глубоко, с облегчением вздохнул:

— Есть. У кого же ее нет... Только не расслабляйся, Князь: если выживет Кабан, он и тебя за эти бабки замочит.

И будто услышав его, громко застонал Славка, забился в судорогах, затараторил сбивчиво и с перерывами:

— Князь, давай мою долю... Я честно заработал бабки; не то что Мальш... только на подхвате... — По телу его вновь прошли судороги, правой рукой он продолжал зажимать бок, левую зачем-то сунул под фуфайку и совсем помутившимися глазами отыскивал лицо Геры. — Прямо сейчас давай бабки, Князь; мне это к душе покойней будет. Наклонись-ка, че скажу...

— Да даю, даю, Слава, — наклонился к нему Гера. — Вот только отъедем немного, и получишь свою долю. Тебе, Слава, больше всех положено. Обожди чуток!

— Кинешь, — засипел Кабан. — Не верю я тебе. Щас давай долю, чтобы вам не досталась. Не хочу, чтобы вы по ресторанам со шмарами за мой счет шикавали. А меня в тайге гнить бросите. — Он медленно выпростал левую руку из-под полы фуфайки и вдруг выкинул ее в лицо Геры. Но Малыш, зорко наблюдавший не только за дорогой, но и за ним, успел перехватить его руку с заточкой. Одновременно он локтем ударил Кабана по горлу и придавил к спинке сиденья. Через секунду-другую Славка дернулся последний раз и затих.

— Ну, и козел, — угрюмо сказал Матвей, не сводя глаз с дороги. — Что я тебе говорил? Подбери заточку-то. А то забудем потом.

— За мной должок, Малыш, — качнул головой Гера. — Вовремя ты его. И чего он взбеленился?

— Почувствовал конец, вот и решил тебя с собой прихватить. Давай, выкинем его, а то дышать уже тяжело.

— Открой окно, — столь же угрюмо посоветовал Гера. — Оторваться надо подальше, там и выкинем. Мне тяжелее твоего: он меня уже всего своей кровью обделал.

Долгое время они молчали, каждый по-своему переживая это непредвиденное обстоятельство.

— Князь, ты правда ему велел Гребешка грохнуть?

— Да ты что, Матюша! У нас же уговор был: только в крайнем случае. А он сразу все вернул. Просто Славка, похоже, не в ладах с ним был...

— Так ты и правда ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— Колькина жена — сестра Кабана.

— Да ты что, паря? — даже привстал Гера, подавшись вперед. Но тут же придержал эмоции и криво усмехнулся: — Ничего себе — понты! То-то он и огорчился, что она его не узнала. А я мимо ушей это пропустил.

— Если бы узнала — четверговала бы. С нами бы он уже не ехал.

— Та-ак, выходит, сестра братишку грохнула? И мы вроде как к этому руку приложили?

— Она бы его и без нас отправила на тот свет, попадись он ей.

— А что так?

— Когда Кольку замели, Кабан уже больше года под следствием был. Ну, и договорился со следаком, что, мол, если ты меня по «бакланке»пустишь, — а он же по расстрельной шел! — я за это красавицу сестру тебе подложу. Ну, когда та, мол, к нему на свиданку после суда придет. Она, мол, за братца на все пойдет. А Лизка же первая красавица там у них была. Я, правда, только фотку ее видел, но ясно же.

— Ну, и...

— Следак слово сдержал, а Кабан — нет. Сестра-то сестра, а вот чья это жена, это Славка от него утаил. Но сразу после суда кто-то успел просветить об этом следака. А тот прекрасно знал, что Гребешок его за нее из-под земли достанет, и не будь дураком во второй раз, — первый-то раз, что поверил Кабану, рассказал об этом Лизе. Вот и все. Интересно?

— Да уж, ну и Кабан...

— Тогда она и объявила, что четвертует его, если даже Колька его помилует. И сделала бы это, поверь.

— Верю, — сказал Гера. — Ну, а чего ж ты даже не намекнул мне, а?

Матвей долго молчал, сосредоточенно глядя на дорогу:

— Мы же каждый сам по себе, Князь. Слышал песню, «Какое мне дело до всех до вас»? Вот и мне никакого дела ни до тебя, ни до Кабана. Да и что бы это изменило, если бы сказал?

— Если бы я узнал об этом, не оставил бы их один на один. Видел бы ты, как Гребешка передернуло от него. Да я даже подумать не мог, что Кабан пырхнется: он же против Кольки — кролик. Впрочем, пошли они оба куда подальше; нам теперь о себе думать надо. Вон буран начинается.

— Черт! Только его нам и не хватало.

— Не-е, это нам на руку, это нам хорошо, — не согласился Гера.

— Нам ничего хорошего уже не будет, Князь, — снова впал в меланхолию Матвей и в тоске постучал по груди. — Сосет вот тут что-то. Нехорошее чувствует сердце. Не надо было моельника трогать, не надо. Вот Кабану и отместилось уже.

Гера непроизвольно содрогнулся при упоминании Ивана и обернулся назад, будто мог разглядеть его там.

— Лес рубят — щепки летят, Мальш. Нам-то что? Не мы же его отправили на тот свет. А так-то, конечно, жалко мужика. — Он посмотрел на светящийся

циферблат часов. — Больше часа уже едем. Сколько уже проехали?

— Километров тридцать будет. С гаком.

— И все лес. Ладно, тормози. Пойдем, схороним Славку, пока еще что-то видно. Вот буран-то сыплет: прохудилась небесная канцелярия.

По колено проваливаясь в снег, они оттащили Кабана подальше от дороги; там, поглубже протоптав канаву в снегу, и уложили его, немного присыпав сверху. При этом Матвей беспрестанно крестился.

— Пошли, — заторопился он. — Через минуту само все засыплется.

— Через минуту — да, — согласился Гера. — Ну, Славка, пусть этот снег, земля, то бишь, будет тебе пухом.

* * *

Течение реки было таким стремительным, что несло оно Ивана прямо в сети, поплавки которых отчетливо виднелись на поверхности. И как он ни пытался отплыть на безопасное расстояние, но все же угодил в них. Теперь его прибивало еще и к рыбацкому мостику. На нем стояли друг за другом трое мужиков, и передний из них орудовал сачком, методично опуская его в воду. Вот он завел сачок и ловко накрыл Ивана.

— Есть! — заорал рыбак тем, что позади. — Тута он, тута. Видите? Помогайте ташшить, а то вон он какой чижолый. — И рыбаки, шустро перебирая руками, стали подтягивать сети к себе. В руке одного из них Иван с ужасом увидел острогу. Вот он замахнулся ею

и... От резкой боли в груди Иван очнулся, и в первые секунды не мог понять, что с ним происходит и где он находится. Повторная резкая боль в области сердца заставила вспомнить все, что произошло у него в доме. «Живой?» — мелькнула мысль. Он осторожно убрал тулуп и лицо его тут же залепило крупными хлопьями снега. Он лишь различил доски поверх бортов.

«Ленькина... Значит, подумали, что убили и подбросили к нему в кузов. Где же он сам? А вот, кажется, идет с кем-то».

В тишине ночи послышался тяжелый похруст и неясное бормотание: кто-то шел, глубоко проваливаясь в снег. Потом машину сильно качнуло, и голос взобравшегося на подножку громко проговорил у самого уха Ивана.

— Князь, может и моельника заодно с Кабаном прикопаем, а? Тут место — лучше не придумаешь. Снегу-то по самые уши.

— Ага, по уши. Еще месяц-два и все тут растает. А нам надо, чтобы его подольше не нашли, понял?

— Дак ясно, что понял. Ну, тогда, прощевай, Славка. Погнали?

— Погнали. Может быть, удастся его где-нибудь под лед сплавить. Вот тогда уж куда с добром. Ну, ладно, Славка: дерьмо ты был, но все равно жалко. А беду ты сам себе накликал. Не надо было верующего человека трогать. Ну, поехали!

Дверцы машины хлопнули с обеих сторон и «зиллок» рывками тронулся с места. Каждый рывок причинял Ивану дикую боль. Он сохранял ясное сознание и отчет-

ливо понимал, что ему грозит. Его еще «не прикопали» с каким-то кабаном лишь только потому, что здесь его можно будет быстро найти. А им зачем-то нужно, чтобы искали подольше. И лучше, чтобы не нашли вовсе. Стало быть, хотят что-то повесить на него. Неожиданно сильно просветлело, и он понял, что лес кончился и они, скорее всего, едут по вырубкам. Машина пошла плавнее, а вскоре натужно загудела. По-видимому, начинался затяжной подъем. Лучшего шанса попробовать выбраться из машины может не представиться. Рядом с ним, почти вровень с задним бортом лежала какая-то бесформенная куча. Иван протянул руку и, нащупав что-то живое и теплое, резко отдернул ее: «Еще один кабан? Они что, хоронят кабанов?» Ну, так или не так, а эта туша помогла ему. Собрав остаток сил, он взобрался на нее и, не выпуская из рук тулупа, перевалился через задний борт. Подъем был настолько крут, что низ борта почти касался снега. Тулуп амортизировал падение, и он пополз от дороги к виднеющимся зарослям кустарника. Это оказалось трудным делом, потому что рыхлый снег легко проваливался под руками. Тогда он в несколько приемов перекатился и затих под кустом жимолости, длинные прутья которой, перегнувшись, образовали естественную упругую арку. «Надо бы тулуп вывернуть, черный-то заметят на снегу, — пронеслось в затухающем сознании. И следом в полном умиротворении: — Да нет, не вернутся уже. А Христос пошлет заступника!» Неожиданно он очень четко рассмотрел на опушке леса какое-то неказистое строение. Пригляделся — а это их

дом, где он провел все свое детство. Ну да, вон и обледеневшая речка внизу и сугробы, с которых они на санках по пологому склону съезжали к ней. А вот и сам он, уже накатавшись всласть и изрядно околевав, забегает в дом и греется под одеялом. Хорошо-то как, тепло! Век бы не вылезал наружу. Но век удовольствия проходит так быстро! Картины детства следуют одна за другой: память перелистывает страницы самой беззаботной, а потому и самой счастливой поры человека. Может быть, потому, что однажды это уже было с каждым из нас? Ведь там, в Эдеме, человек, созданный Богом, не знал забот...

...Серый мглистый свет обозначил узоры на заледенелом оконце и начинает робко пробиваться в комнату. Ванюшка давным-давно не спит, но вылезать из-под одеяла не спешит и лишь плотнее в него закутывается: за ночь изба выстыла, а мама только что затопила печку, и тепло пока не дошло до их ребячьей комнатки. Краем глаза он видит, что обеих сестренок уже нет на их койке — в школу убежали. Он слышит, как мама бренчит ведрами в стайке, и четко представляет себе все, что она там делает, потому что все это ему знакомо. Он знает даже о чем она разговаривает с Дочкой, своей коровушкой ненаглядной. Наша Доча-кормилица, как она ее ласково называет. Ваня тоже любит ее и часто сам безо всякого принуждения вставал пораньше, чтобы поухаживать за ней. Пока на его плечи не были переложены чужие, как он это понимает, заботы. Тая, меньшая из его сестренок,

перешла в пятый класс и вместе со старшей, Машей, стала ходить в школу за шесть километров. Вот так ему и остался в наследство уход за самым меньшим братом. Ваня приподнимается и с опаской поглядывает на горницу: именно там, на маминой койке под ватным стеганым одеялом, и разметалась эта его головная боль — трехлетний Костя. Или просто ревушка-коровушка. Вот у кого жизнь! Мало того, что встает когда захочет, так еще и таким ревом оповещает данное событие, что в доме сразу закипает жизнь и все приходит в движение. Суетится мама, суетятся сестренки. Даже старший брат Вова, случись ему быть дома, не остается в стороне. Да и Ванюшке находится заделье. В общем, дом на ушах. Не проходит и пяти минут, как является дед Константин или бабушка Мария: оба непременно с каким-нибудь гостинцем, чтобы ублажить своего ненаглядного внука. Ну, что Дочка — ненаглядная, это Ваня еще понимает: в деревне она самая красивая и добрая корова. А какое она дает молоко! Но с каких таких шанежек рева Котья для них ненаглядный, этого он постичь ну, никак не мог. Только и умеет что орать благим матом. В городе еще когда жили, так с этим его ревом не только папка вставал каждое утро на работу — весь барак будил «ненаглядный»! Стены-то в бараке — разборки соседских тараканов слышно.

— О, первый гудок запел, — кряхтел папка каждое утро, — пора на работу собираться.

— Гли, Артамон, тебе и часов не надо, — беззлобно шутили соседи. — Свой будильник есть. Большое дело!

Дело, действительно, было большое. За опоздание на работу в те времена могли и в каталажку посадить, но Ваня тогда этого еще не знал. Но знал точно, когда начинался рабочий день отца. Потому что в эту минуту над рабочим поселком зависал протяжный, такой же занудный, но не такой пронзительный, как у брата, заводской гудок. В этом гудке Ване всегда слышалась какая-то приглушенная жалоба, будто сам гудок не выспался и скорбит по насильно прерванному сну. А затихший к тому времени Костик взрывался еще большим ревом, заглушая потуги заводской печали.

— Сурьезный мужик растет, горластый, — одобрительно говорил дедушка, бывший мичман морфлота. — Этот за себя постоит. — И совсем неодобрительно кивал в сторону Ванятки: — Не то, что этот тюхтя. Сынок маменькин.

Ваня от этих слов жался к матери, не понимая, чем плохо быть маминым сынком. Тем более, что он еще был и папкиным. И когда семья переехала, наконец, из одной комнаты барака в дом, выстроенный на околице соседней деревни, больше всего радовался Ваня, что дед с бабой стали жить отдельно. Вход у них был с другой стороны дома, и ему теперь не так часто доставались подзатыльники деда. Константин Григорьевич был мужик огромной силы и недолюбливал слабаков. Может, поэтому и не баловал своим вниманием хилого, часто болевшего Ванюшку. Ну, разве что тем же подзатыльником когда отметит. Зато в младшем внуке души не чаял. Хотя бы уже потому, что тот назван был его именем.

Кстати, почему это Котька до сих пор не заорал? Ваня ступил босыми ногами на холодный еще пол и на цыпочках прокрался в горницу. Вот оно что! На маминной кровати Костик пригрелся между двух сестренок! Как это Ваня забыл, что сегодня воскресенье и им не в школу? А значит, у Вани собственный выходной от Котьки день и он пойдет на поиски ревунчиков, о которых вчера рассказывала мама. Это такие красивые зимние цветочки, которые растут на сугробах и сверкают-переливаются то алыми, то голубыми искрами. Только заметить их очень трудно. Тут Ваня засомневался: может, позвать Таю с Маруськой и поискать вместе? Но уж очень ему мечталось найти цветочки самому. Найти и подарить их маме и сестренкам. Вот радости-то будет!

Во дворе чуть слышно заскулила и взвигнула собачонка, и Ваню как ветром сдуло с койки. «Пудик! Вот с кем мы их найдем!» Его охватил такой восторг, что вылетел он из избы, забыв даже про шапку, и в сенях столкнулся с мамой.

— Ты куда в такую рань? — удивилась она.

— За ревунчиками, — выпалил Ваня. — Мама, я с Пудиком их искать буду. Ладно?

— Ах, за реву-унчиками, — вспомнила Настасья. — Да ладно, конечно. Только это еще рано. Они же при солнышке растут. А до него они в сугробах под снегом прячутся. Вот выйдет солнышко и пойдешь. Папка с Вовой к вечеру будут, а мы к тете Лизе на новоселье пойдем. Ты как найдешь ревунчика сразу туда и носи.

Только смотри, чтобы твой Пудик дедушке поменьше на глаза попадался.

Предупреждение отнюдь не лишнее: дня три назад Ваня из-за этой собачки чуть не получил порцию ремня от деда. Но обошлось как-то.

Никто не мог объяснить, почему этого мальчонку так любят все собаки села. Стоит ему выйти на улицу, как они — целая свора! — тут же сбегаются к нему, и он идет как бы во главе своего воинства. И воинство это резвится, и ластится, и прыгает вокруг него и на него, стараясь лизнуть в лицо. И не отстанут, пока он не скроется в доме. Отец с матерью снисходительно относились к этому его увлечению. Дед же, зная его пристрастие к четвероногим, строго-настрога запретил приводить их в дом. «Сперва собак бродячих, потом и друзей таких же начнет водить», — оборвал он свою дочь Настасью, когда та несмело попыталась защитить сына. А последнее слово в доме было за ним, хотя хозяином был, конечно, Ванин папка. Дед с уважением относился к зятю, но ни во что ставил свою дочь. «Ни рыба, ни мясо» — называл он ее за тихий смиренный нрав, а когда узнал, что ходит она молиться со ссыльными людьми, пришел в неопишную ярость. И хотя сам же другой раз грозился, что, мол, доведись до него, так он бы всех попов извел, тут вдруг явил к ним милость.

— Ну, еще бы ладно, в церковь какую пошла, к попу-батюшке, — гневался дед. — А то ведь почти что к бусурманам-нерусям. Стыдобушка!

Так что не погодись тогда отца, кто знает чем бы закончился его гнев. Негромко, но со значением указал ему зять, что на Настасью голос повышать он не позволит даже ее отцу. И это, мол, ее дело, с кем она хочет молиться. Сказал и ушел тут же. Два раза он никогда не повторял, и дед понял: власти его в семье пришел конец. Потихоньку страсти улеглись, но власть свою он перенес на внуков. Тут отец не мешал: дед плохому не научит.

Но такую белую лохматую собачку Ваня был не в силах бросить на произвол судьбы. На днях этот песик отстал от трактора с тележкой, на которой его бывшие хозяева из соседней деревни перевозили свой нехитрый скарб на станцию. Двенадцать верст бежал он за хозяевами, но здесь выбился из сил и отстал. Ваня на руках принес его в стайку и намешав в жестяной банке хлеба с молоком, стал кормить его. За этим занятием и застал его дед.

— Это что еще за козявка така? — грозно спросил он. — Чтобы щас же духу его тут не было. Ишь, пуделя нашел! А ну-ка, дай его сюды.

Слово «пудель» в устах Константина Григорьевича было ругательным: им он называл мужиков, которые любят бражничать и бегают от своих жен, поэтому Ваня не понял, при чем тут его новый друг. Перечить деду бесполезно, да и небезопасно, того и гляди схлопочешь оплеуху. Но и отдать в его руки собачку Ваня не мог: а вдруг хряснет дед песика о стойку, как он это недавно сделал с нашкодившей кошкой! И похоже его опасения оправдались. Дед, приглядевшись к песику, чем-то озаботился.

— Обдеру-ка я его, пожалуй, да рукавички сошью. Все польза будет.

Ваня в ужасе и как-то очень четко представил себе, как дед обдирает собачку, и все в нем запротестовало. Обхватив «пуделя» обеими руками, он загородил его от деда.

— Что-о! — сверкнул глазами бывший матрос и многозначительно поддернул ремень на штанах. — Бунт? Ах, ты тюхтя-куделя, деда не слушаться! Ну, бы-ыстра!

Он взял своей лапищей песика за шкуру и тот жалобно заскулил. И тут случилось невероятное: Ваня впился зубами в протянутую руку, и дед, взвывая от боли, отдернул ее и отступил на шаг. Этого хватило, чтобы внук пулей выскочил из стайки вместе с собачкой. А ошеломленный старик так и остался стоять, разглядывая отметины зубов на тыльной стороне ладони.

— На, полюбуйся, что твой тихоня натворил! — сунул он руку выбежавшей на его вопль Настасье. — В тихом болоте черти водятся.

— Ваня? — всплеснула руками дочка. — Да он че, сдурел?

— Хм, сдурел, — хмыкнул мичман уже спокойнее и вроде как с нотками одобрения. — «Сдурел» — не то слово. — И больше для себя, чем для Настасьи забормотал: — Вот тебе и тюхтя. Это надо же: за паршивую собаку деда укусил! Не побоялся, однако. Ну, это я тебе скажу, уже совсем другой коленкор. Может, и выйдет из него мужик. А то ведь как есть мамка смиренная.

— Дак ведь от Бога это, тятя, — чуть осмелела Настасья. — От Бога он смиренный такой да добрый...

— Тьфу, ты, опять свое заладила: куды ни сунься, везде у нее Бог, — в сердцах махнул дед поврежденной рукой. — И в кого только такая дуреха удалась?! Ладно. Покличь сорванца, скажи, не трону. Пусть и пуделя своего не прячет. Только если попусту брехать будет — шкуру спущу. Хм, пудель! А что, пусть и назовет его Пудиком.

Так прибудившийся песик получил свое новое имя...

Ну, а долгожданное для Вани декабрьское солнышко выглянуло наконец и разукрасило розовой бахромой края редких скупенных облаков, и оттого сами они стали еще наряднее и поплыли белоснежными айсбергами в безбрежном океане синего неба. И от прикосновения его лучей заискрился зернистый снег ослепительными алмазными бусинками. В крепкий мороз мириады их вспыхивают то тут, то там, и так и кажется, что это распускаются на сугробах снежные цветы. Ах, сколько этих сугробов облазил Ваня с Пудиком, уже и из сил выбился, а так и не нашел ревунчиков. Вот, вроде и мелькнет на снежной вершине цветочек, а докарабкаешься — он то ли перебежал в другое место, то ли под снег снова спрятался. Ну, только что был и — нету! Пудик рядом суетится, тоже искать помогает. А чуть подальше убежит — и уже слился своей белой шубкой со снегом, так что впору его самого искать. Но ему в отличие от опечаленного Вани весело: знай себе потягивает, а то и вовсе лаем

восторженным заливается. Умаялся Ваня, загрустил и присел прямо на снег отдохнуть. Глаза взбросил, а цветочек — вон он! — на самом верху сугроба обозначился. Распушился от легкого ветерка и стебельком покачивается. Ваня сколь есть силы наверх, а это Пудик клубочком свернулся и от удовольствия хвостиком помахивает: вот уж цветочек так цветочек! Куда и грусть делась: развеселился Ваня от своей промашки и ну валяться с Пудиком по снегу. Никакой мороз им нипочем. И не беда, что не нашел сегодня ни одного ревунчика. Завтра еще поищет. Во-он там, в лесу за заплотом. Позвав друга, Ваня задами направился к дому тети Лизы.

Прибыли они к тетке, а там переполох: Костик пропал. Снарядила его мама погулять по просьбе деда. Да не по просьбе, какой там! Он разве просит. Приказом приказал дед: дескать, пусть гуляет хлопец на свежем воздухе, а не за ее юбку тут держится. Вон Маруська с Таей, мол, присмотрят за ним. Кого им всем тут делать: бражные застольные песни слушать?

А Настасья, хоть и не пила вовсе, но все те песни заводила. Голос у нее высокий да чистый, как вода родничковая, и уж если случись ей быть в какой компании — все! Будет запевать до самого конца гулянки. Впрочем, укутала Котьку потеплее, шалью накрест перевязала — мороз-то отменный, под сорок! — и пошел мужичок-с-ноготок на улицу с сестренками. А там — ясное дело! — детворы целый табун. Но как ни заигрались они с подружками, а Котьку из виду не упустили: вроде бы он все время

под ногами путался. Потом как-то незаметно исчез. Ну, думают, замерз мальчонка да домой ушел, и дальше себе играют. Пока дед из дому за внуком не вышел. И онемели внучки от страха: так разве, мол, не дома он? Дед обратно в избу — нету там внука. Заметались гости в поисках ребенка, а его нигде нет. Ни во дворе, ни в стайке. Даже на сеновал заглянули — нету! И ужас охватил всех, когда соседка, поджав губы, недомолвила, что недавно, мол, видела тут цыган на снях. А как в ту пору только и разговоров было, что о краже да продаже детей цыганами, то это прозвучало, как приговор, и сомнений ни у кого не вызвало. Следом озвучили и совет мечущейся по двору матери.

— Сельсовет оповестить надо, Настя. Может, перехватят бусурманов.

А тут аккурат и Ваня с Пудиком. Она припала на колени и сына к себе в беремя, будто охранить от кого-то хочет.

— Ванюшка, Костик не с тобой? Ох, лучше бы я с тобой его оставила. Где ж теперь искать-то его?

Ах, какой жгучий стыд испытал Ваня за ту радость, что отвязался сегодня от Котьки. И такая жалость к братику пронзила все его существо, что он заплакал. В самом первом своем покаянии вдруг понял он, почему Костик для всех ненаглядный. Потому что самый маленький и беспомощный. Неужели он его не увидит больше?

— Мама, надо Боженьку попросить, чтобы вернул Котю.

— Конечно, сынок, только проси и молись пуще.

И тут кто-то из гостей огорошил всех своей догадкой.

— Колодец!

Охнула и захватилась за грудь Настасья, и как вкопанный остановился обежавший все соседские дворы Константин Григорьич.

— Да не-е... — повел он взглядом в глубину двора, где сквозь наметенный снег почерневшими бревнами сиротливо обозначался сруб колодца. Колодец старый, давно уж без ворота, как и без воды, а все не достает времени его засыпать. И хоть по сугробам к нему никаких следов, но поземка-то при таком морозце и солнышке так чисто поддвевает понизу, что может и поглубже след замести, а уж от ребенка и подавно. От ребенка какой след! Кинулись все к колодцу, а что там разглядишь — вроде и чернеет что-то на глубоком дне, а вроде и нет. Поди разберись в такой темени.

— Веревку! — выдохнул дед и бегом к стайке. А Лизавета уже сняла моток с сеновала и подает ему. Сама рядом с Настасьей на колени прямо в снег — бух! — и запричитала. Рядом Тая с Маруськой голоса. Константин Григорьич веревку на плечо, а рукой в сердцах как замахнет на дочерей да внушек.

— Проворонили дите, а теперь молитвы молить, разини! — кричит. И сбросил безнадежно руку, увидев, что те продолжают молиться. — Гришка, Мишка, кто там помоложе, пошли за мной. Пшел, чтоб тебя!

Это несмышленный Пудик на дедов огромный пим вскарабкаться успел. Не к месту, конечно, под ноги по-

пался. Так и ластится да хвостиком виляет. И от своей несмышлености далеко за стайку улетел, визжа от страха. Дед хоть и не пнул его, а просто отшвырнул с пима, но страху от такого полета Пудик испытал немало. Однако подвывал и скулил от незаслуженной обиды недолго. Не успел Ваня подойти к нему, а Пудик уже зарыскал по снегу мордочкой, да прямехонько за стайку. И тут же вернулся, и к Ване: подпрыгнет, твякнет и — за стайку, словно показать что-то хочет. И так раз за разом.

— Что, Пудик, что? — заволновалась Настасья. И обнаружила там просевший наст по склону сугроба, и на этом углублении необычный, уже слежавшийся, зернистый, а не рыхлый, сползший сверху, снег. Тут Пудик заперевирал лапками и, подняв мордочку, призывно затыкал. Настасья осторожно подгрестила рукой снег вперемежку с лежалым сеном и увидела зияющий пустотой покатый приямок под стайку глубиной больше метра. Там, на дне его, свернувшись в клубочек, и лежал ее Костик. И то ли от страха молчит, то ли уже наревелся досыта, то ли уснул малыш. Но голоса не подает.

— Тятя, тятя, сюда! — завопила Настасья. К великому облегчению Гришки, худенького хлопца лет двадцати, на котором дед как раз прилаживал веревку, чтобы спустить его в колодець. Хоть в нем и нет воды, а лезть в такой замогильный холод кому охота? Оттого и радость у Гришки образовалась, и он вперед всех прибежал и выгашил Котьку. Ну, а о радости деда и говорить не приходится. Сгарамкал он внука ненаглядного в лапищи

свои и в избу. Даром, что орет внук благим матом — впору уши затыкай! — а расцвел дед: для него это самая чудная симфония. Ублажая внука, о Насте вспомнил. Неловко ему, что обругал ее ни за что. По его ведь указу отпускала гулять ребенка.

— Как же ты наткнулась-то на него, дочка?

— Дак Пудик его нашел, — сквозь слезы улыбается она. И добавляет с верою в слова свои: — Просили мы Бога в молитве, вот Он и послал его Костика отыскать.

Вскинулся было в противоречии Константин Григорьич да осекся сконфуженно. И, откашлявшись в бороду, поманил Ваню:

— Ты к бабке зайди, пусть выберет Пудик твоему чего повкуснее. Заслужил, — обронил он миролюбиво. Потом, вспомнив что-то, разулыбался: — Ну, а ревунчиков-то насобирал-нет, Ванюшка?

Ваня отрицательно замотал головой.

— Не нашел? — удивился дед. — А мать вон говорит — нашел. Да еще самого красивого, говорит, нашел! Ну, вот, сам нашел и не знаешь. Показать? Ну, смотри! — Константин Григорьич поставил Котьку на колени и ладонью собрал с его щечек катившиеся градины слез. — Видишь, сразу сколько ревунчиков? А вот это самый главный ревунок. Так-нет, мать?

— Так, так, — улыбается Настя.

— Так, так, — поддакнул своим тьявканьем Пудик.

Да и сам Ваня видит, что Котька и есть распутившийся цветочек. Цветочек с алыми щечками, черными глазами и розовыми губками. Ну, настоящий ревунок!

Дед с грубоватой нежностью ерошит Ванюшке волосы: «Теперь видишь?» — и подталкивает в бок. Все сильнее и... больнее.

От пронзившей боли Иван очнулся. Лунное сияние залило все вокруг, а сама луна пристально всматривалась в его глаза. И еще кто-то так же пристально рассматривает его. Вот этот кто-то склонился над ним, и он узнал своего младшего брата.

— Котя, — слабо выдохнул Иван. — Котька... Смотри, сколько цветов. Это все твои ревунчики, помнишь?

* * *

Освободив кабину от Славки, беглецы вздохнули поспособнее. Буран залеплял стекла с таким остервенением, что щетки не успевали сметать крупные хлопья снега. Во свете фар неслись они навстречу будто из какого-то необъемного жерла. Неслись с огромной скоростью, оттого и создавалось впечатление, что машина стоит на месте. На самом деле она двигалась, хотя и очень медленно, чтобы не сбиться с дороги. Ориентиром по-прежнему служили сугробы на обочинах, но теперь они уже так сливались с самой дорогой, что пару раз Матвей уже въехал в них.

— Давай-ка, отдохни, а я порулю немного, — предложил Гера.

Матвей вроде как согласился, и, сбросив газ, уже приостановил машину, но вдруг передернулся весь и газанул вновь.

— Не-е, Князь, сиди сам там до конца. Меня и так

тошнит, а еще вляпаться в его кровь, не-е. Уж как-нибудь дорулю до конца.

— Ты смотри, какой ты нежный, — искренне удивился Гера. — Век бы не подумал. Как же ты людей грабил, Малыш, если крови забоялся? — И тут же пожалел, что пошутил так неудачно.

— Нежно и грабил, — неожиданно зло буркнул тот. — С разрешения терпилы. Ну, а уж если кто брыкался, тогда...

— Вон оно как. Да ты не обижайся. Я ж просто подменить тебя хочу.

— Ты, Князь, тут не вырулишь. Здесь навык нужен, а у тебя его нет. — И без всякой связи с предыдущим. — Кабан просил бабки, чтоб на душе покойней было, да?

— Ну, да. Так ему, видать, казалось, — усмехнулся Гера.

— Мне тоже так кажется, Князь. Не сочти, что я тебе не доверяю, но после тех слов и у меня на душе неспокойно. Я ведь никогда больших денег в руках не держал. Из кожи лез: грабил, а получалось — пшик на постном масле. Барыгам ведь за цену никогда не сдашь, если сам с ними не заодно. А я не был, я их презирал. Они, понятно, — меня. В банду я не хотел; все надеялся сорвать большой куш, разбогатеть и тут же завязать. Но никак не выходило. А как только чуть-чуть что выйдет — тут тебе и срок! Невезуха полнейшая. Ты когда тому моельнику пол-штуки отстегнул, у меня аж в глазах потемнело. Так что, Князь, утешь душу мою. Дай мне хоть подержать такие деньги. Долю мою, значит.

Последние слова он произнес уже несколько виноватым тоном, и Гера понял, что Матвей не собирается бежать от него. Это действительно ему нужно для стимула, то бишь, для успокоения души, как он говорит. И надо отдать ему быстрее, иначе напрочь обозлится попельник.

— Да ладно, какой может быть базар, Мальш, — как можно доверительнее сказал он. — Сейчас или потом, какая мне разница, когда тебе отдавать. Миссия окончена, и каждый должен получить свою долю. Долю Кабана тоже ты возьмешь.

— Гонишь, Князь, — от неожиданности Мальш даже руль бросил. — Как это — я?

— Об косяк. Я решил, значит, так положено. Сколько мы уже там намотали? Та-ак, по моим подсчетам, мы уже должны быть где-то у реки. Там остановимся, избавимся от груза, — Гера кивнул головой назад, — и получишь бабки. И тогда уже решаё: хочешь — иди своей дорогой, хочешь — будем пробираться вместе.

— Не-е, Князь, я только с тобой, — в порыве благодарности Мальш снова бросил руль и приложил руки к груди. — Во-первых, я сам по себе по тайге шастать не мастак. Во-вторых, часто от зэков слышал, что ты мужик справедливый. А теперь и сам убедился в этом. Так что, только с тобой, — и вдруг насторожился: — Если, конечно, ты не против.

— Не против, Мальш, совсем не против. Держаться нам надо вместе.

За этим разбором они даже не заметили, что снег

перестал валить, и кое-где на небосклоне замерцали слабые светлячки звезд, а луна только угадывалась за поседевшими облаками. Они ехали по вырубкам с разбросанными то там, то сям небольшими островками нетронутого леса; разбросанными так равномерно друг от друга и такой округлой формы, словно водили они тут хороводы, и все это безмолвное пространство из ночного, мглистого исполнилось томного, иссиня-бледного сияния. Тот же синеватый снег, будто извивающимися рукавами реки — то шире, то уже — обегал эти лесные островки. И лес, вобрав в себя звездное сияние, став из черного голубым, отражался в этой реке снега тем же таинственным отсветом, словно смотрелся он в ее акваторию. Вот из облачного плена неожиданно вырвалась луна, сразу отвоевав полнеба, и тут уже тысячами, миллионами, мириадами бликов вспыхнули и равнина, и лес, и даже лобовое стекло машины беглецов запереливалось перламутровыми искорками.

Князь заворуженно смотрел по сторонам: перемена погоды породила радужные надежды на счастливый исход авантюры и сулила много радости впереди. То же самое, даже в большей степени, испытывал и Матвей. Как-то счастливо для него складывалось все подряд: даже то, что Кабан «сыграл в ящик», оказалось ему только на руку. Вот-вот он получит столько деньжищ! Теперь бы только добраться до Братска: там — он знал это точно! — у Князя все схвачено. Не зря же он тащит с собой «общак». И вздыхает в надежде Малыш: добраться бы! Ох, и жизнь буде-ет...

Оба, размечтавшись, не уловили момент, когда выскочили на просторный большак. Здесь сугробы были уже не так заметны, и машина едва не вылетела за обочину. Это была вывозка, и теперь нужно было угадать, в какую сторону двигаться дальше. Но сначала надо было избавиться от трупа. Здесь, на пересечении лесной дороги с большаком, было идеально ровное плато, заканчивавшееся отвесным обрывом к реке. Высота яра, судя по противоположному берегу, была около сорока метров. Сама река только и угадывалась по этим берегам под идеально ровной, заснеженной равниной. Лучшего места нельзя было придумать: труп в такой глуши да еще под таким обрывом никто, даже случайно, не найдет. А с первым же паводком его унесет далеко-далеко. Так что если и найдут когда-то, то вероятность его опознания будет равна нулю.

Гер, осматривая место, удовлетворенно потирал руки. Ему казалось, что даже луна помогает ему в поисках. Он совсем развеселился:

— Давай, Матюша, снимай жмура. Здесь и сбросим с яра.

— Дельно, — согласился тот, молча наблюдавший за размеренными действиями жоака, и, взявшись за борт, легко перемахнул в кузов.

— Ох, и поднавалил же буран, Князь, — проворчал он, сгребая снег рукой. — Пол-кузова, прикинь! — И вдруг застыл в оцепенении.

Через мгновение Гера увидел, как он резко распрямылся и с диким, полным ужаса воплем, спрыгнул с

машины, не касаясь бортов. Отбежав по инерции несколько метров, он споткнулся, упал на колени и начал истово креститься.

— Кабан, там кабан, — только и мог разобрать Гера.

— Ты чего, Малыш, белены объелся? Или таблетку сглотил? От Кабана уже около полсотни верст отмахали! — озлился Гера и сам полез в кузов. При ярком свете луны он увидел туловище свиньи, содрогнулся и, медленно наполняясь мистическим ужасом, невольно поднял голову вверх. Похоже, в недоумении была и луна. Или издевательски смеялась над ним?

— Это оборотень, Гера, — дрожащей рукой продолжал креститься Малыш. Испуг был так велик, что он впервые назвал его по имени. — Оборотень. Я с самого начала так знал...

Но Гера уже пришел в себя. Он стащил с рыла кабана мешок, удостоверился в наличии головы, и учуяв запах гнилого зерна, разразился отборной руганью.

— Успокойся, паря. Это самая обыкновенная, дохлая свинья. Но кто подложил ее нам с тобой и куда делся Иван — вот это вопрос. В любом случае, нам надо еще быстрее литься отсюда. Я щас сдам задом, а ты командуй. Вывалим ее — и руки в ноги. Да ты отойди подальше, чтобы мне видно было. А то трясешься тут, как трясогузка...

Он вскочил в кабину, развернул машину и, следуя сигналам Матвея, сдал назад. Потом прямо из кабины освободил рычагом задний борт и включил подъемник. Кузов открылся и медленно начал подниматься.

Матвей, чтобы не видеть дохлого оборотня, отошел к самому краю яра и отвернулся. Факт, что свинья дохлая, немного успокоил его. Дальше все происходило, как в каком-нибудь низкопробном фильме ужасов. Кабан шмякнулся на снег, хрюкнул для начала и, пронзительно завизжав, кинулся со всех ног к единственному видимому объекту на плато — к Матвею. И тот, секунду побалансировав на краю, нелепо взмахнул руками и вместе с кабаном сорвался с яра. Визг кабана слился с его истошным воплем, и долго еще над рекой металось эхо, наводя ужас на обитателей тайги.

В первую секунду Гера даже не понял, что произошло. Услышав визг свиньи, он выскочил из кабины и только успел увидеть, как Матвей взмахнул руками и исчез. Он протер глаза, но Малыш на яру не появился. Наверное, впервые в жизни Гера почувствовал, как по спине его поползли противные мурашки, и его охватил нервный озноб. Осторожно подойдя к краю обрыва, он замер, надеясь услышать голос Малыша. Как бы ни был велик тот мистический страх, овладевший им, он уже прикидывал в уме, сколько они потеряют времени, пока его подельник будет выбираться наверх. И где, и как это можно будет сделать: потому что о том, чтобы выбраться где-то здесь, не было и речи — отвесный берег тянулся далеко в обе стороны.

Но Матвей не подавал голоса. Гера опустил на четвереньки и, вытянув шею, тихо позвал: «Матвей!» И тут же, громче в разы, будто стоял кто-то над ухом, вернулось: «Матвей-вей-вей!» Он затравленно заози-

рался по сторонам, и вдоль дороги ему померещились какие-то причудливые прыгающие тени. Вглядевшись, понял, что это в свете фар колеблются ветви ближних деревьев. Хватая снег охапками, Гера стал растирать себе лицо, шею, руки. Ему показалось, что он теряет рассудок, и заорал в безысходности:

— Матвей! Матвей!

И вновь заметалось эхо, заскакало, кратко усиливая отзвук, от берега к берегу, и понеслось вниз и вверх по реке, постепенно угасая: «...вей... вей!»

Гера съезжился и все на тех же четвереньках отполз от края и сел на снег, обхватив голову руками. И тут услышал отдаленное гудение, и далеко за изгибом реки блеснул луч прожектора от фар машины. Так и подбросило его на ноги, и в следующий момент он уже давил в кабине на газ. Выбирать и гадать, в какую сторону ехать, теперь не пришлось. Уносить ноги надо было в противоположную от звука и света сторону...

Прощай, Малыш! Видать, не по-твоему, по-другому решила упокоиться твоя душа. Так и не довелось порадоваться тебе столь желанным земным богатством.

* * *

Гера гнал машину так, будто кто-то наседал ему на пятки. И на первом же повороте машину занесло так, что он чудом не перевернулся. Это вмиг остудило его: машину надо беречь. Пробираться пешком через тайгу, да еще в одиночку, не входило в его планы, и он тут же сбавил скорость, притормаживая теперь даже на

ровной дороге. Но само чувство страха не покидало его. Свет фар на поворотах выхватывал заснеженные стволы вековых деревьев, и за каждым поворотом ему мерещилась засада.

Но вот большак раздвоился и он, чуть поколебавшись, поехал по более узкой, правой, дороге. Удаляться от реки не стоило, а уж там куда кривая выведет. Сбавив скорость, он и мыслить начал немного спокойнее. А проехав с километр, даже остановился и с подножки огляделся по сторонам и, повнимательней — назад: ни звука, ни света преследователей. Он перевел дух и расслабился. Да и в самом деле: чего он так испугался? Почему та машина обязательно должна быть милицеейской? В разгаре сезон охоты, и это вполне могли быть охотники, которые предпочитают добывать сохатого с помощью техники, а не выслеживать и гоняться за ним на своих двоих. Рассказы о такой охоте он не раз слышал от местных мужиков, отбивавших срок вместе с ним. Ему даже показалось, что еще раньше, чем они похоронили Кабана, он слышал отдаленные выстрелы. Теперь он постарался убедить себя в этом: ну да, конечно, слышал. Только не придал тогда значения, потому что не до того было.

Гера успокоился настолько, что через полчаса позволил себе отдохнуть, немного размять ноги и критически осмыслить ситуацию. При счастливом стечении обстоятельств — а они благоволили к нему с самого начала побега! — эта дорога могла привести к переезду через Чуну по зимнику. Мысль оказалась и вовсе благотворное

действие: в вспыхнувшей надежде вскочил он в кабину и в радостном предчувствии покатил навстречу удаче. Но миновав два-три поворота он вдруг резко затормозил, а потом и вовсе отсоединил провода зажигания, заглушив машину. Совсем недалеко в небе над тайгой нет-нет да и появлялся яркий сполох света. Вот он снова скользнул по небосводу и тут же исчез. Да и на самих верхушках поредевших там деревьев покоился неяркий тусклый отсвет. Зона... Гера прекрасно это понял, и безысходное чувство тоски овладело им. Бежал, бежал — и прибежал! Сам пришел. Выбранная им дорога привела прямо в лагерь. Осталось только узнать, какой! Попытаться развернуться? А насколько еще хватит бензина?

Гера лихорадочно соображал. И тут, словно подслушав его мысли, откуда-то издалека донесся гудок тепловоза и его едва слышный перестук колес. Это мог быть только мост. Теперь все! Шансов не осталось. От отчаяния он уронил голову на руль и не услышал, как рядом с ним остановился «УАЗ-69». Водитель, молодой парень, лет двадцати пяти, открыл правую дверцу и склонился через сидение.

— Проблемы, земляк?

Гера вздрогнул. Мельком взглянул на парня и сразу понял, что это его спасение. Он опустил стекло и виновато развел руками: дескать, да есть малость, куда ж без проблем.

— Что, никак заплутал? — продолжал тот с открытой улыбкой.

— Ну, вроде того, — быстро сориентировался Гера. —

Но, главное, бензин на нуле. — И схитрил: — Даже если здесь до моста и проеду, там заторчу.

— Так тебе в Октябрьский? — догадался парень. — Ну, тогда зачем нам мост. Шуруй за мной. Тут в Хоняках через Чуну и махнем по зимнику.

«Хоняки!» Как же он сразу не догадался. Был здесь Гера. Целых полгода сидел. Хорошая зона, добротная, с теплыми помещениями. Япошки ее на совесть строили. Ну, так для себя же старались. Они и поселок этот вроде обосновали. В самом-то поселке ему бывать не доводилось, только через забор и видел его, но знал, что на другом берегу Чуны — станция. А значит, до свободы рукой подать. Еле сдерживаясь, чтобы не закричать от радости, Гера сделал вид, что озабочился:

— Слушай, если ты это только из-за меня...

— Да нет, — перебил его словоохотливый попутчик. — Я сам туда. К жинке своей из командировки еду. Вообще-то мне еще и завтра до обеда надо было пахать, но я отпросился. Соскучился по жене. Вот уже шестой час пилю до дому.

— Ну, да, твое дело молодое, — как бы порадовался за него Гера. — Жена, наверное, красавица, что не утерпел, а? За лохудрой-то, небось, не соскучился бы?

— Ага, — закивал головой польщенный водитель. — Красивая. Главное, меня любит. Ну, что, едем? — И спохватился: — Да, а в Октябрьском-то ты к кому? А то можем ко мне, если что.

— Не-не, меня там у вокзала утром встретят. Ты бы меня только туда довел.

— Да без проблем. Поехали. Через реку старайся мне в колею идти. А если чуть что — пофарь. Ну, там бензин, или еще что...

— Я пофарю, — пообещал Гера. — Обязательно. — И, как бы замаявшись, попросил с виноватой улыбкой: — Ты это... не знаешь, случаем, где там можно водочкой разжиться? Перемерз весь нито...

— Да не вопрос, — развеселился парень. — Во всяком уважающем себя селе есть своя «дежурка». У Мишки-цыгана ты не только водочки — все, что твоя душа пожелает, можешь взять. Были бы «пиастры», как он сам говорит. Ну, деньги, то есть. — И от души рассмеялся: — Можешь и продать, если есть чего. В общем, так: заедем в село, я у Мишкиной хаты сделаю тебе ручкой. Вот так, — парень приподнял руку над кабиной. — А там не ошибешься: у него во дворе круглосуточно фонарь горит. От него, это потом уже как через переезд перемахнешь, сразу направо — и через полкилометра ты у вокзала. Годится?

— Ну, ты еще спрашиваешь, — вполне искренне развел руками Гера.

— Тогда что, — улыбнулся тот на прощание, — ждем?

— Ждем, — рубанул Гера рукой воздух, — где наша не пропадала.

— Только не забудь пофарить, если что.

— Не-не, это уж обязательно.

Через пару поворотов лес кончился и дорога разветвилась еще раз: налево — к воротам зоны, направо — на поселок. «Хоняки» — еле разобрал Гера на сильно по-

косившемся указателе. В сторону зоны он старался не смотреть: что, кроме мрачных мыслей, могло принести ее созерцание? Он даже задержал дыхание, пока она не осталась за спиной, а справа показалось одно-единственное двухэтажное здание поселка. Дальше по обе стороны дороги стояли невзрачные избы, а в правой стороне в просветах между ними угадывалась река. Уже недалеко впереди на фоне заснеженного пространства темной громадой отчетливо вырисовывался мост через Чуну. Геру вновь охватило противное волнение, и тут ведущий его «уазик» нырнул в низину и, не понимаясь на противоположный склон, все больше стал забирать вправо по распадку. Здесь по обледеневшему руслу мелкого притока, впадающего в реку, и начинался зимник через Чуну...

Его попутчик притормозил у довольно большого особняка, и помахал рукой над кабиной «уазика» в прощальном приветствии. Гера ответил и посмотрел на часы. Шесть утра, а темень — хоть глаз выколи. Чуть выждав, он вылез из кабины и пошел во двор, огороженный аккуратным штакетником, но без ворот у входа. В самой его глубине, у стены дома, поскрипывал тусклый фонарь, разрисовывая снег неясными желтыми кругами. Там, справа от дома, под невысоким, но просторным навесом стоял «Москвич-412» и пара мотоциклов. «То, что надо, — удовлетворенно отметил он. — Барыга из видных. Вон какие хоромы отгрохал. И не из трусливых. Знает себе цену».

Он еще не подошел к двери, как из дома в одной на-

тельной рубашке и кальсонах вывалился приземистый мужик с косматой шевелюрой и такой же всклокоченной бородой. Двери он оставил стоять нараспашку.

— Вроде не наш, а? — вместо приветствия спросил он, разглядев Геру. — Что, трубы горят?

— Горят или не горят, не в этом значение, — усмехнулся Князь.

— А в чем? — прищурился цыган. — Говори прямо, не бойся.

— Да зачем же хорошего человека бояться, — спокойно продолжал Гера. — Услышал я о тебе, Миша, вот и пришел. В общем, приодеть бы одного человека надо. А то пообтрепался он весь. Найдешь чего?

— А этот человек — он твоих размеров? — обошел вокруг посетителя Михаил. Так портной оценивает своего клиента. — И при деньгах ли он?

— Пиастры имеются. А со мной он точь-в-точь: и ростом, и весом.

— Я так и подумал. Есть форма железнодорожника: мундир, валенки, бушлат и шапка — подойдет?

— То, что надо. Сколько?

— Ну, как для знакомства, отдам за полцены. Двести рэ.

— Значит, стоит стольник, — определил Гера вслух, и протянул цыгану две сторублевки. — Да ладно. Тащи. И прихвати пару пузырьков беленькой.

— За отдельно?

— Обойдешься. В зачет формы. Смотри, могу и передумать.

— Не-а, не передумаешь, — ухмыльнулся цыган. — Не в том ты, братан, положении, чтобы размышлять. Но я согласен. Щас.

Он нырнул в так и не закрывшиеся двери и тут же появился в сопровождении дюжего хлопца с тюком одежды и валенками. В отличие от Михаила хлопец был в накинутой на плечи фуфайке, но зато шлепал по снегу босыми ногами. Геру так и пробрал мороз от такого вида, и он невольно поежился.

Передав вещи, хлопец вытащил из-под фуфайки две поллитровки.

— Это настоящая, не паленая, — гордо сообщил он, тут же развернулся и ушел. Михаил приблизился к Гере.

— Слышь, братан, зайди в дом, переоденься. Не надо мне лапшу на уши вешать, что шумутки для кого-то другого. Заходи.

Гера заколебался. В машине оставалась сумка с деньгами.

— Здесь никто ничего не тронет, — как бы угадал его мысли цыган, — у нас все на доверии.

— Ну, если так, то я под навесом и перекинусь. В дом не надо.

Когда он закончил с переодеванием, цыган, еще раз оглядев его, удовлетворенно крякнул.

— Как на тебя сшито. Только ты, братан, свое барахло подальше от моего дома скинь. Я хоть и не шибко боюсь, но зачем лишний базар?

— Не сомневайся, Миша, — махнул рукой Князь. — В любом разе ты не будешь при делах.

— А если и при делах, то с меня как с гуся вода. Я продал, ты купил. Больше ничего не знаю. Но все же... — он помедлил, — может быть, скажешь, кто ты есть? А то неладно выходит: ты меня знаешь, а я тебя — нет. И далек ли путь твой?

— Меньше знаешь, Миша, крепче спишь. Но одно тебе обещаю определенно: когда тебя посадят, а тебя рано или поздно посадят, в зоне можешь рассказать, как ты однажды выручил Князя. Запомнил? Это сильно выручит тебя в зоне. А путь я держу в Красноярск. Прощай...

Про Красноярск сказал просто так: мало ли что у цыгана на уме. А береженого Бог бережет. И тут же поймал себя на мысли: «Что-то больно часто стал я Бога вспоминать. Не-е, надо все же эту книгу почитать, надо».

Миновав переезд, Гера взял вправо и вскоре увидел невысокое, очень аккуратное, светлое здание. «Сосновые родники» — прочитал он на вывеске вокзала, отъехал в глухой переулочек и оставил машину...

Внебольшом зале в этот ранний час не было ни души, но едва он успел изучить расписание, как позади слышались легкие шаги. Это был Гриша Кушаков — дежурный милиционер, тяготившийся вынужденным одиночеством. До конца смены оставалось всего ничего, и ему просто хотелось общения, чтобы убить время.

— Далеко собрался, служивый? — сонно поинтересовался он на всякий случай, потом повнимательнее посмотрел на раннего пассажира. — Что-то незнаком ты мне.

— Можно подумать, что ты всех тут знаешь, — усмехнулся Гера.

— В лицо — всех! — гордо сообщил Кушаков. — А ты — нездешний.

— Нездешний, — согласился Гера. — В гостях тут был. У Мишки-цыгана.

— Иди ты, — не поверил Кушаков, — у Мишки? — И так заинтересованно облизнул губы и шмыгнул носом, что Гера ясно осознал его мысли.

В голове моментально родился план действий. Гера небрежно сунул руку во внутренний карман бушлата и показал дежурному белоловку.

— Ух, ты, — блеснул глазами Гришка. — Никак, столичная?

— Мишка другой не держит. Давай на посошок? А то трубы горят, а посуды нету.

— Ну, это мы щас, — засуетился страж порядка. — Пошли ко мне.

— Только мне бы на поезд не опоздать, — предупредил Князь уже в дежурке. — До Красноярска я. На нерюнгринском.

— Мать честная! — заторопился Гриша. — У нас всего двадцать минут. Успеем. Давай по-быстрому.

— Давай. Только ты мне полстакашки плесни. Сам понимаешь — в дорогу. Остальное — тебе.

— А, ну да, ну да, понимаю, — с готовностью согласился Гриша. — В дороге это первое дело, чтобы трезвым был. А как же. А мне это на после обеда. Ты вот сальца, сальца закуси. Огурчик вот маринованный.

А то запах в дороге — не годится. Ты это... Поезд стоит две минуты, так ты прыгай в первый же вагон, что рядом остановится, а там уж разберешься. Да что я тебе, железнодорожнику, еще и советую, ха-ха-ха!

Через несколько минут Гера вскочил в подошедший вагон, а Гриша помахал ему рукой и в счастливом расположении духа тут же вернулся к недопитой бутылке.

Князь же, пробежав по вагону до следующего тамбура, привычно, без усилий открыл дверь на противоположную сторону и спрыгнул еще до отхода поезда. На втором пути стояла электричка, которая и унесла его через пять минут совсем в обратную сторону. Не доезжая до Братска, Гера вышел на станции Вихоревка и нанял частную машину, на которой и отмахал последние тридцать километров до города. Потом один телефонный звонок — и он «залег на дно» у надежных людей. Князь мог быть доволен собой: все его ходы были позже прослежены, и основные силы по поимке беглеца были направлены в Красноярск. Сильно сгодились тут свидетельство Гриши Кушакова, да еще подкрепленное правдивыми показаниями Мишки-цыгана.

Уже освободившись от «груза», после немудреных манипуляций с внешностью, в гостинице «Тайга» появился щеголеватый блондинистый латыш. На его имя был забронирован номер люкс. Предъявив командировочное удостоверение и роскошный букет цветов (там он стоит умопомрачительных денег!) вкупе с дорожными конфетами, Ян Блуминьш, прибывший якобы из Казахстана, сразу вписался в редкие тогда еще ряды

полулегальных предпринимателей. Это были в основном выходцы с Кавказа, собирательное имя которым было — «азербуты». Неважно: будь ты армянин, грузин или азербайджанец — «азербут», и все тут. Всякими правдами и неправдами они открывали в тайге предприятия, метко обозначенные сибиряками, как «воруй-лес» или просто «воруйка», и ворочали такими деньгами, каковые тем самым сибирякам и не снились. Но этого латыша лес не интересовал, хоть он это всю и показывал. Главный его интерес состоял в том, чтобы выбраться отсюда на «большую землю». И не иначе, как самолетом. Железка перекрыта повсюду — тут и гадать не надо. А вот самолетом... Да еще если без предъявления паспорта... Паспорт — он хоть и есть, но не для внимательного глаза. И тут ему лучше всего подходил некто Золотов, проживающий в этой элитной гостинице. Информацию о нем Гера получил исчерпывающую. Для этого человека паспортного контроля не существует: его подвозят прямо к трапу самолета. Собственно, и риск появления Геры в гостинице был связан с этим человеком.

* * *

Борис Хлопаков, председатель охотообщества, довольно потирал руки: охота удалась на славу — добыто два крупных лося. И одного из них он подстрелил самолично. Предоставив трем сопровождавшим их охотникам заниматься погрузкой туш животных в «КамАЗ», он со своим гостем на новенькой «Ниве»

поехал вперед. Гость, Константин Золотов, был не так себе гость, а человек из областного партийного начальства. И курировал он не что-нибудь, а кооперацию. Все: обл-, рай-, гор- и прочие коопторги были в его ведении. Именно через него охотсоюзу — виданное ли дело! — и выделена была «Нива». Ну, ясно, что с далеко идущим прицелом: теперь любой человек «от Кости» мог поохотиться так же славно, как только что это сделал сам Золотов. Правда, он не совсем был уверен, что попал в зверя, но все охотники в голос убеждали, что именно его выстрел был «в десятку». И доводы их звучали так убедительно, что ему пришлось поверить. А поверив, тут же освободился от неловкого чувства неполноценности как охотника, и даже приосанился, и распрямил плечи. Хотя разницы тут никакой не было: попал — не попал, рога лося все равно бы украсили стены его гостиной в Иркутске.

Константин открыл бардачок, достал плоскую бутылку виски — дефицит, недоступный простому смертному, — и, скрутив пробку, протянул ее Борису:

— Ну, председатель, давай за успех.

— Я только один глоток, — предупредил тот. — Хоть и тайга, а за рулем увлекаться не стоит. Посмотрим, что за границей пьют.

— Хозяин — барин, — пожал плечами Костя. — Да ты приостановись.

Хлопаков затормозил, глотнул из бутылки и замер, прислушиваясь сам к себе. Потом сморщился, замотал головой.

— Дерьмо, хоть и заграничное, — констатировал. — Голимый самогон.

— Ну, и деревня же ты, Боря, — обиделся за «загранницу» Костя. — Нашел с чем сравнить! Это ты просто не распробовал. А глотни-ка по-людски — так и за уши не оттянешь. Смотри! — Он демонстративно побольше отпил из бутылки и с секунду победоносно смотрел на Хлопакова. Потом непроизвольно передернулся и сплюнул.

— И правда — дерьмо. — И выговорил кому-то неведомому. — Ну, она у меня получит на орехи. Секретарша моя. Вот что значит не сам выбирал. Ну, ничего, в следующий раз я тебя настоящим французским коньяком угощу. Завтра в Братск с проверкой поеду — работы там для меня непочатый край, а на обратном пути опять к тебе. Уже денька на три.

— Во, это другой коленкор, — обрадовался Хлопков. — Тогда от души можно будет поохотиться, а не так, с бухты-баракты.

— Тогда да, — согласился Золотов. — Но и сегодня мы были не промах.

— Ну, еще бы. А мы вам к тому времени и унты пошьем, и рога выделаем. — Радостно продолжил Борис и осторожно напомнил: — Только вы уж про комплект резины к машине не забудьте.

— Да будут тебе шины, будут. Сказал же: братчане сами привезут.

— Ну, и славно. А то ведь как в Иркутск уедете, когда еще сможете вырваться. Дел-то, наверное, невпроворот?

— Ох, и не говори, Боря. Голову поднять некогда.

Костя еще раз приложился к бутылке и, изрядно отхлебнув, опустил дверное стекло. Душно, дескать.

Борис, уже разогнавший машину, вдруг притормозил.

— Вы ничего не слышали? — спросил беспокойно.

— Нет. А что такое?

— Крик вроде был. Тут в тайге на несколько верст как поднесено слышно. Во! Слышите? Опять. Кто бы это мог быть?

Над тайгой и вдоль реки, отскакивая от одного берега к другому, многократным гулким эхом пронесся и затих чей-то призыв.

— Охотники, может? — беспечно брякнул Золотов. Хмель уже ударил ему в голову.

— Да какой же охотник будет орать в тайге? — энергично мотнул головой Борис. — Разве что эти... — и осекся.

— Кто? Охотники, как я? — сыронизировал Золотов.

— Да ну, речь не о вас, — больше, чем крика, Хлопачков испугался, что гость обидится. — Я имею в виду то, о чем предостерег майор, там у развилки. Давайте подождем ребят с «КамАЗом» и дальше поедem вместе.

Действительно, еще за Лесогорском местный майор предупредил их, что объявлен розыск бежавших изпод Тайшета опасных уголовников, и надо, мол, быть осторожнее. Добраться сюда за столь короткое время они, конечно, не могли, но мало ли что. Костя слышал этот разговор, поэтому несколько свысока посмотрел на своего напарника.

— Еще чего, — презрительно хмыкнул он, — уголовников бояться! У нас же как-никак два карабина. Поехали, Боря, где наша не пропадала!

— Ну, как хотите, — не выказал тот энтузиазма. — Погнали.

Минут пять Золотов рассказывал о том, как он участвовал в задержаниях опасных преступников, будучи еще студентом, потом постепенно пыл его угас, и он смолк, погрузишись в воспоминания.

Где-то в этих краях сидит и его старший брат, Иван Колотов. Не виделись они уже больше пятнадцати лет; с того самого дня, как он, Костя, приезжал к брату в последней попытке «образумить» его. Поскольку об отказе Ивана от веры не могло быть и речи, он думал добиться его согласия хотя бы на время перестать проповедовать людям о Боге. Да, это больше нужно Косте, чем Ивану, и он не скрывал этого. Нужно для того, чтобы поехать работать за границу. А при наличии верующего брата это невозможно. Иван портит ему всю характеристику. Ну, что стоит немного повременить с этими проповедями? Что стоит подписать всего лишь одну бумажку и на какое-то время (ну, скажем, на месяц) приболеть? А как Костя уедет, да хоть ты потом запроповедуйся. Пока не посадят. Этого ведь, кстати, пока не произошло тоже только благодаря Костиному тестю. О, он все может! Но вот выехать работать за границу с таким пятном в биографии никак нельзя. Так что многое, если не все, теперь зависит от Ивана. Иначе... Иначе Костя будет вынужден сменить фамилию. Было это перед его

свадьбой с Нателлой, да с ней он, собственно говоря, и приехал к Ивану. Только она даже не вышла из машины; так и прождала в ней на улице, не удостоив вниманием своего будущего деверя.

Выслушал его старший брат, улыбнулся невесело.

— Костя, я не только на время — ни на мгновение не могу отречься от Бога. Как такое тебе могло прийти в голову? Слушай, что сказал Христос (тебе когда-то это обязательно пригодится): «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным». Это мое кредо, Костя. А раз уж тебе так приспичило — отрекайся от фамилии нашей, меняй ее. Только даже смени ты еще и имя, и отчество, все свое-то всегда носишь с собой. Ну, отмежуешься ты от меня, от сестер, а куда ж от себя-то хочешь деться?

Вспылил младший брат, наговорил кучу дерзостей:

— Я-то найду куда деться! Куда ты со своим Богом залетишь — вот вопрос! Я защищать тебя больше не стану. Посмотрим, как запоешь, когда тебя, как и всех твоих верующих, снова по судам начнут таскать. Все, ноги моей больше у тебя не будет!

И правда, не видел он с того времени Ивана. И слышать о нем не хотел. Регистрация их брака с Нателлой благодаря тестю произошла быстро и гладко, без всяких испытательных сроков. Приняв фамилию жены, Костя стал Золотовым. Собственно, заменить-то пришлось лишь первую букву, но зато как звучала теперь его фамилия! С ними-то, то бишь, с женой и новой фамилией, он и уехал за границу. Время от времени на-

ведываясь в родные края, прочитывал редкие письма от старшей сестры, был более или менее в курсе их дел, но не ответил ни разу. Ничего, кроме неприятностей, из-за этого родства он не нажил. Лет этак десять он тихо-мирно существовал на своей работе в торговом представительстве. Побывал в разных странах и всегда придерживался принципа: «Вперед не суйся и взад не отставай». Это был совет его мудрого тестя. Деловая карьера шла ни шатко ни валко. Не то, чтобы в гору, но и не вниз. Случались иногда повышения, незапланированные взлеты — и тогда сослуживцы пели дифирамбы его способностям. Потом все «устаканивалось», входило в привычную колею — и снова размеренное затишье. Но после того, как его тестя «ушли» на пенсию, те же самые люди, которые считались друзьями, теперь стали сторониться, называя его не иначе, как выскочкой. Вскоре и вообще вернули его в родные пенаты. Раскопал кто-то, что есть у него брат-баптист; а они, мол, сектанты эти, того и гляди затащут и его в свои вражьи сети. А враги эти повсюду: и вполне может произойти дискредитация кристально честной репутации партии. Причем изнутри. Искренне-то честного партийца долго ли совратить с пути истинного! Костя давно уже понял лицемерие этой искренности, но быстро приспособился к этой жизни: «С волками жить — по-волчьи выть!» Короче говоря, сам стал таким же «честным» и за это потихоньку, без шума ненавидел и продажных коллег, и всю советскую власть. Всех, кроме себя. В общем, предложили ему тихо-мирно, без шума — собственно, как и работал, —

вернуться в родные края. Должностью не обделили, но направили подальше от столицы. Конечно, кому-то его новая должность казалась «золотым дном», и в общем-то оно так и было: система кооперации набирала обороты, а в его руках были рычаги управления. Это означало, что весь тогдашний дефицит был в его руках. Но что значит эта жизнь в далекой Сибири в сравнении с тем, что он вкушал в течение стольких лет! Разнообразные приемы, рауты, брифинги... Стоит ли говорить, как зол он был на Ивана. Ведь именно его он считал виновником такого вот неожиданного оборота дел. В этой досаде как-то не вспомнилось ни разу, что своим высшим образованием он обязан никому иному, как брату. Обе старшие сестры были уже замужем и жили далеко от них, когда родители один за другим покинули этот бранный мир. Сначала скоропостижно скончался отец, почти никогда до этого не болевший. А вот прицепилась лихоманка на болотах и в три дня изъела потомственного охотника. Это была уже вторая смерть в семье. Во время войны погиб их старший сын Володя (его Костя помнил очень смутно), и уже тогда мать сразу постарела на несколько лет, и стала к ней цепляться всякая хворь. Без отца же жить вообще не сумела: зачахла на глазах и померла с тоски. Вот тогда Иван и оставил десятый класс школы. Пошел работать, чтобы дать возможность младшему доучиться. Костя ведь и в школе в учебе первым был, и в институт по окончании ее сразу поступил. Трудно сказать, кто больше радовался его успехам: сам студент или его брат. Может быть, и одинаково. Только разница

была в том, что Костя гордился своими способностями, а Иван славил Бога за то, что Он дает ему хорошую работу, чтобы содержать брата-студента. И никакой личной жизни у Ивана не было, пока Костя не закончил институт. Интересно то, что младший все это воспринимал как должное. Что по-иному не могло и быть — он всегда был любимцем семьи. Его просто «носили на губах», как выражался его дед Константин Григорьевич. О, тот вообще в меньшем внуке души не чаял. А Иван будто бы для того и существовал, чтобы ухаживать за Костей. Он и женился-то на каких-то всего два года раньше младшего брата. В общем, сделал все, чтобы тот «вышел в люди».

Вот он и вышел... Да так, что в итоге винил в своих «бедах» именно Ивана. За вот эту вот его глупую, никому ненужную веру в Бога. Но нет худа без добра: сегодняшняя охота взбодрила его, напомнила то волнение, с каким он впервые шел на охоту с отцом. И вот сегодня он снова охотился в этих краях, и добыл сохатого, как когда-то добывал его отец. Правда, отец охотился без машины и карабина, ну, да разве дело в этом...

Резкое торможение, и последовавший недоуменный возглас Хлопакова встряхнули его. Он взбросил глаза и тоже не удержался, чтобы не чертыхнуться. В свете фар перед машиной стоял, тупо уставившись на нее своими маленькими глазками, самый обыкновенный домашний кабан. Стоял и не убегал: то ли ждал от них помощи, то ли свет фар ослепил и загипнотизировал его.

— Что это? — невольно содрогнулся Костя.

— Нежвачное парнокопытное семейства свиней, — блеснул знаниями Хлопаков и мрачно продолжил: — Вопрос: как он сюда попал? И откуда. Щас разберемся. Пойдем, посмотрим на чудо природы. — Они вышли из машины, Борис внимательно огляделся по сторонам, подошел к кабану, присел на корточки и протянул ему руку. Тот доверчиво ткнулся в нее рылом.

— Та-ак, — обрадовался Хлопаков, словно открыл для себя какую-то тайну. — Похоже, ты, друг, с какой-то фермы. И скорее всего тебя оттуда слямзили. Сам сюда добежать бы ты не смог. Да и какой резон бегать по тайге, если ты не вепрь. М-да-а, как-то еще не подгадал ты на обед к волкам. — И повернулся к Золотову: — Бежал он по реке, вон оттуда. Или сбежал от кого-то? Слушай, это ж его и звали. Крик-то был как раз оттуда. Но там больше, чем на версту, обрывистый берег по обе стороны. Ладно, чего тут гадать. Придется все же ждать наших парней. Не бросишь же брата нашего меньшего в беде.

— Конечно, подождем, — согласился Золотов. — Кстати, вон и они.

Подъехавшие охотники, немало поудивлявшись, погрузили нисколько не сопротивлявшегося кабана в кузов «КамАЗа».

— Сдайте его, мужики, в Октябрьском или в Чуне, — сказал Хлопаков. — Его же явно увели с фермы. Вот и пусть выясняют — с какой и кто.

— Так, а вы не с нами, что ли? — удивился Виктор, шофер «КамАЗа».

— Не-е, я Артамонычу обещал к Валере, егерю тутошнему, заскочить. Дело есть к нему. Ну, по коням! Завтра к вечеру свидимся.

Но свидеться пришлось буквально через пару километров. Дорога, ненадолго вильнув от реки, после затяжного подъема вывела на то самое плато, где Гера расстался со своим подельником. Острый глаз Бориса сразу выхватил следы колес, ведущих за обочину. Подоспевшим опытным охотникам не составило большого труда установить: здесь произошло что-то неподвиженное для водителя машины. Во-первых, он явно заблудился. Во-вторых, тут могла разыгаться трагедия: при свете луны и направленных фар они обнаружили на «пяточке» две пары следов ведущих к обрыву, и только один след назад. И спасенный ими кабанчик наверняка имеет к этому отношение, так как кое-где не были затоптаны и его следы. Нужно было быстрее сообщить обо всем милиции. О том, чтобы самим попытаться спуститься вниз, не могло быть и речи. И дело даже не в том, что это опасно, а в том, что может получиться себе дороже. Наученные горьким опытом общения с нашей доблестной милицией, мужики не стали бы рисковать и в более невинной ситуации: попробуй им помочь, и очень просто можешь стать главным подозреваемым в деле. Оно и правда: зачем кого-то искать, когда под рукой есть удобный субъект для обвинения?

Вобщем, здесь они разделились. Хлопаков с Золотым поехали влево, а «КамАЗ» с охотниками — прямо на Хоняки и дальше через Чуну — в Октябрьский.

— Сдается мне, это те самые уголовнички, — высказался на прощание Борис и предупредил мужиков: — Будьте осторожнее.

— Сам будь, — откликнулся Виктор. — А за нас не бойсь. Может быть, поедем вместе? А то неровен час, встретите кого.

— Да нет, мы-то их уже не встретим, — уверенно сказал Хлопаков. — Они оттуда и прибыли. А вот у вас с ними одна дорога.

— Ну, с нами столкнуться им самим не с руки будет.

— Да я и думаю...

* * *

Костя в разговоре участия не принимал, но слышал все рассуждения мужиков. Им овладело какое-то странное чувство неотвратимой опасности, и только из боязни показаться трусом, он не предложил Борису отказаться от поездки к егерю на заимку. Куда, в общем-то, он сам и напросился. Во-первых, уж очень сильно хотелось вспомнить детство, когда отец брал их с Иваном на такую же заимку, и они подолгу жили там вдали от людей. Ну, а во-вторых, у этого егеря, по словам Бориса, можно приобрести самые высококачественные, без малейших изъянов, шкурки соболя. И что немало важно: по символической цене. А он обещал Нателле привезти именно такие: чтобы недорого и сердито. И вот теперь это предчувствие... Но кому хочется выглядеть трусом: вот если бы отказаться от поездки предложил сам Борис — тогда другое дело.

— Ничего, — как бы услышал его мысли председатель охотсоюза, выруливая «Ниву» влево, — мы быстро обернемся. Если, конечно, вы не захотите погостить у Валеры денек-другой. Для верности, так сказать.

— Нет-нет, послезавтра — это край! — я должен быть в Братске. Там у меня дел надолго хватит.

— Ну, и так ладно будет, — согласился Борис. Опытный таежник, он видел, что последние события навеяли тоску на его высокопоставленного гостя, и нисколько не осуждал его. Тут и более закаленные, привычные к подобным ситуациям люди почувствовали бы себя не в своей тарелке. И чтобы отвлечь его от неприятных мыслей, завел речь о «Ниве». Дескать, и наши машины могут конкурировать с западными. Вон какой вездеход — обзавидуешься! Тут он попал в точку: человека, побывавшего на Западе, медом не корми — дай порассуждать о машинах. Золотов воспрянул духом и пустился в пространные рассуждения о качестве машин. Попутно упомянув, что «та-ам» (кивок головой чуть вбок и назад) у него был «Лендровер», он констатировал, что хваленая «Нива» не идет с ним ни в какое сравнение. Но Борис грудью встал на защиту родного автопрома, искусно сдвигая свою несоглашательскую позицию порцией лести: что, мол, вряд ли Золотов стал бы выбивать для охотсоюза некачественную машину... Вон, мол, смотрите, как идет! Все ей нипочем — ни снег зимой, ни непролазная грязь в распутицу. А движок — так вообще безотказный!

И как раз тут, после этих слов про безотказность, мотор чихнул и заглох! До низу склона катились уже на холостом ходу. Там подняли капот, Борис вытащил фонарик и оба глубокомысленно склонились над мотором.

— Вы что-нибудь понимаете тут? — осторожно спросил Борис.

— Да ни синь пороху, — пожал плечами Костя. — В загранке для этого была уйма разнообразных фирм. Дело шофера уметь рулить. Это я умею. — И выпрямился в худом предчувствии: — А ты? Что, тоже не смыслишь?

— Так и мне не приходилось туда лазить. У меня же Виктор есть.

— Ну и дела-а. Может быть, бензин кончился?

Достали из багажника одну канистру. Залили. Не заводится. Трогали, крутили по очереди все провода и крышки — пустой номер. Мотор не подавал никаких признаков жизни.

— Вот тебе и отечественная, — криво усмехнулся Костя. — Безотказная.

— М-да-а, — неопределенно протянул Хлопаков, — перехвалил, однако.

— Хм, перехвалил. Было бы чего хвалить. Металлический драндулет с проводами. Слушай, а может быть, она, как и всякий русский, придерживается принципа: не подмажешь — не поедешь, а? Испытаем? — Он снова достал виски, основательно приложился к бутылке, вытер губы и крякнул от удовольствия. — Мне байка одна вспоминается: бился-бился мужик, не может завести свой драндулет. Потом взял, выпил, пнул по колесу

и — нате вам! — поехал. На, попробуй, — протянул бутылку Борису.

— Ну, байки они и есть байки, — отстранил тот его руку. — У нас дело посерьезнее. К утру, по всему видно, морозец совсем прижмет. А до утра — он подсветил фонариком на наручные часы — не рукой подать. Так что вы, пожалуй, грейтесь, а мне придется топать до Валерки. Лыжи у нас только одни. Тут, если напрямки через лес, верст пять, не больше. Как вы на это?

— А у меня есть выбор?

— То-то и оно, что нету. Придется подождать меня здесь. За час, от силы полтора, обернусь. Там в багажнике тулуп, если что, — Хлопаков полез в багажник. — Укройтесь в машине и пару часиков перезимуете, а?

— Да куда ж денешься. Только я лучше вокруг машины попрыгаю. Когда еще придется вот так-то в тайге «позагорать» на волчьем солнышке. — Он посмотрел на небо, и луна, будто оскорбившись, что ее так обозвали, тут же нырнула в набежавшие облака. Костя отошел к обочине и картинно раскинул руки: — Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов... — И вдруг засуетился. Метрах в пятидесяти вверху от дороги почудился ему сохатый: он лежал в середине изогнутого аркой куста, и шевельнулся аккуратно в момент поэтического вдохновения Золотова.

— Боря, сохатый, — опрометью кинулся он к машине, выхватил карабин и, почти не целясь, пальнул. В самый последний момент Борис успел подтолкнуть дуло вверх. Потом и вовсе вырвал карабин из его рук.

— Дай сюда. Какой сохатый? Где ты видел, чтобы зверь дожидался, когда ты его убьешь? — не скрыл он раздражения, впервые назвав Костю на «ты». — Так близко подпустить может разве что смертельно раненый зверь. А в такого стрелять ни один охотник не будет: грех это. Да и зверь ли там? Пойдем-ка, проверим.

Костя понял свою оплошность, но подавить вспыхнувший гнев смог с большим трудом. И в душе моментально изменил отношение к спутнику: «Погоди, получишь ты теперь у меня что-нибудь». Все же сподобился сказать мирно:

— Я понял, Боря. Извини. Пойдем.

Проваливаясь по колено в снег, они добрались до темнеющего в кустах бугорка. Хлопаков отдал фонарик Косте, притоптал снег и с большим трудом разогнул края уже задубевшего тулупа. Там был человек. Хлопаков посмотрел на Костю. И тот не увидел, но почувствовал его немой укор: дескать, теперь понял, куда ты стрелял? Он опустился на одно колено, подсветил фонариком лицо и тут же вскочил, как ужаленный. Он узнал Ивана.

— Ты что, мертвых не видел, — по-своему истолковал его испуг Борис. Он уже распахнул на Иване фуфайку. — Свети-ка сюда. Видишь? Вся рубаха кровью пропиталась. Но сам-то не совсем остыл еще. Недавно, значит, грохнули мужика. Только совсем не здесь. Сначала где-то грохнули, а потом... Стоп! А ведь сюда-то он сам добрался! Сбежал, что ли? Ну-ка, на лицо посвети еще раз, что-то он мне знакомым пока-

зался. Точно. Иван это. Колотов, кажется, фамилия. На поселении он тут после отсидки.

— Так он уже отсидел? — невольно вырвалось у Кости.

— Ну, да. Ты что-то знаешь о нем?

— Да нет, — смешался Золотов. — Я это... про этих... беглых подумал.

— А-а, ну, это навряд ли. Какой ему резон бежать? — И задумался: — Хотя, от кого-то он все же бежал. Вернее, уполз. Может, использовали его как-то, а потом грохнули? Вот и гадай теперь. Ладно, это дело милиции. — Он снял с себя шапку и приложился ухом к груди Ивана. — Не, не дышит. Готов. Что будем делать, Артамоныч? — И вскинулся в удивлении. — Ну, и совпадение. Точно помню, мужики на пилораме и его все Артамонычем навеличивали. — Он помедлил немного, вспоминая что-то: — Ну, да! Я у Кольки Гребенюка, родственника своего, с ним несколько раз встречался. Верующий он. Лиза, жена Колькина, в этом Иване души не чаяла. Все его: Артамоныч, Артамоныч, не иначе. Он, мол, муженька ее, Кольку то есть, на истинный путь направил. Ну, это в ее понимании — истинный. Божий путь, значит. Ты что молчишь?

Пораженный Костя слышал вопрос, но не мог вымолвить ни слова. В голове был сплошной сумбур: предчувствие, преследовавшее его с того самого момента, как он услышал о побеге уголовников, не обмануло. Но печалился он не об Иване — мертвого не вернешь, — а о том, что зэк, мертвый он или живой, так и остается

зэком. И, к несчастью, это его родственник. Хотя и на поселении. Сам он сбежал или с поделщиками — еще вопрос. Но раз Ивана хотели убрать, значит, есть за что. Стало быть, вновь над его карьерой нависли тучи. Разобраться-то недолго: вон ведь и Борис уже догадки строит насчет отчества. А разобравшись, вполне могут турнуть и отсюда. Завистников на его место хватает с лихвой. Эх, и кто только дернул его ехать к этому егерю! И словно откуда-то издалека слышит он Бориса.

— Да это по первости тебе так, Артамоныч. Конечно, это не заграда. Хотя, если разобраться, там не убивают, что ли? Убивают. Вот и не переживай: почаще будешь приезжать к нам — обвыкнешь. Давай-ка, я его под крыльца приподниму, а ты тулуп под пимы подтяни. Тогда нам ловчее будет его до машины по насту тащить. Не бросать же человека. Мы же какие-никакие, а христиане.

«Христиане! — хмыкнул про себя Костя и тяжело вздохнул: — Бог, Библия, вера. Вот верил брат, верил в своего Бога, а конец-то один. Вот он, конец. Заработал, называется, по вере своей. Так что верь—не верь, а все одно сгниешь в земле. А главное, как это мне некстати. Совсем некстати. Как же это объяснить деревенскому олуху, чтобы ни в чем не заподозрил?»

— Конечно, надо бы его куда-то определить, — сказал он вслух. — Но с другой стороны... слышь, Боря? Он же мертв. Разве ему теперь не все равно, где лежать? Не пойми меня неправильно, но если мы его куда-то пове-

командировке, развлекался на охоте с подчиненными мне людьми. А я уже два дня, как в Братске должен был быть. Ты знаешь, что мне за это будет? Уволят? Да если бы! Это, брат, я хорошо отделаюсь. А вот как еще и по партийной линии привлекут, тогда я позавидую вот этому жмурику. Понимаешь?

— Понимаю. Своя рубашка ближе к телу, — нахмурился Хлопаков, и снова перешел на «вы». — Хорошо, не будем впутывать вас в это дело. Как уж там получится, как довезем — еще не знаю, но я его здесь не оставляю. Помогите хотя бы до машины дотащить.

— Так это, конечно, это сейчас, — засуетился Костя. У него отлегло от сердца. Борис — мужик надежный: если что сказал — выполнит.

Общими усилиями они вытащили Ивана из-под куста. Как ни старался Костя не смотреть на брата, это ему не удавалось. Не мог отвести от него своего взгляда. И тут луна, долгое время прятавшаяся в облаках, вдруг вырвалась на небесный простор и неожиданно ярко высветила все вокруг своим томным сиянием. Изменилось и лицо Ивана: оно приобрело светло-синий, мертвенный оттенок. Зависнув низко над землей, луна глядела прямо в глаза и Косте. Он невольно поежился и, присев пониже, стал подлаживать руки под полы тулупа. Да так и обомлел: его брат, не мигая, вполне осмысленными глазами смотрел на него.

— Котя! — слабо прошелестел Иван, и подобие улыбки тронуло его губы. — Котька... Смотри, сколько цветов! Это все твои ревунчики, помнишь?

Константин во внезапно объявшем его мистическом ужасе инстинктивно оглянулся и замер: луна усеяла все вокруг него мириадами алмазных искр и среди них то тут, то там ослепительными вспышками переливались бутоны цветов! Белые, с нежным розовым оттенком, они появлялись лишь на мгновение и, раскрывшись, тут же исчезали. Ревунчики! Незабвенная память его детства. Ах, сколько сугробов облазили они с Иваном в поисках этих ревунчиков! Костя повернулся к брату, но тот уже закрыл глаза. И оба спасателя расслышали только его тяжкий стон.

— Что, что он сказал? — тормозил Костю подскокивший Борис. — Что?

— Не расслышал, — покачал головой Золотов. — Бредит мужик.

— Главное — он живой, — взволнованно проговорил Хлопаков. — Скорее. Теперь все зависит от нас.

Снова утопая в снегу, они волоком дотащили Ивана до машины, кое-как ухитрились уложить его на заднее сидение и укрыли уже другим, незаледеневшим, тулупом из багажника. И только тут вспомнили, что машина у них заглохла.

— Господи, — неожиданно даже для самого себя взмолился Борис, — помоги мне завести эту «коломбину». Дорога каждая минута. Пока я доберусь до егеря, пока назад — опоздаем, Господи. Твой ведь это человек, Божий. Помоги!

Ключ зажигания был в замке, и он, не надеясь ни на что, просто сел в кабину, взял и повернул его. И бук-

вально оторопел: машина завелась, что называется, с пол-оборота! Часто-часто осеняя себя крестным знаменем, он в недоумении воззрелся на Золотова, который в неменьшей оторопи и со смешанным чувством радости и страха, прислушивался к мотору — работает!

— Мистика! — выдохнул он, чувствуя, (в который уж раз за это время!), как по спине побежали мурашки.

— Думаешь? — Хлопаков не сводил с него глаз. — И ничего другого?

Костя только пожал плечами. Он уже взял себя в руки.

— А что еще? Ума не приложу. Что-то помогло нам, однако.

— Не что-то, а Кто-то, — голос Бориса окреп. — В этом нет сомнения!

— Даладно тебе! Только не говори, что это — Бог, — воспротивился, сам не зная почему, Костя. — Все в руках его величества случая. Какой-то проводок, видать, отстал от перегрева...

— Ага. А теперь от мороза подсоединился, — усмехнулся Борис. — И что заглохла машина именно здесь — тоже случайно? Нет, брат, мне больше доказательств не надо. Я впервые в жизни просил Бога, и Он мне ответил. — Голос его вновь задрожал: — Теперь прошу Его помочь довезти Ивана до больницы. — Он вдруг резко вывалился из машины и встал около нее на колени, положив руки на порожек: — Помогите, Господи. Не за себя прошу, за человека этого. Сохрани его, ведь не зря

же остановил Ты нас здесь. Или бросишь дело Свое на пол-дороге? Будь с нами до больницы.

Растерявшийся Золотов обежал машину и нагнулся в попытке поднять его. Но тот уже сам оторвался от порожка и, запрокинув голову, смотрел в небо. И Костя увидел слезы на его лице. Этот суровый, иногда даже жесткий таежник, каким он знал Хлопакова, плакал, как дитя! Но ведь он даже толком не знал Ивана. А Костя, его родной брат, стоит рядом и... Что-то стеснило грудь, подкатился к горлу ком, предательски задрожали губы — вот-вот упадет он на колени рядом с охотником. Но усилием воли подавил желание, проглотил горечь, заглушил рвавшееся наружу рыдание. И облокотился на верх кабины, успокаивая себя: это что же он так растрогался-то: дожждаться бы надо сперва, чем дело кончится. Дождаться.

— Все, все, Артамоныч, — встал Борис, и подумав, что тот тоже молится, дружески обнял его. — Не переживай. Выживет наш крестник. Поехали...

— Куда мы теперь?

— Обратная нам дорога. В Чуну. Там наш хирург — всем хирургам хирург! — быстро его на ноги поставит. Недавно одного вон тракториста вообще по частям собрал — и ничего, живет мужик. А довести его мы успеем. Мне так открылось сейчас. Вроде как Сам Бог сказал.

В полном молчании они ехали этой обратной дорогой. Каждый был погружен в свои думы. Хлопаков сосредоточил все внимание на дороге. Костя то и дело оборачивался, поправлял на заднем сидении тело Ивана и подносил к

его лицу снятое зеркальце заднего вида. Зеркальце запотевало, и он молча кивал наблюдавшему за ним Борису, что, мол, все в порядке, дышит. Они уже выехали на то, прежнее плато, когда Золотов нарушил молчание:

— Что с тобой было, Борис? Ты сказал — слышал Бога. Почудилось?

— Совсем нет. Просто когда просил Его, вдруг почувствовал, что все будет в порядке. Не смогу объяснить тебе, но вроде как Кто-то вдохнул в меня эту уверенность. Я ее в душе почувствовал. Всем существом своим ощутил. Такого благоговейного в себе покоя я как-то и не припомню.

— Так ты тоже верующий, что ли? Верить, что Бог есть?

— Теперь верю. А и не верил, то все равно в церковь на всякий случай зааживал: так, для спокойствия совести. Что, мол, вдруг Бог на самом деле есть, так и я при делах. Не обошел, чтобы Он меня милостью Своей. Подстраховывался, в общем. Оно как-то и спокойнее становилось на душе. А вот щас Он показал мне Свою силу. Теперь я и Лизу понял, что она этого Ивана так залюбила. Колька-то ейный, бо-ольшой шалопут был, а теперь смотри что: тише воды, ниже травы мужик стал. Даром что буйный был — ого-го! Не доведись ему под руку попасть. За это Ивану спасибо: он ему все о Боге растолковывал, и гляди-ка, окстился мужик. Кстати, как он там?

— Дышит, — проверил Золотов. — Только так и без памяти.

— Выдюжит, — уверенно сказал Борис. — Должен он жить. Семья у него где-то есть. Толком-то я не выспросил. Так откуда бы мне знать, что когда-то встречу его еще. Да при таких вот обстоятельствах...

Уже светало, когда они добрались до Чуны. Золотова Борис оставил, как и было обговорено, у гостиницы.

— Ты держи меня в курсе, Боря, — попросил Костя, глядя в сторону. — Я через час-другой в Братск на первом же поезде. Звонить тебе буду.

— Ну, если оно вам надо, — пожал плечами охотник. — Звоните, сообщу. Я после больницы сразу с милицией свяжусь, может, прояснится что-то. — И упредил поспешно: — Да нет-нет, сказал же: о вас — ни слова.

В больницу Борис поехал один.

А через какой-нибудь час поезд уносил отсюда и Золотова в непривычном для него плацкартном вагоне. Да он был бы согласен и на общий — только чтобы побыстрее и подальше от погибшего брата. В том, что тот не выживет, он, в отличие от Хлопакова, уже не сомневался. Скрыл он от Бориса, что не запотело зеркальце перед самым их расставанием. И, положив руку на сердце, ему хотелось, чтобы так оно и было. «Мертвые сраму не имут» — зачем-то вспомнилась пословица. Им — мертвым — все «до лампочки». А вот живым есть над чем призадуматься. Например, как с честью выкрутиться из положения, если все-таки откроется его родство с Иваном? Эх, и зачем только он поехал за этими шкурками? Шкурок нету, а вот проблему еще одну он себе нажил...

Славно провел свой выходной день перспективный милиционер, участковый Феликс Ягилев. По всей округе только и разговоров, что ждет, мол, Фельку нашего бо-ольшое повышение. Того и гляди, заберут его куда повыше: в Тайшет или даже в самый Иркутск. А что: не зря же они все воскресенье с майором Эрбесом по району куролесили да всех тех, кто здесь на поселении живут, проверяли. Особливо тех, кто с Колотовым знаком был. Дело было большой важности: во избежание повторения таких вот убийств, выясняли, кто еще из них подвержен «религиозному дурману». И уже поздно вечером майор отправился к себе составлять донесение начальству о проделанной профилактической работе с населением. Оставшийся же в родных пенатах, счастливый Феликс, начал додумывать, как побыстрее завершить это дело. Собственно, оно уже было завершено, если бы не одна закавыка: Лиза, главный свидетель по делу, упорно отказывалась признать в убийце Колотова.

— Похоже, девка попала под влияние этого сектанта, — резюмировал Эрбес, когда Феликс пожаловался ему на ее строптивный характер. — Между прочим, сектантство — страшная штука, своего рода зараза. Разубедить таких типов бывает очень трудно. Она будет «отмазывать» его даже в том случае, если все будет полностью доказано. — И подумав немного, напутствовал: — Если и впредь будет упрямиться, припугни психушкой. А не поможет — придется и в самом деле назначать экспертизу на вменяемость. Тогда-то

уж точно вспомнит, что он — убийца. В общем, дерзай, лейтенант.

Дерзать предстояло в понедельник, когда Лиза явится на допрос, и Феликс, полный радужных надежд, спал в эту ночь, как ребенок. В назначенное на утро время Лиза уже была в его кабинете и с порога объявила, что ни за какие коврижки и ни под каким соусом не согласится оклеветать Ивана. Поначалу Феликс даже растерялся от такого напора: будто подслушала она их разговор с Эрбесом. Потом взял себя в руки и как можно доходчивее объяснил, какая участь ее ждет в случае ложных показаний. И если, мол, подтвердится факт убийства ее мужа Иваном, то может она загреметь вместо него на нары. Потому что это, мол, будет рассматриваться, как укрывательство преступника с ее стороны. Видя, что перспектива пребывания на нарах не утратила Лизу, он намекнул ей о психушке, и только-только начал рассказывать о всяких нехороших мерах, которые там могут к ней применить, как ему позвонили. Выслушав Эрбеса, Ягилев переменялся в лице, шапку в охапку — и к нему в район. Лизе он только рукой махнул: иди, дескать, домой, но чтобы из села — ни шагу! Майор требовал срочно приехать в связи с новыми открывшимися обстоятельствами по делу.

Еще в дороге он почувствовал, что в хорошо проведенном им следствии случился какой-то прокол. Что сразу же и подтвердил Эрбес.

— Вот, слушай, — показал он Ягилеву телеграмму. — Самя что-то не совсем разберу. Еще в субботу в больницу

Чуны доставили тяжелораненого Ивана Колотова. Ну-ка, взгляни, как там написано: «ранение несовместимое с жизнью»? Значит, помер? Или нет? — Он так смотрел на лейтенанта, словно тот мог прояснить ситуацию. — Может быть, тебе что-то известно? Нет? Та-ак. Теперь вторая телеграмма, сегодняшняя. От наших же. Просят приехать, чтобы допросить Колотова. Все понял?

Феликс обалдело посмотрел на майора и покачал головой. Потом с надеждой указал пальчиком на стоявший на его столе телефон.

— Ага, — досадливо усмехнулся Эрбес, — без тебя я бы не догадался позвонить. Который уж день нет связи, чтоб им пусто было! Всю глотку уже сорвал.

— Да, а как же это он сначала помер, а потом... допросить? — растерялся Ягилев.

— Вот для этого и дуй туда. Сегодня же. Сейчас же. Стой! Что вообще по этому поводу думаешь? Ну, что Колотова убили?

— Так ведь неясно еще!

— Убили или не убили — там узнаешь, — майор раздраженно повысил голос: — Но убивали же! Что об этом думаешь?

— Что не он Гребенюка замочил? — не ответил, а как бы спросил ответа на вопрос лейтенант и нерешительно переступил с ноги на ногу. — Так получается? — И как-то сник. Так оно и понятно: мечта об очередном звании рушилась на глазах.

— М-да-а. С логикой у тебя туговато, лейтенант. Как раз наоборот: он свое дело сделал, и беглые уголовники

убрали его, как лишнего свидетеля. Он им больше не нужен. Тем более, что знал, куда они бегут. Понял?

— Так точно! — просиял Феликс. И не удержался, чтобы не польстить. — Как вы это ловко! Да-а, век живи — век учись.

— Это так, лейтенант, — снисходительно улыбнулся Эрбес. — Главное, дураком не умереть. В общем, что бы там в Чуне ни говорили, ты с выводами не торопись. Первое, с чего начнешь: кто, когда и откуда доставил Колотова в больницу. Все до мелочей вызнай. Думаю, что Колотовым дело не закончится. Раз они хорошие бабки с Гребенюка срубили — раздрай просто обязан у них произойти. Это непреложная истина. И вот что запомни: умер Колотов или ожил — без согласования со мной никаких выводов и решений. Для всех, конечно, в том числе и для него самого, лучше бы было, если бы он не воскресал. Все. Топай. Командировочное я тебе уже выписал. Свою «лайбу» здесь оставь. До Тайшета мой шофер подбросит, а там на электричке мигом в Чуну прибудешь. Ну, ни пуха ни пера! — И совсем уже довольно рассмеялся, увидев, как стушевался подчиненный, не зная, как среагировать на пожелание. — Да ладно уж, к черту можешь не посылать.

— Тогда, до свидания, — улыбнулся и Феликс и вытянулся. — Разрешите идти?

— Давай, давай, — вяло махнул рукой майор. И тут же забыл о нем. Дел было невпоровот. Текучка...

Все сразу и обо всем Ягилеву с налету разузнать не удалось. Никто в райотделе толком пока ничего не мог ему сообщить об этом деле. Разве только то, что Колотов, похоже, выжил. Но в больницу к нему не допускают, ссылаясь на строгое указание хирурга: пациент прооперирован и находится в реанимации. Зато председатель охотсоюза Хлопаков, доставивший раненого, рассказал ему многое: в том числе и о спасенном ими кабане, и таинственных следах на плато. Сообщил он все это Феликсу в присутствии местного следователя Гарманова, или просто Максима Гармошки. И если еще в субботу ни у кого это сообщение не вызвало энтузиазма расследования, то теперь сразу же организовали поездку к тем местам. При этом Ягилев принял озабоченный вид и глубокомысленно — точь-в-точь, как это делал Эрбес, — выдал версию о том, что Колотов в этой истории не последняя жертва. Ну, это, мол, мои предположения. Высказался также о принципе уголовников не оставлять свидетелей. И надо отметить, что сильно вырос в глазах Гармошки, который поначалу не принимал всерьез своего бывшего одноклассника. Да и другие сопровождавшие с уважением стали поглядывать на Феликса, когда к вечеру под яром нашли тело Матвея. Правда, без видимых признаков насильственной смерти, не считая незначительных ушибов при падении с высоты. (Потом уже экспертиза установит, что умер он от внезапной остановки сердца. А уж что послужило причиной — до поры так и останется неясным). Да, похоже уголовники по-своему начали делить

добычу. Теперь их осталось двое. Поделят ли между собой? Или тот, что сильнее и злее, останется один? «Боливар не вынесет двоих!» — многозначительно изрек Феликс, вовремя вспомнив фразу из О'Генри, чем заслужил еще большее уважение. Вот на таком сильно выросшем его авторитете он и закончил этот день. А поутру из Октябрьского пришло еще одно сообщение, еще больше всколыхнувшее размеренную жизнь райотдела. Этой ночью один тамошний алкаш Кеша то ли из любопытства, то ли с целью чем-нибудь разжиться, — и это скорее всего! — проник в кабину бесхозной машины. Стояла там сиротливо какая-то недалеко от вокзала уже третьи сутки. И разжился: целый мешок разного барахла упер. Упер и тут же подался к тетке своей, бабке Антоновне, что, дай, мол, самогончику, а я тебе в залог кучу вещей вот оставляю. Вещи ватные, хорошие, аккурат для зимы. А пимы так вообще новые. Как продам, мол, все — так и деньгами рассчитаюсь. Подслеповатая бабка, не рассмотрев краденого, ссудила болезному всего пол-литра, справедливо полагая, что ничего тот продавать не будет и даже и не думает. Из него продавец такой же, как из нее балерина. А Кешке больше пол-литры и не требуется. Ну, может быть, потом еще одарит она его такой же порцией — и хватит. Это, опять же, если кому-то сгодятся вещички. А как утром-то стала перебирать их, так и обомлела: что брюки ватные, что фуфайка — все в крови. Даже на пимах кровь. Сидит бабка, крестится, ни жива ни мертва, картина одна ужаснее другой встает

перед глазами. В этом состоянии ее и застал сосед Гриша Кушаков из отделения местной милиции. Он аккуратно сменился с дежурства — всю ночь проспал в дежурке вокзала! — и шибко хотел взбодриться у Антоновны. Она ему обрадовалась и сразу: «Ой, Гришенька, выручай! Смотри, что мне Кешка принес. Ая, дура старая, не рассмотрела сослепу».

В Грише сразу же сыщик проснулся: как увидел вещи, так и понял, что вовремя он с дежурства сменился. Теперь он это дело быстро раскрутит и немедля доложит обо всем начальству: смотришь — и снимут с него выговор за пьянку на рабочем месте. А может, — да почему бы и нет, — премию выдадут. Он даже забыл, зачем пришел к бабке, и хотел тут же бежать за преступником Кешей, но умудренная жизнью Антоновна удержала его. Дескать, тот вот-вот сам явится. И прямо как в воду смотрела: не успела сказать, как Кеша и нарисовался тут же. Собственной персоной, так сказать. Ну понятно же, что за очередной порцией мужик пришел. Гриша без всяких проволочек хватить его за шиворот, и окровавленные шмутки к носу:

— А кого это ты, мил-человек, укокошил ночью? Быстро колись: признание — половина наказания, понял?

— А пошел-ка ты! — не испугался Кеша. — Сам, поди, укокошил кого-то с пьяных шаров, а на меня свалить хочешь? Че это ты мне тут подсовываешь?

— Че, че? — передразнил Гриша, — то и подсовываю, что ты, охламон, приволок сюда вчерась. Антоновна, подтверди-ка племяшу своему!

— Приволок, приволок, леший тебя задери, — закивала та, да еще и клюкой замахнулась. — У-у, ирод, в грех тетку ввел! Сознавайся, кого сничтожил!

Тут уж Кеша понял, что это те самые шмутки из машины, и не на шутку перетрусил. Поскольку запираться не было смысла, он все и выложил, как было.

— Да никого я не трогал, Гриша, вот те крест. Тоже мне — нашли убийцу! Да я мухи никогда не трону. Вон за вокзалом «зилок» неприкаянный какие уж сутки стоит — ни шофера, ни кого другого нету. Ну, я и полюбываюсь, чего там в кабине есть. Вот барахлишко в мешок и сложил. Ну, не я, так другой бы взял. А что, раз оно ничейное?

Гриша с ним к вокзалу: машина как тут стояла, так и стоит. Ну, а в кабине коркой льда застывшая кровь. И под ногами, и на сиденье. А под резиновым ковриком еще и заточка. Дело было явно нешуточное. Гриша бегом в дежурку на вокзал доложить об этом ЧП по инстанции. И получил приказ доставить машину в райотдел. Тут Гриша вытянулся в струнку с трубкой в руке и отчеканил по-военному:

— Будет сделано! — И добавил многозначительно: — Хоть я и сменился уже с дежурства, а доставлю. И свидетеля привезу с собой.

— Зачтется! — был короткий ответ. — И вещдоки не забудь.

Пришлось Кешину добычу у бабки Антоновны реквизиловать. Так что ей собственным племянником был нанесен ущерб в виде бутылки самогона; сам же

горемыка, проклиная и тетку, и Гришку, и себя (на кой ляд сдались ему эти шумутки), — понуро поплелся за Кушаковым к машине.

Как только прибыли они в Чуну, Феликс (кстати, давний — с самого детства — друг Гриши Кушакова) тут же признал «ЗиЛ» Леньки Белых. Среди местных «пинкертонов» случилась легкая паника: проворонили! Беглецы ушли из-под самого носа. В какую сторону? Ищи-свищи теперь ветра в поле. Не факт, что в сторону Братска, хоть и перешли Чуну. Может, они для того и перешли, чтобы запутать погоню, пустить ее по ложному следу. Отсюда-то на юг уже ловчее пронырнуть поездом. Почему они должны стремиться на север, когда любой разумный рванет на юг, в самую середину страны, где в многолюдстве затеряться намного легче, чем на малочисленном, прозрачном севере. Тут ведь каждый приезжий, считай, на виду. Что у них на уме? Или уже только у одного? Ведь кровь в кабине могла быть одного из двух оставшихся. Так может статься, что беглец-то один уже остался? Тут и пригодилось свидетельство Гриши о виденном им железнодорожнике, которого он самолично посадил на поезд до Красноярска. Так ведь тогда на беглецов-то и сведений не поступало еще. Следователь Максим Гармошка ухватился за его показания и, раскрутив Мишку-цыгана, получил подтверждение: ну, да, был у него какой-то мужик, назвавшийся Князем, и проговорился, что пробирается именно туда, в Красноярск. Тогда ни у кого уже не осталось сомнений ни в том, где искать Князя, ни в том,

что это был он. По предъявленным фотографиям его опознал и Гриша, и Михаил. Максим явно набирал очки и начинал затенять славу Ягилева. Впрочем, Феликса мысль эта волновала не очень сильно. Все-таки главной его задачей было раскрытие убийства Гребенюка, а не поимка бежавших уголовников. Вот Гармошка и пусть этим занимается, раз он следовательно из города Чуны. Феликса больше занимал вопрос: выживет ли Колотов? Ведь если в результате смерти в деле можно было бы спокойно поставить точку, то в случае его выздоровления их всех, вполне возможно, ждало многоточие... Обо всем случившемся он доложил Эрбесу, благо связь наконец-то была налажена, и попросил прислать за машиной ее шофера. Теперь оставалось только пассивно ждать, что будет с Колотовым. А это на деятельного, полного энергии лейтенанта всегда навевало скуку. Слоняться неприкаянным целыми днями его как-то не особо вдохновляло.

И тут он вспомнил, что Хлопаков в первый же день предложил ему забрать спасенного им кабана, так как было установлено, что «родом» он со свинофермы его села. Сие предложение, встреченное им тогда с явной неохотой, теперь показалось весьма кстати, будто специально для того, чтобы как-то скрасить унылое прозябание, и навело Феликса на другую хорошую мысль. Обменявшись с Гришей сердечными объятиями и первыми вопросами, он с ходу предложил другу заняться трофейным кабанчиком. То бишь, «освежевать» ни к чему не годного «свидетеля» и приготовить из него

на вечер дружескую трапезу. Гриша, не будь дураком, тотчас поручил это дело такому же не пригодившемуся свидетелю Кеше. У того и здесь, в Чуне, была тетья под стать Антоновне, то есть, с наличием горячительного напитка. К тому же она обладала просторными апартаментами. Так что к вечеру во дворе тети уже вкусно пахло жареным мясом и шкварками, а в ее просторной избе Феликс с Гришей рассаживали гостей. Понятно, что это были в основном сотрудники милиции. Да еще радостный Ленька Белых: прибыв за своей машиной, он уже успел до прежнего блеска выскоблить кабину «ЗиЛа». Благо, экспертиза уже закончилась. Теперь он ждал дальнейших распоряжений Феликса. Совместная трапеза прошла успешно, и особо успешной она была для ее организаторов. Грише, как он и мечтал, было обещано снятие выговора за проявленную оперативность, а Феликса отпускали домой, твердо пообещав держать его в курсе дела. То бишь, сигнализировать о здоровье Колотова, и в случае выздоровления не допрашивать без его, Феликса, участия. В общем, затея удалась, и только одно обстоятельство немного омрачило его радужное настроение. И омрачил он его себе сам. С самого начала гости обратили внимание на то, что один из них, а именно Хлопаков, не проявляет должного уважения к обществу. То есть, не пьет вместе со всеми. Тот хоть и ссылался на какую-то болезнь желудка, но вызывал этим только ехидные ухмылки: каждый знал о его железном здоровье, а потому считал свои долгим догадаться о реальной причине отказа. Вплоть до того, что: «а может, ты подшился?»

а может, ты закодировался?» Да оно и правда: виданное ли это дело, чтобы мужик игнорировал общество? Не-е, непорядок это. Ситуация, что называется, из ряда вон. И каждый считал своим долгом отпустить по его адресу какую-нибудь скабресную шутку, на которую тот также упрямо не реагировал. Вот и Феликс, оказавшийся под самый занавес трапезы за столом рядом с Хлопаковым, решил добиться того, что не удалось сделать другим — заставить Бориса выпить.

— Ну, Борис, давай вздрогнем за мой успех. По са-амой махонькой, а?

— А что у тебя за успех? — поинтересовался тот.

— Да что ты прикидываешься, будто не слышал? — обиделся сильно захмелевший Ягилев. — Ну, так и быть, скажу: повышения жду по службе.

— Дело-то еще не раскрыто, — напомнил Борис. — Не рановато ли звездочку примерять?

— А я подожду. Я — не гордый.

И тут Борис вдруг развернулся к нему всем корпусом и, глядя прямо в глаза, тихо, но отчетливо произнес:

— Феликс, я не знаю, насколько достоверны твои данные о вине Колотова, но вот тебе мой дружеский совет: остерегись винить его, даже если у тебя есть явные доказательства. Их ведь при желании и опыте можно подтасовать. А это — человек Божий: он никого никогда не трогал и делал людям только добро...

— За что и сидел, да? — перебил Феликс. Такого оборота он не ожидал, потому и осерчал: — Такой добрый — и пять лет лагерей, да?

— Да ты же знаешь, что им сроки под копирку лепят, — загорячился и Борис. — Виновен или не виновен — разбирать-то некогда. — Тут, увидев, как лейтенант потемнел лицом, он не замедлил подсластить пилюлю: — Да вам, сыскарям, и впрямь некогда с этими верующими возиться. У вас и без них дел по горло. И посерьезнее: с бандюками вон всякими.

Подслащенная пилюля благотворно подействовала на Феликса.

— Ну, так и я о том же, — самодовольно улыбнулся он. — Я ж его не за веру, а за убийство привлекаю. Потому что факты тут налицо.

— А зачем ему убивать Гребенюка, ты подумал? Если ограбить, то зачем оставлять живого свидетеля — Лизу? Чтобы быстрее поймали? Кстати, что она об этом говорит? А-а, понимаю: тайна следствия — иронично хмыкнул Хлопаков. — Дальше: если он был заодно с беглыми уголовниками, то зачем они его убрали? А главное, когда: до или после убийства Кольки?

— Ну, это же понятно, — тут Феликс снова блеснул психологическими познаниями, повторив высказывание Эрбеса о принципах жулья, и подвел итог: — Как только он сделал свое дело, они убрали его, чтобы замести следы. А «замочил» Гребенюка определенно он. На топоре только его отпечатки.

— Правильно. Топор-то его. Но его можно взять и в рукавицах. И не оставить следов! Надо хорошо осмотреть Иванову избу.

— Да все уже осмотрено и схвачено на семь рядов, —

вальяжно успокоил его Феликс. — Неужели ты думаешь, что мы зря едим свой хлеб? Моя милиция меня бережет, слышал?

— Ага. В тюрьму запрячет и там стережет! — дополнил Борис с усмешкой. Он понял, что сегодня говорить с лейтенантом на эту тему бесполезно. — Ну, как знаешь. Только я все равно еще раз обыскал бы избу Ивана. Вдруг там где-то еще деньги припрятаны? Вот тогда бы уж точно все на место встало. А то прямо уж совсем на виду, так это сомнительно. И потом, не знаю стоит ли говорить... — Борис, будто засомневавшись, сделал паузу.

— Ну-ну, что, говори.

— У этого твоего Колотова есть брат. Бо-ольшой начальник. Ты даже не подозреваешь, какой большой.

— А что он мне? Что он мне? — невольно заерзал на стуле Феликс.

— Да ничего, я просто так сказал. Чтобы ты сильно-то не торопился. Мало ли что на ум взбредет такому начальнику. Но тебе виднее.

— Конечно, виднее, — в нарастающей досаде буркнул лейтенант.

— Тогда, если хочешь, завтра договорим, — предложил Борис.

— Давай, — согласился Феликс. Омрачил ему настроение этот охотник, но все же он сподобился выдавить из себя улыбку: — Завтра, так завтра.

Опустошив очередной стакан, он постарался забыть этот неприятный для него разговор. Но вест

большом человеке наутро сразу же пришла на память. Разбуженный Ленькой Белых, он наскоро умылся и поехал с ним в больницу справиться о своем «подопечном». И получил обнадеживающее для себя известие: Колотов так и не пришел в сознание. Более того, врач сообщил, что у него от сильного переохлаждения начался абсцесс легких, и дышит пациент только благодаря кислородной подушке. В общем, шансы на то, чтобы выжить, равны нулю.

Феликс, едва сумел скрыть охватившую его радость. Фу-у, прямо груз с души свалился! Теперь уже никакой брат Колотова ему не страшен. Сдержанно попрощавшись с врачом, он чуть ли не вприпрыжку помчался к машине.

— Давай, Ленька, домой. Хватит по чужим углам слоняться.

— Ура-а! — просиял и Ленька. — В гостях хорошо, а дома лучше!

— Заедем только на хату к другу твоему, Ивану, — предупредил Феликс. И на недоуменный взгляд шофера пояснил. — Он, похоже, сегодня «сыграет в ящик». Если уже «не сыграл». А я хочу еще там кое-что у него поискать. — И улыбнулся загадочно для Леньки. — Кое-что интересное.

Интересное действительно нашлось. Да такое, что лучше бы и не находилось. Тщательно обыскав все углы, обнаружил Феликс в другой комнате за кухней под этажеркой такую же окровавленную заточку, что и в машине Леньки. Обнаружил и упал духом. Выходит,

кого-то бандиты порешили еще здесь. Колотова? Тогда все действительно вставало бы на свои места, как выразился тот охотник. Стало быть, Серега с Андреем его и видели в кузове под тулупом. Вот это открытие! Только радости от этого открытия Ягилев не испытал. Напротив: он вдруг возненавидел Колотова за свой провал. Ведь так хотелось, чтобы убийцей Гребенюка был именно он. Чтобы подтвердилась его следовательская хватка и Эрбес взял его, наконец-то, в свой отдел. И чтобы о нем заговорили так же, как о самом майоре. Дескать, уж если Феликс за что-то взялся — быть делу раскрыту. И вдруг такой поворот! Впрочем, о провале-то говорить еще рано: необязательно ведь Колотова порешили здесь. Да и никто, кроме самого Феликса, эту заточку не видел. Поэтому первым его побуждением было выбросить ее в стоявший во дворе деревянный туалет. Но поразмыслив немного, он все же завернул ее в тряпицу и оставил у себя в планшетке. Дескать, мало ли как обернется дело, так надо быть готовым ко всему. А извещать об этом даже Эрбеса пока не стоит. В общем, на глазах матерел лейтенант милиции, набирался, так сказать, опыта оперативной работы. Если сначала он поступал, вроде как следуя советам или даже приказам майора, то теперь закрыть дело именно таким образом хотел он сам. И списать все на Колотова уже не представлялось трудной проблемой.

— Ну что, нашел, что искал? — встретил его вопросом Ленька, не принимавший участия в поисках. Ему явно не терпелось поскорее освободиться от попутчика.

— Торопиться? — понял его Феликс. — Да все в порядке. Ты вот что: отвези меня в район — и свободен. Там моя «лайба» стоит.

— Дак тогда и поехали быстрее, — расплылся в улыбке Ленька.

— Именно, что быстрее. Давай, гони: «аллюр три креста»...

... Эрбес встретил его, как равного, с распростертыми объятиями, и сразу засыпал вопросами:

— Вижу, не зря съездил. Ну, выкладывай, как дела? Что нарыл? Как там наш подопечный, выдюжит? — И вздохнул притворно: — Да, знаю, знаю. Ну, что тут попишешь: столько на морозе пролежать — любого кондрашка хватит. А того, второго, уже опознали? Ну, вот и славно. Итак, мы свое, считай, закончили. Оставшихся двоих пусть угрозыск ловит. Ну или одного. Сами там разберутся. Короче, это их проблемы. Ты заканчивай с Лизой как можно скорее и доложи. Остальное за мной.

О своем визите в избу Ивана Феликс умолчал и, получив очередные инструкции, кинулся их выполнять. Нужно было немедля вернуться в село и решить вопрос с Лизой: либо она сама подтвердит его версию об убийстве, либо заставить ее это сделать. То есть, принять к ней меры. На ходу обдумывая, как все это еще раз преподнести, он и направился к ней, но по дороге заглянул к своей давней подруге Тамаре (а таковые у него были почти в каждом селе района) и... попал к себе только на следующее утро. Прямо у ворот Лизаветы

он столкнулся с Петром Баскаковым: тот выводил со двора обеих своих лаек. Еще один его сторожевой пес оставался у дома на цепи. И тут же неприятный для Феликса сюрприз: Лиза исчезла. После похорон мужа ее преследовал такой страх, что упросила она Петра привести к ней его собак. Все, мол, какая-то защита. Петр был, пожалуй, единственный человек в селе, с кем покойный Гребенюк до конца оставался в дружеских отношениях. А Лиза, в противовес мужу, души не чаяла в собаках и, как только представлялась возможность, то есть когда они были не на охоте, ухаживала за всей сворой Петра. Благо жили рядом. Особой ее любовью пользовалась изящная соболятница Чернушка: она была просто красавица. Впрочем, такую же любовь питал к ней и сам Петр: кроме изящного вида, она была еще и искуснейшей охотницей, и не было случая, чтобы она хоть как-то подвела своего хозяина.

Вчера же Петр уезжал в район и о том, куда подевалась Лиза, сказать ничего не мог. До этого он в разговоры с ней не вступал: до разговоров ли ей. То ли плохо себя чувствовала, то ли еще что, но из дому она не выходила эти дни. Еще вчера по светлу соседи видели ее во дворе, а вот когда и куда она потом могла деться, никто не знал. Не сказала она ни единой душе, в том числе и Петру. А главное, укатила, несмотря на предупреждение Феликса не покидать села. Теперь он досадовал, что не оформил ей подписку о невыезде. Но еще больше досада брала на самого себя и на Тамарку. И надо же было сунуться к ней именно вчера. Теперь

из-за нее дело застопорится на несколько дней. Что это так и будет, не сомневался и Петр, указав на миски для собак: вон, мол, сколько еды им оставила. Стало быть, не на один день укатила строптивая хозяйюшка.

* * *

Лукавил охотник Баскаков. Он не только знал, почему и куда исчезла Лиза, но и сам отвез ее поздним вечером на станцию. Отвез тайком, укутав в сани, чтобы не увидели докучливые соседи. Ну, а если кто даже и видел, как он укатил со двора в сопровождении Чернушки, то не придал бы этому никакого значения. Ясно ведь, что на охоту подался мужик.

Именно Петр принес Лизе известие о том, что отыскался «зиллок» Леньки Белых, а Иван Колотов доставлен в больницу Чуны. Слух этот распространился сразу же, как отправили туда Леньку за машиной. Сама бы она об этом не узнала, потому что действительно не выходила на люди и видеть никого не хотела, кроме Петра. Он, в отличие от других сельчан, безоговорочно верил Лизе и ни на секунду не сомневался в невиновности Ивана. Сам он заступиться за Лизу не мог, потому что не в ладах был со стражами порядка: когда-то, еще будучи лесником, не угодил он милиции, скрутив без их на то разрешения двух высокопоставленных браконьеров. Те изволили развлекаться охотой в запрещенный ее период и ушли далеко от машины, поджидавшей их на опушке. И как ни грозились сии джентльмены всякими нехорошими для него последствиями, доставил их по-

тайными лесными дорогами (чтобы миновать машину с охранной челядью) на телеге в район. Были они связаны по рукам и ногам, и понятно, что таким их видом он изрядно позабавил любопытствующих сельчан. Ужо и позлорадствовали они! Всласть. Оно и понятно: когда еще увидишь всесильных чиновников, спеленатых веревкой по рукам и ногам, да еще и пристегнутых ею друг к другу! Ну, так ведь все факты злостного нарушения правил охоты были налицо.

И уже потом, когда его стали уговаривать по-хорошему отступить от своих показаний, чтобы спустить дело на тормозах, на попятную не пошел. И, как результат, лишился работы. Да хорошо еще, что не угодил за решетку. До этого, правда, дело не дошло. С той поры и подался в свободные охотники. И вот, зная, что после гибели мужа у Лизы остался всего лишь один более или менее близкий человек — дальний родственник Николая, — он и посоветовал ей поехать к нему. Хлопакова он знал хорошо: Борис — фигура заметная, может быть, поможет отбиться от Феликса. Совсем ведь довел бабу угрозами поместить ее в психушку. В общем, доставил Петр Лизу в Тайшет, и поскольку до прихода ближайшего поезда оставалось не менее трех часов, распрощался и поехал назад.

Лиза купила билет, прошла в небольшой уютный зал ожидания и огляделась. Народу было совсем немного, и внимание ее привлекла очень молоденькая девушка на лавке справа от нее. Та сидела лицом к Лизе с полузакрытыми глазами, и было видно, что девушка отрешенно-

лась от всего мира. Она едва заметно раскачивалась, будто непрестанно кланялась кому-то, при этом губы ее также едва заметно шевелились.

«Нездешняя», — сразу определила Лиза и хотела пройти дальше, но что-то удержало ее. Потом появилось неодолимое желание подойти к девушке, будто кто-то подталкивал ее. И она явственно расслышала голос.

— Подойди к ней.

Лиза оглянулась на голос, но никого рядом не было. Она снова посмотрела на девушку, и та вдруг открыла глаза. Их взгляды встретились, и они улыбнулись друг другу. Улыбнулись так открыто, как это бывает только с родственными душами; будто знакомы они целую вечность. И Лиза присела рядом.

— Ты молилась сейчас, детка? — спросила она вместо приветствия.

— Да, — просто ответила та, продолжая улыбаться. — Я просила Бога помочь мне. И, кажется, Он послал мне тебя.

— Ну, скажешь тоже, — смутилась Лиза. — А куда едешь?

— Я уже приехала. Теперь жду утра, чтобы на автобусе доехать до Квитка.

— Ах, ты беда какая! — так и подпрыгнула Лиза. — Да я ведь только что оттуда. Подожди-ка, может быть, Петр не уехал еще, — и оставив свой узел на лавке, кинулась на улицу.

Через минуту она вернулась и огорченно констатировала:

— Уехал. А к кому ты едешь-то? Как тебя зовут? Меня — Лиза.

— А я Настя, Колотова. К папе еду, — все с той же чуть виноватой улыбкой говорила девушка. — То есть, приехала. Он тут... — и запнулась, увидев враз побледневшее лицо собеседницы. Она резво вскочила с лавки и подхватила Лизу под руки. — Что с тобой? Тебе плохо? Да ты присядь, присядь. Сердце?

— Ничего, ничего, — бормотала Лиза, откинувшись на спинку лавки. — Щас пройдет. Как же это хорошо...

— Что хорошо? — в неожиданной тревоге засуетилась около нее Настя. — Что? Тебе же плохо. У тебя таблетки есть? Подожди, я сейчас у дежурной спрошу. Или у кассирши.

— Не надо, — слабо запротестовала Лиза. — Уже лучше. Слушай, что скажу. То хорошо, что я тебя встретила. Не надо, детка, тебе в Квиток ехать. Нету там твоего отца.

— Я знаю. Там еще несколько километров до его деревни. — Тревога нарастала, и Настя не спускала глаз с Лизы. — А ты что, знаешь папу?

— Я еду к нему. В Чуну. В Чуне он, понимаешь? — Лиза приподнялась: — Пойдем, я возьму тебе билет. Поедем вместе, Настя.

— С ним что-то случилось, — не спросила, а как бы утвердила девушка. — Скажи, что?

— Сначала возьмем билет, — Лиза уже взяла себя в руки. Она ласково поправила Насте выбившиеся из-

под полшалка волосы и погладила ее. — Сиди здесь, детка. Я быстро вернусь и все расскажу.

Вернулась она немного расстроенная. Настя выжидательно смотрела на нее, сцепив руки на коленях.

— Кое-как уговорила дать в этот же вагон, — проворчала Лиза. — Правда, без места, но мы ведь не собираемся разлеживаться, так-нет? Посидим, поговорим: ехать-то на скором часа три от силы. Это если на электричке — тогда долго, а на скором и есть на скором.

— Что с папой? — не слушала ее Настя. — Ты так и не сказала.

— В больнице он, детка, — вздохнула Лиза. — В больнице. В тяжелом состоянии. И никто не знает — выживет ли. Но Бог его обязательно спасет и защитит от врагов, я в этом уверена. И ты надейся на Бога, как надеюсь и я. Я многим обязана Ивану, Настенька. Отцу твоему, значит. Сейчас я тебе все расскажу. — Она обняла девушку, приклонила ее к себе. — Времени у нас с тобой мно-ого. Что здесь не успею рассказать, в поезде договорим. У нас с тобой теперь по-всякому одна дорога. И желание одно. Чтобы отец твой жив-здоров был. Ты слушай, я о нем много знаю.

Поначалу Настя слушала ее с окаменевшим лицом, но постепенно все доверчивее прижималась к Лизе, открывая для себя неизвестные ей страницы жизни отца. И всей душой сопереживала самой рассказчице, ее неординарной судьбе. А когда поняла, чем рискует она, поддаваясь соблазну оклеветать ее отца взамен на личный

покой — стоит только согласиться с выводами Феликса, тихо прошептала:

— Спасибо тебе, Лиза. Я же сразу сказала, что Господь послал тебя мне навстречу. Видишь, так оно и есть.

— Теперь и я это знаю, Настенька. Он нас вел друг к другу, чтобы мы вместе за Ивана молились. Помолимся, детка.

Они встали на колени, облокотились руками на лавку, и Лиза первая зашептала тихую молитву благодарности Богу. Проходивший мимо запоздалый бомж (обычно они исчезают с вокзала после одиннадцати вечера и появляются ближе к шести утра) в длинном, не по размеру бушлате, драной рыжей шапке и больших облезлых, бывших когда-то черными, пимах, мгновенно среагировал на оставшийся без присмотра узел Лизаветы. Надо сказать, что тайшетских бомжей не интересуют чемоданы: они не занимаются воровством. А вот слямзить что-нибудь по мелочи могут. Вот и этот, крутнувшись на месте, зыркнул по сторонам и уже готов был умыкнуть добычу, как вдруг остановился в изумлении и прислушался к словам. Словам, произносимым сквозь слезы. Он услышал имя Бога! И поразился той надежде, с какой они — сначала одна, потом другая — просили Бога о помощи; и той уверенности, что Бог их слышит и поможет. Воистину, «вера от слышания»: что-то случилось в душе бомжа. Защемило сердце неизбывной тоской о давно покинутом отчем доме, разбудив воспоминания детства; всколыхнулась память об ушедших родителях, и проснулась жалость к самому себе, к своей

загубленной жизни. Это свет Христовой любви проник в его очерствевшую душу, робко забрезжив там крохотным лучиком. Тогда подкатил к горлу горький ком раскаяния, и мужик неожиданно для себя прослезился. Долго он стоял не шевелясь, боясь спугнуть этот благословенный миг.

Но вот молитва закончилась и он в каком-то незнакомом ему (или забытом?) счастливом благоговении присел напротив. Он был полон ожидания. Сейчас, сию минуту, он подойдет к этим верующим женщинам и спросит их, что это было. Но тут же вскочил, как ошпаренный, от грозного окрика. Кричала дородная женщина в дорогой цигейковой шубе, накрыв руками стоявшую на лавке сумку. Чемодан на полу она крепко сжимала ногами.

— Ты куда мостишься, охламон! Что, другого места не мог найти?

И исчезло благоговение, и тьма поглотила солнышко, вернув бомжа на землю. В момент он осмурел, оцетинился и насупил брови, готовый огрызнуться: страшно хотелось ответить оскорблением на оскорбление.

— Ах, ты, кикимора... — начал было он, но вовремя удержался: к даме услужливо подскочил какой-то вальяжный тип в модной «москвичке» с шалевым воротником; в руке у него болталась аккуратная походная сумочка на ремешке. Опыт подсказывал, что такому ничего не стоит сдать его ментам. А кому ж охота лишний раз получить по шее? Но и совсем уйти он тоже не хотел: опять же по опыту знал, что эта горластая

баба уже не утихомирится, и было интересно увидеть, на кого еще она «отвяжется». Все же благоразумно решил отправиться на другую сторону лавки. От греха подальше.

— Во-во, давай, вали отсюда! — проследив за его передвижением, так же грозно прикрикнул тот тип. Затем заботливо осведомился у дамы: — Надеюсь, он вас не тронул?

— Нет-нет, — она благодарно посмотрела на него. — Но все равно вам спасибо. Теперь ведь далеко не каждый осмелится заступиться за женщину. А вы просто джентльмен. От этих бродяг проходу нет. Как и вот от этих богомольцев, — кивок в сторону двух женщин. — Совсем обнаглели: ни стыда, ни совести.

— Да и не говорите, — быстро согласился «джентльмен». — Вот уж действительно: расплодилось их тут... На каждом углу, куда ни кинь.

— И никто им не указ, — воодушевилась поддержкой дама. — Ну, и молились бы себе где-нибудь в своем закутке. Не-ет, им на люди надо. Чтобы заманить кого-нибудь в свои сети. Взять хотя бы вот этих двух: сразу видать, что мать свою дочку затащила в какую-то секту. Не иначе! Молодости ее не пожалела. Да и сама-то еще молодая. Что им нужно? И молятся, и молятся. Как это говорят: она наморщила лоб, вспоминая пословицу: — Ага. Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. И наплевать им на окружающих. Придурки!

— Сталина на них нет, — пробасил мужчина и указал на лавку. — Вы позволите?

— Конечно, конечно, — заулыбалась она. — Присаживайтесь. Приятно побеседовать с культурным человеком. Правда, у меня поезд скоро.

— У меня тоже, — посмотрел он на часы. — А вам куда? — И вскинулся в охватившем восторге. — О, да мне просто повезло! Мы же попутчики. — И с ходу предложил: — У вас, я вижу, багаж, а я налегке. Помогу вам погрузиться.

— Вот и славно, — обрадовалась и дама. Потом, снова кивнув в сторону Лизы с Настей, брезгливо продолжила: — А то, не дай Бог, попадут вот такие попутчицы. — Тут она немного смешалась от собственного упоминания Бога, но быстро справилась и кокетливо добавила: — Ой, что-то совсем уже заговариваться стала.

Новоявленный попутчик вежливо не заметил ее неловкого промаха; он положил свою сумочку на колени и попытался перевести разговор на более приятные темы. Но дама, проникнувшись праведным гневом на верующих, все больше распалялась и нарочито громко, чтобы было слышно всем, крыла почем зря и церковь, и ее служителей, и верующих. При этом она то и дело бросала неприязненные взгляды на Лизу в надежде втянуть ее в спор. Вот тогда можно будет отыгаться всласть на этой красотке. Но та, хотя и не сводила глаз с этой «сладкой парочки», вступать в пререкания не спешила. Да и вряд ли стала бы смотреть в их сторону, если бы не одно обстоятельство, заставлявшее ее наблюдать за крикливой дамой. Лиза достаточно много прожила с

Гребенюком, воров высокой квалификации, чтобы знать все их повадки. И в том, что «джентльмен» напротив был именно таковым, у нее не было сомнения. Вопрос был лишь в том, когда и где он захочет «кинуть» эту барышню: здесь и сейчас или при посадке в вагон? Ответ не заставил себя долго ждать. Видимо, «джентльмен» торопился. Быстро смекнув, что свидетелей, которых можно было бы опасаться, нет в наличии (не считать же в самом деле двух богомолок напротив серьезной помехой! Да и другие не пикнут: нынче люди живут по принципу: моя хата с краю!), он вдруг уронил с колен свою сумочку так, что она упала на чемодан собеседницы и скатилась на пол на ее стороне. Дама игриво ойкнула, инстинктивно нагнулась за ней и с улыбкой вернула ему.

— Вот, держите и больше не роняйте.

Она и не подозревала, что кошелек из ее сумки уже перекочевал куда-то в рукав «москвички» этого элегантного мужчины.

— Ах, я растяпа! — виновато развел он руками, привстал и расшаркался: — Даже неудобно как-то перед вами. Огромное спасибо.

— Пустяки, было бы за что благодарить, — отмахнулась она.

— Пожалуйста, не пускайте никого на мое место, — учтиво попросил он. — Я хочу уточнить время стоянки нашего поезда. Мигом вернусь.

— Конечно, конечно, — продолжала кокетничать дама; и тут оба они вздрогнули от неожиданного приказа:

— А ну, стой, где стоишь!

Мужчина круто развернулся и увидел стоявшую перед ним Лизу. Его плутоватые масляные глазки вмиг стали злыми. Но в глубине их мелькнул страх. Этот страх разоблачения запрограммирован в любом из воров.

— Ты кому это... — угрожающе поднял он руку.

— А ну, отцепись от человека, — взвизгнула и мадам. — Молишься вон и молись. Отцепись, кому сказала!

Но Лиза не обращала на нее внимания. Она резко выкинула руку вперед и властно скомандовала:

— Давай сюда, что взял. Быстро! Если хочешь обойтись без шума.

Страх в глазах вора обозначился уже вполне явно. Он, конечно, не мог знать эту женщину, но мгновенно оценил, что связываться с ней себе дороже. Такие бесстрашные встречаются очень редко, но «кайф ломают» они всегда. И не только интеллигентным ворам, но и жестоким скудоумным грабителям. Даже несмотря на явную угрозу их жизни.

— Ну! — повысила она голос.

«Джентльмен» воровато оглянулся по сторонам и выкинул кошелек откуда-то из обшлага на лавку рядом с оторопевшей дамой. И вскинул глаза на Лизу.

— Иди, — кивнула она головой и посторонилась. Через пару секунд он уже скрылся в проходе.

— Куда иди? Куда иди? Караул! Ограбили! — тонко взвизгнула дама, сообразившая наконец-то, что ее только что обокрали. Дрожащими пальцами открыла кошелек, убедилась в наличии его содержимого. И уже потише предъявила претензии.

— Ты зачем его отпустила? Ты хоть понимаешь, что отпустила вора?

— Понимаю, — устало улыбнулась Лиза. — Вот и исправь мою ошибку. Его можно еще догнать, если хочешь. Он дальше перрона не уйдет. Ну, что ж ты медлишь? Беги!

— Ага, щас прям, разбежалась, — съязвила потерпевшая. — Ты отпустила, ты и беги.

— Да правда что! — раздался насмешливый голос. Это с лавки напротив приподнялась старушка и подошла к Лизе. — Нет, ты гляди-ка, она ей деньги вернула, и она же виновата. Что, лучше бы тот варнак попользовался твоим богатством? — Она склонилась к даме: — Креста на тебе нет, вот что я тебе скажу. Нет, чтобы поблагодарить, так еще и... А-а-а, — безнадежно махнула она рукой.

Дама вспыхнула, но, видимо, что-то поняла и, приняв озабоченный вид, стала рыться в сумке.

— И как ты, девка, только не побоялась разбойника такого! Вон ведь ни один мужик не насмелился подержать тебя, — продолжала старушка. — Гляди, они и чичас-то глаза прячут. Вроде не их касается.

Мужики в зале действительно все делали вид, что не слышат разговора, и старушка продолжила:

— Как тебя звать-то, милая? Лиза? Вот я в церкви и помолюсь за тебя. Пусть тебя Господь хранит.

— Так Он и хранит, бабушка, — улыбнулась Лиза. — А что не побоялась, так ведь вы же заступились бы за меня, если что, правда? Ну, вот. А где нас двое или трое — там и Господь среди нас. Чего ж бояться.

— И то правда, и то правда. Ну, спасибо Ему, — растрогалась старушка и перекрестилась: — И тебе спасибо. — Чуть помедлила и пошла на свое место, бормоча про себя: — Стало быть, так и есть: Бог и любви дает, и смелости придает, когда надо. А как же!

Все это произошло так быстро, что Настя даже не успела толком среагировать. И ей стало немного стыдно, что Лизу вместо нее поддержала незнакомая старушка.

— Все в порядке, Настенька, — угадала ее мысли Лиза. — Это было не так опасно, как ты думаешь. К тому же и за нашими вещами надо присматривать. А то неровен час — останешься без своего чемодана.

— Но ведь он мог тебя... — Настя недосказала, а изобразила что-то рукой в воздухе.

— Нет-нет, детка. Ничего бы он мне не сделал. Это все страшилки и оправдание для равнодушных: лишь бы, мол, меня не трогали. Во-первых, я сразу увидела, что мужик «без прикрытия». То есть, некому спулить сворованное. Значит, гастролер. А таким вовсе не с руки «светиться» в чужом городе, да еще на вокзале. Не для этого он сюда приехал. Квалификация-то у него высокая. Даже я едва успела заметить, как он кошелек увел. Видать, сильно ему что-то приспичило, раз решился действовать так нагло. Я, милая моя Настенька, много чего по жизни от Николая навиделась. Не к ночи будь он помянут.

Она вздохнула и замолчала. Упоминание о муже разбредило душу. И Настя не решилась ее расспрашивать. Их молчание нарушил уже знакомый нам бомж.

Подошел-то он вроде решительно, но тут же и замялся, не зная, с чего начать.

— Я это... Слышал, в общем, как вы молились. Потом у вас с этим мужиком свара... — он с трудом подыскивал слова, потом заторопился, словно испугавшись, что его недослушают: — Вы не подумайте, я бы ваш узел не спер... — и смешался от собственного неловкого признания.

— А что же помешало? — развеселилась Лиза. — Передумал или как?

— Передумал, — еще раз признался он. — Вы Бога о ком-то просили, я и понял, что не смогу. Я бы хотел, чтобы и обо мне кто-то так же вот просил.

— А некому?

— Не-а. Некому. Один я на белом свете.

— Хочешь, мы о тебе будем молиться? — предложила Настя.

— Да я за этим и подошел. Ну, попросить об этом чтобы. — И убежденно добавил: — Самому-то мне Богу молиться нельзя. Что ты! Порченный я, совсем никудышный. А вот если кто замолвит словечко — тогда другое дело.

— Неправда твоя, — участливо сказала Лиза. — Бог ко всем одинаков. Тебя как зовут-то?

— Раньше Николаем звали, щас «лопухом» или «фунтиком».

— А на что живешь?

— Когда удастся — подрабатываю. Я и слесарить, и плотничать могу. — Он немного помедлил: — Я и в

Бога верю. Ну, как верю? В это, конечно, все верят. Только как к Нему подступиться, никто не знает. В самую церковь-то заходить боязно, да и вряд ли пустят, а рядом с нищими старушками стоять я еще не могу.

— Вон оно как, — серьезно сказала Лиза. — А подступаться к Нему и не надо, Николай. Бог — Он всегда рядом, только покайся перед Ним и зови Его в свое сердце. Ты вот что: я тебе сейчас свой адрес дам. Захочешь — приезжай где-то через неделю. Там обо всем и поговорим.

Лиза записала свой адрес в блокноте и подала ему.

— Приезжай, Николай. Мы будем молиться о тебе.

— Приеду, — так же серьезно пообещал божж. — Обязательно приеду.

Он повернулся, чтобы уйти, и нос к носу столкнулся со своей недавней обидчицей. Но выглядела она уже другой: весь лоск с нее как рукой сняло. Она стояла с чемоданом в руке и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда он отойдет. Николай посторонился.

— Вы уж простите, что я вас не поблагодарила, — немного конфузясь, произнесла она, глядя на Лизу с Настей, и присела на свой чемодан напротив них. — Просто сразу и не поверила, что такой интеллигентный с виду человек — и вор. А потом — настоящий шок. У меня же тогда бы весь отпуск насмарку. Я ведь два года копила, чтобы отдохнуть на юге. А куда бы я без денег?! — женщина встала и признательно прижала руки к груди. — В общем, я вам очень благодарна. Никто ведь, кроме вас, не осмелился даже подсказать, не говоря уже о том, чтобы заступиться.

— Не стоит нас благодарить, — мягко сказала Лиза. — И винить никого не надо. Никто действительно не видел, как он выкрал кошелек. А вот Господа благодарите, что мы смогли это заметить.

— Ладно, ладно, — сразу зашепшила дама. — Про Господа ничего не знаю, а вот вам — спасибо. Прощайте.

— Счастливой дороги.

А еще через час Лиза с Настей и сами спешили к подошедшему поезду.

— Куда движемся? — сонно спросила проводница, протягивая руку за билетами.

— Да рядом тут, до Чуны. У нас одно место...

— А-а, — недослушала проводница. — Идите, там сами все найдете.

Вполутьме плацкартного вагона они нашли свободное место, наудачу оказавшееся нижним боковым, и устроились по обе стороны столика у окна. Те полчаса, которые поезд стоит в Тайшете, тянутся томительно долго: не станешь же разговаривать, когда все пассажиры спят. Только глухое постукивание осмотрщиков по буксам вагонов да переключки в станционном репродукторе и нарушают тишину. Но вот поезд плавно, почти неощутимо двинулся с места и, чуть-чуть подергивая вагоны, стал набирать ход. Только тогда Лиза склонилась к Насте:

— Ну, как ты, Настенька?

— Кажется, наша встреча началась с Божьего благословения, — прошептала та. — Это знак мне, что папа выживет.

— Непременно выживет, детка. Я даже не сомневаюсь в этом.

За окном с большой скоростью (не на чем глаз остановить!) — набегала и стремительно уносилась назад одноликая, темная громада заснеженной тайги.

— Господи, — шептала Настя в эту темень, — спаси и помилуй моего папу. Мы столько лет не видели его. Спаси и помилуй...

* * *

В непрестанной молитве время пролетело как один миг, и уже в рассветной мгле прибыли они в Чуну. В гостях у Хлопакова Лиза бывала не раз, так что отыскать его довольно приметный особняк большого труда не составило. Хозяин уже был на ногах. Он хоть и не ждал гостей, но встретил так приветливо, будто готовился к их приезду. Радушно приняла их и жена Бориса, Лиля. Само собой Лиза сначала рассказала о событиях той ночи и последующих действиях Феликса Ягилева. По мере ее повествования лицо хозяина дома мрачнело все сильнее и сильнее.

— Та-ак. Значит, нашли крайнего. Решил все же Феликс на невинного человека все стрелки перевести, а заодно и от неудобного свидетеля избавиться, — резюмировал он. — А ведь могут они это, Лиза, еще как могут. Это в их стиле. Оно и понятно: зачем себя поисками преступника утруждать, когда под рукой готовый, по всем статьям подходящий погодился. Вот только ты им всю картину портишь: болтаешься, понимаешь, под

ногами. У них из-за тебя статистика раскрытия преступлений ухудшиться может, чувствуешь? А-а, то-то и оно. Я особой надежды на этого вашего Феликса и не питал, но что он хлюст до такой степени, сразу-то не заподозрил. Но ничего, девоньки, безвыходных положений не бывает. Есть у меня один человек, с которым я Ивана в тайге нашел: думаю, он нам поможет. Он уже звонил пару раз из Братска, справлялся о его состоянии. Ва-ажный чин: Константин Золотов. Ты что так вздрогнула, Настенька?

А она не то, что вздрогнула — вскочила из-за стола и переспросила взволнованно:

— Как вы сказали? Золотов? Константин?

— Ну да, Константин. Что, имя знакомое?

— А отчество, как у папы, — Артамоныч?

— Артамоныч, — подтвердил слегка изумленный Борис. — Я и сам удивился, когда там в тайге вдруг обнаружил, что у них это одинаково.

— Это дядя мой, — сразу как-то сникла Настя, — папкин родной брат. Только он фамилию жены себе взял, чтобы в загранице работать. Мы — Колотовы, а он теперь — Золотов.

Теперь настал черед Бориса вскочить на ноги.

— Родной брат! Мать честная! — в волнении заходил он по комнате. — Теперь ясно, почему он так осмурил тогда. Это ж Иван его признал, как в память-то пришел! Он его «Котей» назвал, и все ему про цветы какие-то. Ну, я и думал — бредит мужик. Не дошло, однако, что это Костя и есть. М-да-а, а фрукт-то он еще тот, однако. Но тогда тем более шанс у нас...

— Не надо его ни о чем просить, дядя Борис, — недослушала Настя. — Он с нами не роднится.

— Девочка моя, ладно еще с этим Феликсом: тут, может быть, и сами разберемся. Но у Ивана после операции сильнейшее обострение воспаления легких, даже наш доктор уже ничего не обещает. Вдруг потребуются какие-то дефицитные лекарства, а для Золотова, дяди твоего, дефицита не существует. Да нет, мы обязательно должны ему сообщить.

— Не надо ему сообщать, — неожиданно твердо заявила Настя, глядя прямо в глаза Хлопакову. — Ничего не надо.

— Эк, ты упрямая какая, — подсадовал было он, но осекся. Ему вдруг отчетливо вспомнились слова Константина там, в тайге: «Слышь, Боря... Он мертв. Разве ему не все равно где лежать... А если меня привлекут по партийной линии? Тогда я буду завидовать вот этому жмурику!»

И Борис ужаснулся: «Господи, да ведь это он алиби себе выторговывал. Родного брата предлагал бросить в тайге! Верх цинизма, а точнее — подлости. Права девочка: не стоит он того, чтобы просить его о чем-то. Пусть живет, как жил». И сказал после минутного молчания:

— Ну, что ж, тогда остается только ждать. Просто ждать.

— Нет, не просто. Мы будем молиться с Лизой.

— А, ну да. Молиться — это хорошо.

— И хорошо бы найти знакомых папы. У Лизы вон и адреса есть.

— Есть, — подтвердила Лиза. — Иван их нам с Колей давал. — И виновато улыбнулась: — Но мы и так отняли у вас с Лилей много времени.

— Ничего вы у нас не отнимали, — отмахнулся он. — Только это, как я понимаю, можно будет сделать вечером: сейчас уже все на работу ушли — и знакомые, и не очень. А-а... что это за люди, Лиза, если не секрет?

— Да какой же от вас секрет может быть. Хотя они, конечно, себя не афишируют. Это верующие. Такие же христиане, как Иван. Мы с Колей покаяться у них хотели. Потом крещение принять.

— Вон оно как! Покаяться, — непонятно для гостей оживился хозяин. — Так это ж в церковь бы надо, к батюшке. Есть тут у нас одна церковка.

— Нет, дядя Боря, — вмешалась Настя, и улыбка чуть тронула ее губы. — Каяться надо прямо перед Христом, поскольку Он единственный наш Ходатай перед Богом. Библия говорит: «Ибо един Бог, един и Посредник между Богом и людьми, Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех». Понимаете? Ради нас Он предал Себя на распятие! Чтобы мы спаслись. И это открывает нам Священное Писание: «Ибо нет другого имени под небом, данного людям, которым надлежало бы нам спастись». — Голос ее дрогнул: — Стало быть, Он и есть наш Спаситель.

Борис с Лилей, да и Лиза с глубоким уважением смотрели на нее.

— Спаситель, — задумчиво проронил Борис. — Слово-

то какое объемное. — И повторил отдельно и со значением: — Спа-си-тель. — И тут же засомневался: — Только как же это Христос сначала умер, а потом смог их спасти? Не наоборот разве?

— Нет. Для того Бог и воскресил Его из мертвых, чтобы спасти грешников. Люди спасаются не жизнью, но смертью Христа. Это была жертва Бога за наш грех. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

— Жизнь вечную? — эхом повторил Борис. — Разве это возможно?

— Так ведь для того и была жертва Христа.

— Мудрено, однако. С наскоку-то трудно понять. Но надо пытаться.

— Ты такая еще молоденькая, Настенька, а уже столько знаешь, — восхищенно качала головой Лиля. И, чуть поколебавшись, добавила: — Мне тоже хотелось бы понять эти слова. Самой их увидеть, прочитать. Только где взять эту Библию?

— А я как раз везу с собой несколько экземпляров. Для тех самых знакомых папы, о которых мы только что говорили. Так что одна — ваша.

— Ну, тогда это куда как кстати, — обрадовался Борис. — В общем, так: адреса есть — проблем не будет. Найдем их. Вечером Виктор нас отвезет.

— Не надо, — сказала Лиля. — Я и без Виктора знаю, где они собираются. А две ихние старушки вообще тут рядом живут.

— Вот так раз! — удивился ее муж. — И откуда же это ты их знаешь?

— Так среди людей, поди, живу, — засмеялась Лиля. — А слухом земля полнится.

— Вот и ладно. Значит, обойдемся и так. Ну, Настенька, все?

— Нет. Помогите мне попасть к папе в палату.

— О, это нет, дочка, это нельзя. В реанимацию никого не пускают. — Борис увидел ее умоляющий взгляд, поскреб в затылке и взглянул на часы: — Ладно, попробую поговорить с доктором. Это можно будет сделать после обхода. Ну, а уж там, как он скажет. В любом случае у вас часа три на то, чтобы отдохнуть с дороги. И ни-ка-ких возражений, — нарочито строго произнес он. — С улицы слышался шум подъехавшей машины, и он заторопился: — Ну, мне пора. Лиля, покажи им, где что, а я к десяти вернусь.

Лиля быстро постелила гостям в одной из комнат и хотела уже выйти, но у дверей остановилась и встретилась взглядом с Настей. И без слов поняла просьбу, которая стояла в ее глазах.

— Сейчас, Настя. Сейчас я схожу за бабульками. Тут через одну улицу от нас. — И, чуть помедлив, вздохнула. — После того, как муж в тайге твоего отца нашел, я и сама все собиралась к ним пойти. Да все откладывала. Верите или нет, как подменили Бориса: молчит, места себе не находит. Ему знамение там было: машина заглохла аккурат напротив кустов, где Иван лежал. И как ни бились, встала намертво. Но как только

они с тем Константином обнаружили и притащили его, сразу же завелась. Боря говорит, чуть умом не рехнулись оба. Так ясно же, что не от человеков такое, чтобы неживой машиной, как живой душой управлять. Это ведь надо же! — Лиля и теперь в недоумении качала головой. Она словно забыла, даже куда собралась идти. Потом спохватилась: — Ну, так что, сходить за бабушками? Тогда ждите, я мигом.

И действительно очень скоро вернулась с двумя старушками, Агнетой и Варварой. Обе хорошо знали Ивана, но были еще в неведении, что с ним случилась беда. Поначалу было видно, что чувствуют они себя в этом доме немного «не в своей тарелке», но, убедившись, что перед ними дочь Ивана, раскрепостились, и засыпали ее и Лизу вопросами. Искренняя же доброжелательность Лили способствовала к ведению откровенной беседы, без умолчаний. Все вместе они помолились за Ивана, потом бабушки заторопились. Скоро должен вернуться хозяин, и как бы ни откровенно протекала беседа, но встречаться с Борисом они повременили: как-никак он из начальников. А с властью они привыкли быть настороже.

— Ты, дочка, иди с ним к врачу, — напутствовали они Настю перед уходом, — а мы прямо сейчас всех наших соберем, назначим пост и будем молиться, пока Иван наш не выздоровеет. Нас хоть и немного здесь, но где двое или трое соберутся во имя Христа, там и Он посреди них. Господь обязательно поставит твоего отца на ноги. Раз такую страсть уже пережил Иван и

выдюжил, стало быть, Иисус заботится о нем. Даже и не сомневайся. — И попросили напоследок: — Только нас в курсе его дел держите.

И вечером Настя принесла постящимся первое обнадеживающее известие: доктор без лишних расспросов предложил ей подменить на несколько дней в больнице техничку — вот, дескать, вам и возможность посещать отца в реанимации. Может быть, для кого-то это и показалось бы случайным совпадением, но ведь надо же было одной из уборщиц запить-загулять именно в эти дни! Событие не ахти и какое, чтобы из ряда вон, даже, наоборот, обыденное. Ведь жаждущих выполнять такой объем работы за нищенскую зарплату в те времена, было очень и очень немного. Насте же это был подарок судьбы. И от Кого был этот подарок, гадать ей не приходилось. Воистину: «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»

Господь обильно благословил людей за их молитвы и веру. Буквально на следующий день врач с осторожным оптимизмом констатировал некоторое улучшение в состоянии своего самого тяжелого пациента. Еще через день он уже с немалым удивлением обнаружил у Ивана стабильное дыхание, а на третий — аппарат искусственного дыхания вообще был отключен. Пациент, уже приговоренный к смерти, вопреки всем прогнозам медленно, но верно возвращался к жизни... Еще через неделю доктор разрешил близким Ивана посетить его. Это стало настоящим праздником для них. И день тот ознаменовался тем, что вечером, сразу же после по-

сещения Колотова немногочисленная поместная Церковь Христова пополнилась сразу тремя покаявшимися душами. На собрании, проходившем у Хлопаковых, в непрестанном славословии Бога стояли на коленях принявшие Его в свои сердца Лиза, Лиля и сам хозяин дома. Вместе с другими членами этой небольшой общины они славили Господа за Его чудный промысел. Так закончился этот угодный Богу пост.

— Наш пост был угоден Богу, — так и сказал старший брат церкви Архип, седой как лунь старичок. — Господь обильно благословил Своих тружеников. Вот что записано у пророка Исаии: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо... Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и Слава Господня будет сопровождать тебя...» Все это, дорогие братья и сестры, для нас исполнилось по слову Господнему. Исцеление нашему дорогому брату Ивану даровано Богом. Осталось «разрешить оковы неправды», чтобы он был оправдан. И в этом наше упование только на Господа. Будем продолжать просить Его за служителя Божьего.

Знали люди и были уверены: уж кто-кто, а власти ни за что не пойдут на попятную. В стремлении спасти «честь мундира» они будут готовы на все. И дело тут не только в Феликсе. Вернее, не столько в нем, сколько в его высоких покровителях. А противостоять им может только Сам Господь...

* * *

Элегантный высокий латыш с приятными манерами и едва заметным акцентом, который лишь изредка проскальзывал в интонациях речи, сразу понравился Константину. Познакомились они совершенно случайно в ресторане гостиницы «Тайга», где и проживал Золотов. Сюда же, в ресторан, Костя пришел по приглашению своих коллег. Ко всему прочему была у него и надежда отвлечься от будораживших душу мыслей. Нет, что до его рабочей миссии, то все прошло как нельзя лучше: пол-месяца пролетело, как один день, и он уже собирался лететь назад в Иркутск. Только не давали покоя мысли о брате. Оказывается, Иван не умер, как он тогда предположил. Но не это было главным: из первого же телефонного разговора с Борисом он узнал, что Ивана обвиняют в убийстве другого человека. Это был удар пострашнее первого, и Золотов так перепугался, что лишился сна. Не помогали даже изрядные дозы заморского алкоголя, которым его всю угощало руководство инспектируемых им предприятий. И в который раз корил себя: ну, надо же было послушаться этого Бориса! Ехать к егерю, а найти брата. Да уж хуже не придумаешь. Теперь вот сиди как на иголках. Потом известия по этой линии стали повеселее: со дня на день все же ожидалась смерть Ивана. Константин расслабился и снова пообещал Борису заехать к нему в конце месяца. Теперь уже из Иркутска. В приподнятом настроении Костя спустился в ресторан, где его уже поджидали коллеги. Немного «зарядившись», он

пошел к оркестру, чтобы заказать еврейскую мелодию «Семь сорок». Не потому, что она ему нравилась, а потому что это был своего рода рекламный трюк: смотрите, мол, коллеги, какой свойский мужик этот Константин. Просто рубаха-парень! Блатных песен не чурается. (Почему-то все еврейские, так называемые «местечковые» песни считались блатными.) Да, в то время было модно выставить себя в таком свете. Но только в таких вот компанейских условиях. Уже не страшно было, что кто-то может на тебя донести за столь «аморальное» поведение. Может быть, еще и потому, что любой доносчик боялся сознаться в том, что сам был в этом «аморальном» заведении. И надо же было так случиться, что в этот самый момент подошел со своим заказом какой-то латыш, и руководитель ансамбля не знал, кого из них выслушать первым. Ситуацию сразу же разрядил латыш. С обезоруживающей улыбкой он учтиво уступил Константину право первого заказа, но услышав его, воскликнул в непритворном изумлении:

— Невероятно! Именно «Семь сорок» хотел заказать и я. Дайте вашу руку. Я вам уступил очередь на заказ, но не уступлю права заплатить за музыку. — И поднял руки в предостережении. — Нет-нет, тут вы должны уступить мне. Хотя бы как гостю вашего города. Потом, пожалуйста, платите, как вам заблагорассудится. Спасибо, и будьте здоровы.

Вложив в руку музыканта денежную купюру, он отклонялся и хотел уже уйти, но Золотов удержал его.

— Так вы — наш гость? Откуда, если не секрет?

— Из Вентспилса. Я из Латвии.

— О-о, Балтика, — расцвел Константин. — Рига, Юрмала. Бывал, бывал. Это же наш, так сказать, фор-пост. Лицо всей страны.

— Я только родом из Латвии, — уточнил новый знакомый. — А работаю, как видите, по всему Союзу. Теперь вот и до Сибири добрался.

— Вы здесь с друзьями?

— Нет. Пока что один. Не успел еще ознакомиться.

— Хотите, я помогу вам исправить этот недостаток?

Присоединяйтесь к нам — не ошибетесь. У нас теплая компания, и все свои люди.

— Да неудобно как-то, — замялся гость. — Это вы — свои. А я?

— Будешь своим, — без обиняков перешел на «ты» Золотов, и протянул руку: — Константин Золотов. А лучше просто Костя.

— Ян, — пожал руку латыш. — Ян Блуминьш. По-русски — просто Иван.

— Ну, Ян — тоже неплохо, — улыбнулся Костя. — Давай-ка, Ян, к нашему шалашу.

Коллеги встретили незнакомца настороженно, но буквально через пять минут они уже аплодировали его оригинальному тосту, который он произнес с неподражаемым грузинским акцентом. Потом он стал показывать, как один и тот же текст здравицы мог бы звучать в устах тамады той или иной национальности. Выходило это у него так естественно, что подвыпившая

компания просто падала от хохота, когда перед ними вставал то узбек, то эстонец, то хохол, то чукча; вот кто-то, обессилев, уже полез под стол. Напряжение спало, и никто уже не вспомнил, что среди них есть гость. Тем более, что по профессии он оказался им сродни. Сейчас он занимает довольно высокий пост в каком-то объединении колхозов и совхозов Казахстана и планирует туда поставки леса. Конечно, на первых порах требуется помощь. Пока-а ведь это освоишься с новыми обстоятельствами; пока-а это вычислишь все двери, в которые необходимо постучаться. Нужно время. Немудрено, что на него тотчас посыпались предложения об оказании этой самой помощи. Где речь о лесе — там бо-ольшие перспективы, которые пахнут бо-ольшими деньгами. И людей, готовых предоставить свои услуги, хоть отбавляй!

Пил Ян очень умеренно, если не сказать, что совсем мало. Пару раз всего-то и уступил давлению со стороны дам, но еще задолго до закрытия ресторана вежливо поблагодарил всю компанию и удалился. Предлог был вполне благовидный: телефонный звонок в Казахстан. Там аккурат конец рабочего дня, и надо отчитаться перед мамой о положении дел. Кстати, отчитывается он только перед ней, и как только появляется такая возможность. Часто ведь он бывает в таких захолустьях, откуда и не позвонишь. А это отражается на ее здоровье.

— Ну, а дела обстоят как нельзя лучше, — улыбнулся он всем. — Во всяком случае, вашей поддержкой я заручился. Смею так думать.

— Да не вопрос!

— И не сомневайся!

— Чем, как говорится, можем, тем поможем, — наперебой заверили его новые знакомые. И, надо сказать, вполне искренне!

Константин, уже как бы на правах старого знакомого, проводил его до лестницы. Уже прощаясь, обронил дружески, но с нажимом:

— Ты не спеши, Ян. Не распылйся по мелочам. Я сам тебе все двери укажу. А найду нужным, то и открою их. Вот где они у меня все! Все эти гаврики, понял? — показал он сжатый кулак и, похлопав Яна по плечу, пошутил: — Будешь себя хорошо вести, проблем не будет.

— А хорошо — это как? — в такой же шутовой манере спросил Ян.

— Как? — Золотов испытующе посмотрел на него. — Это значит, быть в ладу со мной. Не обижать меня, то бишь.

— То есть, делиться, имеется в виду? — не спросил, а утвердил Ян. — Давайте в открытую: мы же с вами не кисейные барышни. Если все честно, я готов платить. Сколько все это будет стоить?

— Эк, какой ты быстрый — все! Быстро только кошки родятся. «Все» — сразу не бывает. Это детально обсудить надо. В каком ты номере? Вот, я завтра сам тебе и отзвонюсь.

— Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? — опять перешел на грузинский акцент Ян и развел руками: — Попрощайтесь с коллегами и

приходите ко мне. У меня в номере стол получше, чем в ресторане.

— Правильно мыслишь, — чуть подумав, одобрил Золотов. И блеснул знанием цитаты вождя пролетариата: — «Промедление смерти подобно!» Нечего точить ляды, надо брать быка за рога. Жди, я скоро.

Но постучался он в номер Блуминьша не так уж и скоро.

— От них так сразу и не отвяжешься, — с ухмылкой бросил он Яну. И непонятно было, доволен ли он этим или досадовал. Но, увидев в другой комнате номера роскошный стол, расплылся в улыбке: — О-о-о! Да ты, брат, еще и гурман. И семга, и омулек. То-то я смотрю, не очень ты нажимал на еду в ресторане. А еще притворялся гостем. Не для каждого гостя так здесь стараются. Значит, есть знакомство-то, а? Что, раскусил я тебя? Или, как говорят в милиции, расколос? Тогда выдавай секрет.

— Да уж кому, как не вам знать этот секрет, — засмеялся Ян. — Он, не глядя, достал из стоявшей у тумбочки сумки пачку сторублевков, показал ее, пустив веером из-под пальца, и отправил назад: — Вот и весь секрет.

— М-да, к сожалению, это давно уже секрет полишинеля, — не удивился Золотов, пытаясь выглядеть как можно равнодушнее. Не к деньгам, к ним он был более или менее привычен, а к тому, с какой легкостью с ними расставался этот латыш. Еще в ресторане, раз за разом заказывая музыку, он хорошо платил музыкантам.

Только делал это не напоказ, не швырялся деньгами, как это делают другие, а легко и непринужденно. Так, как бы между прочим. И это льстило музыкантам. Они перед ним не юлили, держались открыто, как с хорошим знакомым. Но вежливо, без панибратства.

— Ну, к сожалению или не к сожалению, — это еще бабка надвое сказала, — не согласился Блуминьш. — Бывает, что и к счастью. Особенно, если нужно решить сложный вопрос. Тогда они к счастью. Разве не так? — Он указал на стол: — Коньяк, водка? По-русски или на западный манер?

— Для начала по-русски. По полной. Потом — кто как может.

В этот момент зазвонил телефон. Ян снял трубку, послушал и коротко бросил:

— Подождите. — И к Косте: — Девочки не помешают? — Увидев, как тот брезгливо скривился, лаконично ответил: — Не надо. И больше не звоните.

— Где деловая беседа, там не место развлечениям, — философски заметил Золотов, закусив водку омульком. — Или у тебя другой подход?

— Тот же самый. Всему свое время.

— Хороший посыл: всему свое время. Поэтому приступим к делу. Что-то сильно я подозреваю, Ян, что ты не за одним лесом приехал. А?

— Не за одним. Мне нужна машина. А здесь, слышал, можно это повернуть. Кто посмышленее, конечно. Нужна новая «Нива». Говорят, классный вездеход.

— Да, классный, — почему-то сразу сник Золотов. —

Ну-ка, налей еще, одно событие переварить надо. — Не дожидаясь Яна, выпил, посидел с минутой, будто отогнав грустные мысли, как ни в чем не бывало продолжил: — Сам хочешь по тайге гонять?

— Необязательно здесь. Может быть, ее отгонят в Казахстан. Я успел кое-что выудить из ваших коллег и знаю, что вы можете многое. По их утверждению, вы человек слова и дела. Себя считаю тоже таковым. Короче: достаете две «Нивы» — одна ваша. Плачу вперед за обе. Как?

Даже для чиновника такого ранга предложение по своей щедрости было просто сногшибательным. Случались у Кости иногда такие сделки, но цена их была куда скромнее: от одной «штуки» до двух. А тут — один к одному! Кусок семги на вилке задержался у самого рта Золотова. Он вернул его обратно на тарелку и внимательно посмотрел на своего визави:

— Ты это серьезно?

— А разве я похож на шута? Я вам верю, и завтра же передам деньги на машины. Что до ваших расходов для кого-то, то можете взять теперь же. Назовите сумму.

— Постой, постой, Ян. Ты не даешь мне думать.

— Помнится, кто-то предлагал брать быка за рога? И еще что-то там про промедление, которое смерти подобно.

— Ну да, ну да. Но ты ж меня просто ошеломил. Тут ты даже на латыша не похож. Слушай, вы же осторожные люди: семь раз отмерь, один раз отрежь — это как раз о латышах.

— Не обо всех. И потом: я же говорил, что только родом из Латвии. В душе я — космополит. Я объехал весь Союз и не жил разве что только у чукчей.

— Это я понял. И все же вопрос о деньгах я бы отложил на завтра. Проедешь со мной по инстанциям и смекнешь сам, чего это мне будет стоить. Нужно оформить документ на то, что ты сдал государству определенное количество мяса по линии кооперации, понял? Ну, не килограммы, конечно. — Костя усмехнулся, увидев изумление партнера. — Да ладно, не забивай голову такими тонкостями. Это мои проблемы. Потом будешь ждать меня из Иркутска.

— Хорошо. Сколько времени это займет?

— Неделя, думаю, пройдет. Но если ты так торопишься, можешь лететь со мной. Тогда на все про все уйдет два дня. Да и если гнать машину в Казахстан, то оттуда сподручнее.

Золотов не заметил, как Ян так весь и подобрался при упоминании полета. Волнение его было настолько велико, что он забыл о своей прибалтийской вежливости, и перешел на «ты»:

— Когда ты летишь?

Константин не придавал значения этому переходу:

— Послезавтра.

— Это значит, к концу недели я смогу уже рассекать на своем авто? — Ян, не скрывая радости, потирал руки. Потом спохватился: — Да, но у меня же нет билета.

— Билета? — расхохотался Золотов. — У тебя нет билета? — и обратился к невидимым слушателям: —

Нет, вы только посмотрите: у него есть деньги, чтобы подарить машину, но нет их на то, чтобы купить билет.

— Я всегда держу в запасе ситуацию «а вдруг»? Вдруг их не будет.

— Обижа-аешь, начальник, — совсем развеселился Костя. — Ты что, собираешься проходить через регистрацию и накопитель? Да не бери в голову. В самолет нас посадят через служебное здание. Сам командир полетов подвезет к трапу и усадит в салон на лучшие места. Так что обойдемся без билетов. Придумал тоже: билеты!

— Ну, тогда полный ажур, — повеселел и Блуминьш и взял себя за горло: — Вот у меня где сидят эти перелеты. То есть, не сами перелеты, а вот эта предваряющая их тягомотина. — Он зажал нос пальцами и прогнусавил: — «Уважаемые пассажиры! Производится регистрация билетов на рейс туды-сюды-обратно!» Нет, Константин, тебя мне Сам Бог послал.

Ян просто весь сиял. Он искренне радовался такому повороту дел и даже не пытался это скрыть. Константин же, наоборот, почему-то помрачнел от этих слов. Душа, в которой давно уже скребли кошки, искала выход, а выговориться было некому. И он не стал бороться с искушением излить душу вот этому незнакомому человеку. Сейчас они поговорят, потом обстряпают дело и разойдутся. И этому латышу не придет на ум осуждать или одобрять его. Потому что никому ни до кого нет дела в этом мире. Он просто сделает вид, что слушает Костю. А тот найдет в этом успокоение.

Надо, ах, как надо выпростать душу от присутствия в ней тягостных дум.

— Послушай, Ян. Бог таких, как я, не посылает никому. Он вообще никого ни к кому не посылает, потому что Его — нету. Тю-тю.

— Ну, не скажи. Сейчас мне кажется, что Бог подслушал наш разговор и пошел нам навстречу. Так почему бы мне в это не поверить? — Ян театрально вскинул руки: — «Блажен, кто верует, легко ему на свете!» Не знаю, кто это сказал, но мне нравится. Больше того: сегодня я готов поверить, что Бог есть.

— Не надо в Него верить — горько обманешься! — жестко сказал Золотов, и Ян в недоумении воззрился на него.

— Откуда такая уверенность?

— Ян, у меня был брат. Да пока что он и есть, но не сегодня-завтра его не будет. Он старше меня на три года и в три раза умнее меня. Так вот, он всю свою жизнь верил в Бога. И доверился до того, что даже сел за проповеди о Нем в тюрьму. Но это ладно, это со всяким может случиться: от сумы да от тюрьмы не отрекайся, как говорят у нас в народе. Тем более, что он уже отсидел свое. Но вот буквально на днях его грохнули в тайге. Где же был его Бог? Чего ж это Он не защитил Ивана? — Костя заметил, как вздрогнул и побледнел Блуминьш, и криво усмехнулся: — Что, страшно? Эх, Ян, самое страшное здесь в том, что до этого он сам убил человека. И был он не один — с бандой! Что это значит? Что вера его была, была, а потом взяла и

сплыла. Кончилась вера. По вере-то убивать нельзя! У них так и написано — «не убий». Что уж там случилось, никто теперь не узнает. И никто Ивана теперь не вернет. А жил бы как все люди, кто знает, может быть, я у него сейчас на побегушках числился. Большого ума Ванька был. Да только не туда его направлял. И сильно добрый. В том вся и беда его. И все же, как он смог... Ума не приложу. Видать, сильно прижало, что другого выхода не нашел. Да-а, а ты говоришь — Бог! Ты что так осмурел-то, друг-приятель?

Ян тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и враз осипшим голосом спросил:

— Ты что, сам его видел?

— Как сейчас — тебя.

— В тайге видел?

— Ну, да. Там мы с другом на охоте его и нашли. Думали — мертвый, но он еще дышал. Успели отвезти в больницу. Сначала вроде надежда появилась, потом... — Константин вздохнул: — Да и зачем ему воскресать? Чтобы засадили на всю катушку? Слух идет, что они за большие деньги человека жизни лишили. Золотишко там, бриллианты...

— Золотишко, бриллианты, — эхом отозвался Ян и скрипнул зубами. Мыслями он был явно не здесь. — Недоумки!

— Кто — недоумки? — напрягся Константин. — Ты о чем?

— А, это, — спохватился латыш. — Все. В смысле, все недоумки. Этой деревне везде бриллианты мерещатся,

хотя никто их и в глаза не видывал. Так, говоришь, не выживет твой брат?

— Нет. Сказали, последние дни. Под кислородом он. Да не принимай ты так близко к сердцу, а то мне придется расплакаться, глядя на тебя. Иван заработал то, к чему стремился. Мы уже давно разошлись с ним по этому вопросу. Больше того — расстались насовсем. К сожалению, я так и не смог убедить его, что Бог — это утопия. Так кончаются пустые, оторванные от жизни грезы о чем-то неземном, вышнем. Хм, именно там искал он какую-то идиллию! А жить надо на земле.

— Надо. Получается, ты не поедешь к нему?

— А зачем? Чтобы похоронить? Изображать из себя убитого горем брата? Мы слишком долго не виделись и даже не слышали друг о друге, чтобы притвориться любящим родственником. Ничего, кроме вреда, это мне не принесет. — Костя наклонился к Яну и понизил голос, как будто кто-то мог их подслушать: — Быть в той его компании — что верующей, что криминальной — мне не с руки: сам понимаешь, что это может обернуться против меня. Поэтому я давно уже взял фамилию жены. А денег на похороны я уже выслал своему приятелю. Это будет намного полезнее.

— Понятно, — задумчиво произнес Ян, хотя понятного-то как раз для него было не много. Да и истолковать это его раздумье можно было по-разному.

— Осуждаешь? — проверил свои сомнения Костя.

— Нет-нет, — поторопился оправдаться Ян. — Ду-

маю, что согласен с тобой. Деньги никогда не мешают. Но брата твоего жалко.

— А мне разве — нет? Ну, хватит об этом, Ян. Не берив в голову и наливай по полной. От жизни надо брать все, пока жив, а не потом, когда «сыграешь в ящик». Та-ам, — ткнул он пальцем в потолок, — нам не надо будет ни-че-го.

В первый раз за вечер они выпили наравне, но веселья это Блуминьшу явно не прибавило. Остаток вечера, как ни старался расшевелить его Костя, он уже не был столь же непринужденным, как вначале. Золотов видел это и досадовал на себя: и надо, мол, мне было разоткровенничаться. Ну, так кто же знал, что этот латыш окажется таким сентиментальным. Нет, зря он поделился с ним, зря. Поговорив еще немного, Костя засобирался уходить.

— Утро вечера мудренее, — напутствовал он Яна. — Завтра днем я буду занят, предстоят кой-какие дела. Постарайся забыть, о чем я тебе рассказал. Люди умирают, а жизнь продолжается. Готовься к отлету. Вечером сообщу, когда будет машина в аэропорт.

С этим и ушел в свой номер этажом выше.

А ранним утром Хлопаков сообщил ему, что вопреки всем прогнозам Иван ворачивается в жизнь. Сообщил, буквально захлебываясь от какого-то безудержного, ликующего восторга: можно было подумать, что в эту жизнь Хлопаков возвращался сам.

— Главное, — ликовал голос Бориса в трубке, — скоро он сам все сможет рассказать. Никто ведь не верит, что

Иван совершил то злодеяние. Кроме одного тут гореследователя, который цепляется за эту свою версию. Только и мы не лыком шиты; и у нас есть аргументы. В общем, Константин Артамоныч, можете быть за себя спокойны. — И, поколебавшись, добавил: — Как и за своего брата.

— Какого брата? — всполошился Золотов. — Ты это о ком, Боря?

— Ну, вам лучше знать, о ком, — неопределенно ответил Хлопаков. — Я же еще раз хочу поблагодарить вас, что помогли спасти Ивана там, в тайге. И сказать, что вам ничего не грозит. Ни при каком исходе дела. Ни-че-го!

И повесил трубку.

Вот напустил, так напустил туману! Неужели догадался, кто ему Иван на самом деле? Или просто «перегрелся» от радости, что спас человека? Но сколько ни звонил на домашний телефон Бориса, чтобы выяснить подробности, никто больше не ответил. День, который в результате намеченной сделки обещал большие блага, мог обернуться не меньшими заботами. Только уже к обеду, вернувшись в гостиницу с работы и обговорив по телефону с командиром полетов возникшую ситуацию с латышом, Костя снова повеселел. Он заручился сто-процентным обещанием все уладить: «Да нет проблем, Артамоныч, посадим на лучшие места! — добродушно заверил командир. — Еще и на посошок сообразим!» Так что жизнь хороша и жить хорошо! И действительно: чего это он так расстроился? Ведь с Иваном все в порядке.

Даже если Борис и знает теперь, что они братья, не зря же он заверил, что бояться нечего. Значит, дальше слух не распространится. Ну, а Иван простит его в любом случае. Костя сам сколько раз от него слышал, что ему так его Бог велит. Да и нужно ли Косте его прощение? Вряд ли. Скорее, ему нужно, чтобы ни Иван, ни кто-то еще другой из родни не вспоминал о нем. Вот и все желание: скромное и непритязательное, как сибирский пим. А пока все в ажуре, осталось сообщить Яну, что завтра можно отъезжать. Он снова потянулся к телефону и набрал его номер, но никто не ответил. Набрал еще раз — и снова никого.

«Или спит еще, или куда-то урыл. Таких, как он, ноги кормят. Ну, да ладно, встретимся вечером, как и договорились».

Но тут ему самому позвонила дежурная и сообщила, что Блуминьш выехал из гостиницы и оставил для него какую-то записку. Она может ее принести ему. Получив записку, Костя прочел:

«Извините, обстоятельства изменились. Даст Бог — еще встретимся».

«Какой Бог, какой Бог! — зло скрипнул он зубами, скомкал листок и швырнул его на стол. — Тоже мне, верующий нашелся. Но что же заставило его так быстро смяться? Машину-то он определенно хотел иметь: вон как загорелся весь, когда узнал, что в Иркутске за два дня дела обстрипаем. М-да-а, а потом-то точно так же притух, услышав об Иване. Ну, не из-за этого же... Слу-ушай, а ведь он, похоже, знал Ивана! Ведь что-то

взбесило его, когда он про деревню-то с недоумками. Что-то тут нечисто».

* * *

И он был недалеко от истины. Когда закрылись двери за Золотовым, Ян — он же Гера, по кличке Князь, — вернулся к столу, взялся, было, за графин, но тут же отставил его. Он впал в какое-то отрешенно-беспомощное состояние, когда ничего не мило и ничего не хочется делать. То, что речь идет именно об их модельнике, таинственно исчезнувшем из кузова «ЗиЛа», не вызывало ни малейшего сомнения. Все эти дни, несмотря на кажущееся везение, в мыслях он неизбежно возвращался к этому человеку. И образ его то и дело вставал перед глазами. Каких только предположений ни выстраивал Гера насчет Ивана! И самое правдоподобное из них, что тот выпал из кузова на крутом подъеме. Но ни в одной из версий не было места ему — живому. Да он просто не мог выжить. Этого не могло быть по факту! Даже если он не умер мгновенно от колотой раны, он непременно должен был замерзнуть в тайге. За такое время коченеют и более подвижные раненые, а этот был недвижимым! Но где-то в глубине души, причем боясь признаться в этом самому себе, Князь хотел, чтобы Иван выжил. Он не мог забыть, с каким гостеприимством встретил их этот человек. Вот и сейчас он как бы слышал его и видел ту кроткую улыбку, с которой он обращался к ним: «Говори, как звать-величать... Место для всех

найдем, чай, не бояре... Ужин мы быстро сварганим... Разделить хлеб с голодным и пустить скитающихся в дом мне велит Бог...» А на стене фотография его детей, с которыми он не виделся столько лет! Особо он запомнил девочку, ее огромные глаза и милую, кроткую, как у отца, улыбку. И вот как он, Гера, оплатил ему за добро. Пусть не сам, но дело это не меняет. При его участии погиб человек. Может быть, он умирает именно сейчас. Гера вдруг отчетливо понял, что уже никуда не денется от этого наваждения; до самой своей смерти не простит себе. И неожиданно рвется из его груди неподвластный ему, сдавленный до шепота крик души: «Господи, если Ты есть, спаси его! Может быть, в этом будет и мое спасение!»

Прошептал и в удивлении прислушался к себе. Что это произошло? Отчего такая светлая грусть на сердце? Откуда у него, зэка с солидным стажем, такое обилие слез! Ведь ни единой он не проронил, даже узнав о гибели своего лучшего, единственного на всю жизнь друга Леки. Вот уже по прошествии стольких лет на душе тяжесть от его потери. А теперь сразу необычайная, а потому и непривычная легкость, будто кто-то снял с души и этот гнет. Неужели это только оттого, что он просил Бога?

И, словно подтверждая эту догадку, новая волна Божьего благословения обволокла все его существо, и он упал на колени, закрыв лицо руками: «Да, Господи, я все понял. Это может быть только от Тебя! А раз Ты слышишь меня, спаси и помилуй его. Нет, нас обоих спаси».

Не умея молиться, он только и повторял это и с каждой минутой укреплялся мыслью о найденном наконец-то своем пути и назначении. «Господи, — шептал он в пространство, — никогда больше не будут эти руки красть. Ни-ко-гда. Поверишь ли?»

И в новом умилении души слышал ответ Бога и понимал — Он верит. Теперь дело за ним самим. И Гера знает, с чего надо начинать новую жизнь — с Библии. Она укажет путь. Он достал с самого дна сумки Библию Ивана. В памяти тут же всплыло предупреждение Мальша: «Смотри, Князь. Знал я одного такого... Хотел почитать ту книгу, а погнал гусей».

— Нет, Матвеюшка, — вслух возразил Гера. — Не гусей погнал тот человек: знать, и ему вот так же Бог открылся, как и мне.

Он открыл книгу наугад и прочитал: «Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют. За то падут между падшими, и во время посещения Моего будут повержены, говорит Господь». Отчего-то ему вдруг стало неудобно, он пожегся, но продолжил чтение: «Так говорит Господь: „Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим“. Но они сказали: „Не пойдем“». Гера буквально остолбенел: каждое слово было для него и про него. Он только что нашел этот путь. Быстро пролистав книгу, он, как всегда это делал при чтении, заглянул в конец. И тут же выхватил слова: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы

воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний...» И потом: «... „Се, грядущи скоро!“ Аминь. Да, гряди, Господи Иисусе!»

Какой-то неизвестный ему доселе благоговейный страх заполнил душу: не тот животный страх, который, несмотря на всю его кажущуюся храбрость, постоянно преследовал его, а боязнь не услышать, не познать эти слова. Не понять Самого Бога. «Ей, гряди, Господи Иисусе! — прошептал он. — Я жаждущий и желающий, дай мне Твоей воды жизни. Я, полное ничтожество, склоняюсь пред Тобой!»

Лишь перед самым утром смог он оторваться от чтения и долго сидел в отрешении, пытаюсь осмыслить все прочитанное. Как много он потерял, что не знал этой книги! Ведь тут было столько созвучного его мыслям. Только теперь, после многих-многих лет жизни, откуда-то из самых потайных задворков памяти явился ему светлый образ его бабушки. Она приехала из деревни, чтобы ухаживать за больной Дусей — мамой Геры. Это она, как могла, поддерживала их материально, пока отец его был в отсидке за крупную растрату. И это она говорила ему о Боге и продолжала водить на церковные собрания, несмотря на строжайший запрет вернувшегося из заключения зятя.

Что уж там было с ним, Гера так никогда и не узнал, но очень скоро восстановили его и в должности, и, что самое главное, в партии. Какое-то время бабушке удавалось тайком водить внука на собрания, но как только до отца дошел слух о том, что его сына видели у

баптистов, он поставил вопрос ребром: «Чтобы я больше об этом не слышал. И вообще: в моем доме — ни слова о Боге! Морочить сыну голову я вам не позволю. Или вот вам Бог, а вот — порог! Мотайте все отсюда!» — И указал бабушке на дверь. Под обращением «вам» и «все» отец имел в виду и мать Геры, хотя Дуся и не была верующей. Он явно тяготился ее болезнью, и они скорее всего уже давно бы развелись, не случись этот вынужденный перерыв в его партийно-хозяйственной деятельности. Надо сказать, что во время отсидки родственные чувства у него к ней и бабушке возродились; они как бы обрели второе дыхание. Правда, выражались в основном в просьбе «не забывать его». Ну, и конечно, выслать что-нибудь «существенное». И они высылали. Отрывая от себя, высылали. Причем больше по инициативе бабушки, чем мамы. «Ребенку нужен отец, — вздыхала бабушка. — Буду просить Христа, чтобы указал ему путь истины». И все молилась о зяте.

Ну вот, он и оплатил за добро: «Вот вам Бог, а вот — порог». Никого ни словом не попрекнула бабушка. Простилась с дочерью, не посмевшей перечить мужу, поцеловала внука и со словами: «Да благословит вас Бог!» — ушла из ихней жизни навсегда. Вернулась в свой дом в деревне. Лишь изредка приходили от нее письма: сама писать она не умела, а в кои-то веки кто зайдет к ней, так она и попросит черкнуть пару слов. Что, мол, жива, здорова. Через три года она умерла, и мама, несмотря на слабое здоровье, засобиравшись на похороны. Двести километров — путь для нее не близкий

и даже опасный, но муж не возражал, даже наоборот: напутствовал с наигранной дрожью в голосе. И Геру с ней отпустил: дескать, пусть простится с бабушкой. А чтобы им уж совсем комфортно было, шофера своего с машиной пожаловал: он, мол, вас и туда отвезет, да и потом за вами приедет. Ну, это уж когда мама сообщит, что там все дела уладила: надо ведь и дом бабушкин продать, и скотину, которая у нее имеется. Только ты, мол, Дуся, сперва оглядись там хорошенько и с продажей не торопись. Не прогадать чтобы.

Похоже, мама и не думала оглядываться. А уж торопиться — тем более. С утра до вечера она управлялась по двору, присматривала за коровой, курами и утками. Бабушка последнее время не вставала с постели — и двор пришел в запустение. Нужно было подправить и покосившуюся стайку, и заплот, и колодец, да мало ли. И тут ей много помогали бабушкины знакомые. Особенно старался местный кузнец Савва Капустин. Был он вдовцом и все делал очень умело и добротнo, и мать была ему безмерно благодарна. Единственное смущало ее в нем: прежде чем взяться за работу, он всегда молился Богу. Да и все они ничего не начинали делать без молитвы, и Дусе становилось неловко перед ними, оттого что она не может молиться. Они, однако, не принуждали ее к этому, но о Христе рассказывали. Говорили с ней мягко, ненавязчиво. Она даже распрямилась станом и лицом порозовела за этими хлопотами, да и жизни радоваться стала, как когда-то давно, еще до замужества. А Гера до того сдружился с деревенскими

парнишками, что и уезжать не хочется. Тут тебе и небольшая речка с чистой, прозрачной водой — хоть закупайся; и плещущиеся в ней щучки и пескари, которых они вылавливали бреднем; и лес под боком с грибами да ягодами, которые он быстро наловчился собирать. Жил бы да жил здесь! В его пятнадцать лет никакого города не надо было. В этом он и признался маме. Погладила она его ершистые волосы, вздохнула печально: «Да так оно, наверное, и будет, сынок. Чую, что не вернемся мы домой. — И заплакала: — Уж я-то не вернусь точно».

Растерялся Гера: что она имела в виду? Болезнь ли свою или что-то другое? Он, конечно, подозревал неладное в отношениях родителей, но мыслей о их разводе не держал. Это ведь так противоестественно, чтобы жить с одной мамой, когда отец уже не в тюрьме. И уж совсем не допускал мысли, что у отца может быть другая семья. Но вот через месяц после похорон приехал он сам и как раз с таким известием: у него есть другая семья, и он велит им остаться жить здесь. И Гера с удивлением увидел, что мать приняла это уже без ожидаемых им слез. Наоборот, едва заметная улыбка осветила ее лицо, будто освободилась она от какого-то ненужного гнета. И совсем повеселела, когда сын наотрез отказался возвращаться к отцу. Тот ведь предлагал ему вернуться (если захочет, конечно), поскольку скоро уже начало учебного года, и напоминал о его честолюбивых планах стать знаменитым художником. Стало быть, не за горами было и поступление в институт. Мальчик отказался и от городской школы, и от своих планов. Впрочем,

отец не очень-то и уговаривал: по нему было видно, что этим отказом он сильно не огорчился. И заверив, что будет помогать им, в хорошем расположении духа (будто речь шла не о разводе с семьей, а о предстоящей свадьбе) отбыл восвояси. Да оно, в общем-то, для него так и было: невеста у отца оказалась вполонину моложе его, а свадьбу он закатил по первому разряду, несмотря на свои почти пятьдесят.

Гера встал на сторону матери, и это было нормальной реакцией любого нормального ребенка. Но по-настоящему серьезным жизненным испытанием стало его отношение к матери, когда он увидел как зачастили к ней со своими молитвами верующие, и особенно часто — Савва. И вот тут-то со всей силой в нем восстал эгоист. Как ни убеждала мать, что они приходят просто потому, что хотят помочь ей разобраться в жизни, он видел лишь одно: за изучением этой жизни по Библии она все меньше уделяет ему внимания. И неважно, что это было совсем не так, ему хотелось, чтобы это было так. Ему хотелось быть обиженным, и чтобы она это видела и постоянно оправдывалась перед ним. Ясно, что главным объектом его нападок стал кузнец Капустин. Как только тот уходил от них, Гера начинал кривляться, изображая его простоватую речь: то есть, насмеялся над ним, выставляя напоказ его главный недостаток — неграмотность. Хоть он еще и не признавался даже самому себе, но больше всего боялся, что мать выйдет замуж за этого Савву. Словом, был категорически против их встреч. И что самое странное: он старательно избегал

разговоров о Боге. Стоило матери заговорить с ним на эту тему, как парнишка тут же начинал ершиться. Насколько уютно ему было когда-то с бабушкой, слушая ее светлые рассказы о Христе, настолько не воспринимал он это сейчас от мамы. С бабушкой это выглядело для него и сейчас так естественно, потому что она была для него верующей изначально. А мать — нет. И это была его подсознательная реакция на то время: ведь тогда мать принимала сторону отца и также запрещала бабушке говорить с Герой о Боге. Теперь ее рассуждения о Господе звучали для него неискренне, и этого притворства — так он расценил ее поведение! — его подростковый максимализм не мог вместить. Мысли же о всепрощении его еще не посещали.

Эти его настроения всячески подогрела их соседка, учительница русского языка и литературы Вера Ильинична. Когда-то давно они были подругами с его матерью. Ходили даже слухи, что и дружить-то они бросили из-за Дмитрия. Довольно молодая еще женщина, она быстро завоевала симпатии Геры своей решительной позицией в отношении Бога, подтвердив самые наихудшие его опасения: цель этих верующих втянуть в секту сначала маму, а потом и его. А если не удастся, то хотя бы разлучить их таким образом. Никакого Бога, естественно, нет и в помине; это он должен был знать еще до вступления в пионеры. Да современному человеку даже и не приходит в голову спорить по этому вопросу! Потому как опровергать-то и нечего. Ни один из великих художников или писа-

телей, биографии которых он знал из учебников, не был верующим человеком. Все они — атеисты! А если выражаться точнее, то они и стали великими благодаря тому, что были атеистами. Тут Вера Ильинична приводила вроде бы неопровержимые свидетельства из биографии того или иного ученого и с пафосом восклицала: «А с верой в Бога много ли изобретешь? Или напишешь много? Где Бог, там нет места науке, знаниям. Поэтому все эти верующие, как правило, недотепы: забытые и неграмотные служители мрака. Вроде этого Саввы. А их учителя, то есть те, кто морочит им голову, просто прикрываются именем Бога, чтобы обдѣлывать свои темные делишки».

Далее следовал вывод, что отличнику учебы Гере не пристало водить с ними дружбу. У него прекрасное будущее... Но только отец может дать ему возможность осуществить его честолюбивые планы. Словом, пришла ему пора вступать на этот широкий путь, ведущий в светлое будущее. А для этого нужно ехать в город... Не знал Гера тогда, как ловко манипулировала учительница кудыми фактами биографий, выдергивая их из контекста, и перепирала, переставляла буквально все с ног на голову. Впрочем, не намного больше об этом ведал он и теперь. Если бы только он захотел и заглянул дальше учебника, то убедился бы в обратном: узнал бы, что все или почти все великие люди были верующими. А служителями мрака они считали как раз тех, кто жег на кострах Библии и другие церковные книги. В том числе и книги самих этих великих. У верующего человека на это не поднимется рука.

Не захотел Гера, не заглянул; а в способности убеждать этой даме нельзя было отказать.

Слова ее и уговоры падали на благодатную почву. Ненадолго хватило ему восторженного отношения к жизни в деревне. Это ведь пока просто наслаждаешься отдыхом на природе, она такая прелестная. А как только пришлось помогать матери по хозяйству, куда и подевалась та прелесть. Потускнела она, пожухла, и затосковал парень по городской вольнице. Если к этому присовокупить наступившую осеннюю распутицу, при которой из дому и шагу не ступишь без того, чтобы не застрять в непролазной грязи (дожди-то льют, света белого не видать!) то станет понятна и уж совсем скорая перемена в настроении Геры. Кончилось беззаботное лето, и начались занятия в сельской школе, учиться в которой он посчитал ниже своего достоинства. Чего-чего, а высокомерия он унаследовал от отца в полном объеме. И вот уже, быстро списавшись с ним, он поставил мать в известность об отъезде, путано объясняя что-то насчет своих планов.

Она не стала упрекать, только попросила не забывать ее и хотя бы писать по возможности. Он пообещал. С тем и уехал. Как оказалось — насовсем. Не увидел он больше ни той тихой речки с плещущимися щуками да пескарями, ни того леса с обилием грибов и ягод. Вступив на такой вождеденный широкий путь, суливший блестящие перспективы, юноша даже не подозревал, что он для него начался со спуска с горы. Ведь начал он его с предательства матери. Не потому, что он ушел к отцу,

это как-то еще можно было бы понять. А потому, что ни разу не справился о ее здоровье, не написал ни одного письма. Сначала было стыдно, потом стало привычно. Не корил себя больше и не содрогался при мысли, что бросил ее в трудную минуту жизни. Перестали мучить и угрызания совести, наоборот: он даже упрек для нее заготовил на случай встречи и мстительно лелеял его в себе — что, мол, сама же не хотела расставаться с верующими. Вот и живи с ними. А может быть, со своим Саввой. На том и успокоился. Ах, каким гладким оказался тот спуск — словно кто-то специально готовил его для Геры. Забегая вперед, скажем, что точно так же объяснил он себе потом ограбление родного отца. Дескать, преступлением этим он отомстил ему за мать. Очень выгодное объяснение. И вообще это очень удобно: на стремительном пути под откос можно свалить вину на кого угодно. Ведь оглядываться на себя недосуг. Да и зачем, когда сатана угодливо подсовывает «виновных» в совершенных тобою поступках, а себя ты видишь чуть ли не самым справедливым судьей.

В итоге он сбежал и от отца, прихватив кое-что с собой. Правда, произошло это через три года после ухода от матери.

* * *

А поначалу-то он неплохо поладил с молодой мачехой. Не столько с ней, сколько с ее младшим братом, Лекой. Так ласково называли Валерия. Оба бело-брысые, одинаково высокого роста, были они чем-

то неуловимо похожи, и их даже считали родными братьями. Лека был на год старше и пользовался огромным авторитетом среди уличной шпаны, к которой быстро примкнул и Гера. После нескольких приводов в милицию, отец отправил обоих в Ригу на перевоспитание к своему брату, занимавшему там высокий пост в органах правопорядка. Да и время обоим поступать в институт пришло. Что они там (не без помощи дяди, конечно) успешно и сделали. Но перевоспитались до такой степени, что, когда были уже на втором курсе, брат возвратил их в родные пенаты. Поговаривали люди, что не только сам он, но и вся тамошняя милиция при этом облегченно вздохнули. Потому что эти братья — таковыми их и считали, — не довольствуясь мелкими кражами, стали грабить по-крупному. А именно: по сговору с однокашником Вилисом Круминьшем ограбили его отца, который был известен как самый богатый фарцовщик. Проникнув в дом по наводке Вилли, они намного облегчили его капиталы, прихватив несколько антикварных вещей. Причем, все трое считали, что творят справедливый суд: отнимают несправедно нажитое богатство. Правда, далеко уйти, чтобы разделить его между бедными, они не успели: ну, не понимали еще, что у такого несправедного вся милиция ходит в друзьях. И были просто ошеломлены той оперативностью, с какой их задержали. Накрыли их там, где они уже ничего не боялись, то есть, на летней даче своего дяди. А туда, по их понятиям, не должен был сунуться ни

один милиционер. Да те в общем-то и не сунулись: накрыл-то их не кто иной, как сам дядя. Оперативники, вычислившие эту парочку, ждали за забором дачи. Надо отдать должное друзьям: Вилиса они не выдали, хотя вряд ли ему что-то грозило от отца. Да и «братки» отделались легким испугом. Дела, понятно, никто не открывал, и дядя их обоих тут же отослал назад. Уже много позже Вилли оплатил им той же монетой, выручив от лишнего срока.

Все же пребывание в Риге не прошло для них совсем чтобы даром: оба легко освоили латышский язык. Хоть одним полезным делом отметился этот отрезок их совместного пути. Вот только извлекаемая из него польза была уж очень своеобразная: знание языка позволяло молодым людям изображать из себя праздношатающихся балбесов-прибалтов, прибывших туристами в тот или иной город. Они легко знакомились с такими же, но уже подлинными балбесами, известными своей принадлежностью к кругу «золотой молодежи». Сии отпрыски богатеньких людей быстро вводили их в свои дома, а заодно и в доверие к своим родителям. Дальше оставалось только рассчитать время, когда дом будет пуст, и тогда в дело вступала «тяжелая артиллерия» — их покровитель и бесспорный авторитет «медвежатник» Лазарь с опытным напарником. Их самих он на дело не брал, и последнее время парни уже тяготились его опекой. Он хоть и выделял их из общей среды ворья, но то ли по скупости своей, то ли по недалёковидности

отстегивал им совсем нежирную долю. А они к тому времени уже поменяли свои взгляды на жизнь. На смену филантропическим идеям воровать «в пользу бедных» пришла идея разбогатеть самим и слинять за границу. О, они много и очень усиленно мечтали о ней! Видели себя в шикарных машинах в обнимку с шикарными леди и с гавайскими сигарами во рту. Ну, ясное дело, вилла с бассейном, кругом прислуга. Без прислуги нельзя — это первое дело! Но на подачках Лазаря далеко не уедешь — эту аксиому они усвоили довольно быстро и уже провернули пару дел самостоятельно. Благо сбыт был: сам Лазарь познакомил их с «самым честным в мире евреем» Иосифом. И тот, что немаловажно, относился к ним с почтением, почти как к Лазарю. Теперь Гера с Лекой только ждали «настоящего дела». Вернее, момента. И способа преодолеть себя, ибо дело-то уже было определено. И об этом расскажем немного подробнее.

Отец Геры, вяло призывавший обоих взяться за ум, постоянно рисовал им их безрадостное будущее, но в итоге махнул рукой и, предупредив, что больше «отмазывать» не будет, предоставил их самим себе. Собственно, строжился-то он и раньше, но только над Герой. К Леке претензий не было. Тому попробуй что скажи, сразу от молодой своей жены схлопочешь на орехи. Поэтому перед ее братом он даже заискивал другой раз. А тут прорвало на обоих. Просто не выдержал. Он уже давно клял себя за то, что переманил сына посредством бывшей своей знакомой Веры Ильиничны, и рад был бы отправить

его назад, но, как говорится, поезд ушел. Если куда-то и тянуло теперь Геру, то уж точно не к матери в деревню. Откушал уже сынок сладкой безмятежной жизни — какая там деревня может быть! И надо же такому случиться: буквально через месяц после состоявшегося разговора парни влипли в историю с мелким хулиганством, и он сдержал слово. Не заступился. Хотя делов-то там было не больше, чем на коробку конфет нужному человеку. Парни осерчали, но после пятнадцати суток ареста Гера все же пришел к Дмитрию. Якобы, на поклон. В состоявшейся беседе сын повинулся перед отцом, пообещал восстановиться в институте (тут правильнее будет сказать — согласился, чтобы отец восстановил), а заодно и незаметно увел ключик от книжного шкафа. Изготовив слепок, так же незаметно вернул его на место в письменном столе. Оставалось только дожждаться удобного момента и увести отцову «зачачку». О тайнике в старинном книжном шкафу Гера догадался, подсмотрев однажды неосторожное движение отца, слишком поспешно поставившего книгу на его полку.

Сам шкаф был с резными дверцами, с вмонтированными овальными зеркалами и запирался на ключ. Ну, ключ... ах, это для парней был уже такой пустяк, что и упоминать-то неудобно; тем более, как мы уже видели, у них появился дубликат. Так что при первой же возможности Гера проверил свои подозрения. Как он и предполагал, там, во втором ряду книг, нашлось уютное место для объемной, искусно инкрустированной шкатулки. Цветом корешка и высотой она не отличалась от стоявших рядом книг о

марксизме-ленинизме. Шкатулка была «с секретом», и, что было внутри, он пока не знал, но верил, что не простые пуговицы или значки. Тогда, обсудив это дело с Лекой, они оставили ее до лучших времен. Теперь посчитали, что время пришло. И приблизил его сам Дмитрий вот этой своей угрозой больше не вступаться, а то и вовсе самому их «заложить»: это, мол, для их же пользы. «Раньше сядешь — раньше выйдешь», — повторял он вроде бы только Гере, но в виду имелись, конечно, оба. Унижаться и благоговеть перед ним, а именно этого он добивался, было уже не с руки; оба презирали его за исповедуемые им двойные стандарты жизни. Искусный лжец, он успешно изображал из себя коммуниста-правдолюбца, призывая на собраниях к светлому будущему, и в это же самое время тащил с базы все, что можно было уволочь. И не кошелками — машинами! Да пусть бы и морочил голову другим, но ведь он пытался выглядеть честным и в их глазах! А это вызывало у парней отвращение, хоть они и понимали, что в этой стране иначе нельзя. Жить на широкую ногу, не скрывая своего богатства, можно только на Западе. Поэтому их так тянуло туда. А продолжать жить вместе в этом доме было равно опасно и для них, и для него. Для него это было даже намного опаснее: стоит «проколоться» этим его отпрыскам покрупному, как к нему могут нагрянуть с обыском. Не может же он все время держать наготове своих людей, чтобы воспрепятствовать этому. Кто знает, что за номер его сынок вкупе с Лекой выкинут в следующий раз и когда это произойдет?

Вот они и выкинули: переступив через себя, прихватили шкатулку и тихо исчезли. Увели самую весомую часть его сбережений, вложенную в «камушки». Плод его трудов тяжких. Гера это деяние объяснял себе еще и как месть за мать. Но это было далеко не так. Такая отговорка нужна была для успокоения совести, которую он старательно загонял на задворки души.

Далеко не сразу хватился Дмитрий пропажи. Привыкшие к их неожиданным «гастролям», они с Лией заволновались только после недельного их отсутствия. Правда, волноваться по этому поводу им долго не пришлось. Ранним утром в субботу к ним нагрянула милиция с ордером на обыск и с понятыми — двумя домработницами соседей Дмитрия, и дворником. Знатный люд-то уже отдыхал от трудов праведных, как минимум, на своих загородных дачах. Это было столь неожиданно, что он даже не пригрозил милиционерам ни высшей властью, ни возможными плохими для них последствиями. Он попросту потерял дар речи; сидя в кресле, совершенно игнорировал вопросы следователя в ранге капитана и с каменным лицом следил за действиями оперативников. А те переворачивали все вверх дном, рылись в бумагах в ящиках стола, простукивали пол и стены. Особое их внимание привлекали украшения Лии и простая бижутерия — это тотчас заносилось в журнал описи, которую вел следователь. Он же не спускал глаз с Дмитрия и ловил каждое его движение. Вот проверяющие направились к книжному шкафу, и он увидел, как хозяин квартиры вцепился в ручки кресла.

От сильного напряжения пальцы рук побелели, и на них вздулись вены. Капитан удовлетворенно ухмыльнулся и быстро наклонился к нему.

— Камушки здесь, но я могу приостановить обыск, если договоримся, — шепнул он чуть ли не в самое ухо Дмитрия. — Согласен? — И не дожидаясь ответа, крикнул старшему наряда: — Подожди ты с книгами, сержант. Проверьте сначала все в ванной. — И снова к хозяину: — Так как?

И ужаснулся выражению его лица. Дмитрий был бледен, как полотно. Руками он держался теперь уже за сердце и, широко открыв рот, не сводил горящих обезумевших глаз со шкафа. Проверяющие успели открыть его дверцы, и он тотчас понял, что его сокровища там уже нет. Табличка «Книги руками не трогать!» незаметно для чужого глаза была чуть сдвинута со своего места, то есть располагалась не строго посередине высоты книг, а лежала у их основания внизу. Это означало, что шкатулки там нет. Как ни устанавливай теперь табличку, она уже не встанет на прежнее место. И не успел следователь среагировать, как он сорвался с кресла и в два прыжка очутился у шкафа. Первый ряд книг слетел на пол, а во втором — на месте шкатулки зияла пустота. Вопль отчаяния оглушил всех в квартире, а сам Дмитрий, как подкошенный, рухнул на пол.

Подскочившие милиционеры оттащили его к столу. Некоторое время он отсутствующим взглядом смотрел на следователя, потом вдруг хитро улыбнулся, нагнулся к нему и заговорщически шепнул:

— Камушки, говоришь, поделим?

— Ну, — с готовностью склонился тот. — Надумал?

— А вот это видел? — тонко взвизгнул Дмитрий и сунул кукиш ему прямо под нос. И начал тыкать им во все стороны и дико хохотать. — Вот вам! Вот вам, и вам, и вам. — Неожиданно резко дернулся, на мгновение застыл и тихо сполз со стула...

— Инфаркт, — констатировал оперативно прибывший врач «скорой помощи».

— Если бы только это, — усомнился капитан. — Мне кажется, мужик «погнал гусей». Может, его сразу в психушку?

— Если выживет, там видно будет, — пожал плечами врач, сделал укол и распорядился, глядя на Лию: — Вы жена? Быстро с нами в машину.

— Да-а, — услышал капитан тихий говор понятых, — правду говорят: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут».

— О чем это вы там? — насторожился он. — Какие воры?

— Да нет, мы о своем, — поспешно протянула одна из домработниц. — Теща его бывшая тут одно время жила, дак все по Библии упреждала: дескать, сколь не тащи ты на земле, все одно украдут. А оно, вишь ты, и наяве, взаправду, случилось.

— Что случилось?

— Дак пропало же сокровище! Все, как по Библии, полу... — и оборвала на полуслове, испуганно хлопая ресницами.

— А-а, — устало махнул рукой капитан, — какая теперь разница: по Библии, не по Библии. Врет все ваша Библия.

— Так и мы о том же. Вы уж отпускайте нас, раз хозяев-то увезли.

— Идите. Спасибо за помощь.

Он мрачно оглядел подчиненных и почесал макушку. Обыск положительного результата не дал. Те дорогие украшения женщины не в счет — человек такого положения мог позволить себе дарить ей подобные безделушки. А вот камушки... Похоже, они были. Были да сплыли. Это минус. А что если их и впрямь не было? Тогда это еще больший минус. Сложившаяся ситуация могла обернуться для него нежелательным эффектом. Привлечет ведь Дмитрий за клевету и необоснованный обыск. Как пить дать — привлечет. Если, конечно, «не слетел с катушек». Впрочем, не его же лично привлечет. Он выполнял приказ. М-да-а, как эта баба сказала: не собирайте себе сокровищ на земле? Чуть какая-то. Где же их собирать, как не на земле? На небе-то кому они нужны? Там никому ничего уже не нужно будет. Ох, и глупые же люди. Но одно верно: если камушки и были, то счастья они этому безумцу не принесли.

В том, что Дмитрий свихнулся, капитан не сомневался. У него был опыт: такие глаза он видел не раз и знал, что они обозначают. Не мог он предвидеть только одного: попав уже из больницы в ту самую психушку, пациент удавится в туалете на скрученной жгутом полосе от простыни, которую пронесет под рубахой. Неблаго-

видное, конечно, место для сведения счетов с жизнью, но где найдешь краше в этом заведении? Да и до раздумий ли там было? Главное, было от чего давиться: в одночасье лишился мужик всего, чем жил все свои годы. Огромное, как потом выяснится, состояние, нажитое трудами несправедливыми. И куда столько человеку? «Не собирайте себе сокровищ на земле...»

* * *

Не принесли желанного результата камушки и нашим героям. Хотя по первости им показалось, что они ухватили за хвост свою птицу счастья. Сильно обнадежил их, ознакомившись с содержимым шкатулки, тот самый еврей Иосиф. Долго изучал он с лупой камушки, потом так же долго молчал и, наконец, с явным сожалением вернул ее друзьям.

— Вы даже не можете себе представить, молодые люди, что это за богатство. Мне потребуется продать половину всего, что у меня есть, чтобы купить хотя бы один из этих камушков. Это нежнейшие сапфиры — камни с живой душой. Если бы вы жили на Западе, вы вошли бы в число богатых людей. Там им знают цену. Но здесь они вас приведут прямо в тюрьму. Здесь вы не найдете достойного покупателя. Впрочем, как и недостойного: даже не ищите. Их попросту нет. А вот человек, который хранил их, явно знал, куда их сбывать. — Иосиф внимательно посмотрел на друзей. — Вы понимаете, к чему я клоню?

— Пока нет, — в голос признались оба.

— Но для кого-то же он их скупал? А потом продавал. Иначе, откуда бы у него было столько долларов? Значит, у него был сбыт где-нибудь в Москве, Ленинграде или Прибалтике, улавливаете?

Прибалтика! Больше друзьям ничего не надо было выяснять. Все сразу встало на свои места: в Риге есть отец Виллиса, который именно этим и промышляет. Вилли сам утверждал это. Но если его отец может это делать, то почему бы не попробовать провернуть все через самого Вилли. Ну, чем не превосходная идея. Во всяком случае, таковой она тогда им показалась. Сказано — сделано. Отблагодарив Иосифа золотой цепочкой с медальоном за полцены, друзья отбыли в Ригу. Не за тем, конечно, чтобы предстать перед своим дядей. Его-то они как раз и постарались обойти стороной. В столице они вызвали по телефону Вилли и, не задерживаясь, уехали с ним в Вентспилс, где много не только моря, но и иностранных моряков, среди которых нередко встречаются деловые люди. Поскольку парни не стояли за ценой, то цепочки, кольца, кулоны разлетелись в считанные дни. Но все же это были рубли. И в долларах их становилось почти в четыре раза меньше — таков был курс доллара на «черном рынке», хотя официально доллар стоил шестьдесят копеек. Ну, так то официально! И тогда Вилли с Лекой начали поиски лиц, которых бы заинтересовали камушки, а заодно зондировали способ перебраться за границу. И кое о чем уже договорились с датскими моряками. При камушках в гостинице все это время оставался Гера. Надо сказать, они так заинтересовали его, что он даже

раздобыл соответствующую литературу и, запершись на ключ, не переставал изучать их. Он просто влюбился в «свои» камушки, и с явной неохотой распрощался с первым из них. Правда, гонорар за него был столь велик, да еще сразу в долларах, что вскоре печаль его сошла на нет. Теперь предстояло «сплавить» оставшиеся пять, и встреча с деловыми людьми — иностранцами! — уже была назначена. Но как ни просил Гера подельников взять его с собой, они стояли на своем: один из них должен был быть в стороне. Так, на всякий «пожарный» случай. Упаковав камушки в круглую жестяную коробку из-под конфет (шкатулка с огромной суммой долларов за все реализованные драгоценности осталась при Гере!), друзья покинули гостиницу, оставив его в тревожных чувствах. Синяя птица счастья, казалось, была уже в руках, но что-то удерживало его от ликования.

Встреча происходила в намеренно нелюдном месте, в таком же неприметном здании какой-то лаборатории. В этом отношении все предосторожности были соблюдены. Посредником в сделке служил латыш Имантс, через посредство которого был выкуплен первый сапфир. Он же был и переводчиком для покупателей — двух импозантных иностранцев. Все они зашли в одну просторную комнату, где их учтиво встретил пожилой мужчина в пенсне: «независимый эксперт Отто», как представил его Имантс. Ассистировал ему довольно симпатичный молодой человек в элегантном черном костюме. Тут же, на глазах у всех присутствующих Отто прошел за столик, вооружился лупой и начал колдовать над ка-

мушками. Время от времени молодой человек подавал ему то пинцет, то другую лупу, то салфетку. Рассмотрев один камушек, он быстро придвигал к себе другой, потом зачем-то снова возвращался к первому, присоединял и отодвигал следующий. Иногда он поднимал камушек и рассматривал его на свет, будто мало было ему лупы. Потом клал его на место, снова поднимал и тогда все видели бурю страстей, отражавшихся на его лице. От напряжения оно просто покрылось пятнами. Наконец он осмотрел все и осторожно сложил их обратно в коробку.

— Господа, должен выразить восхищение и сожаление одновременно: эти восхитительные камушки — великолепная, изумительная по качеству, но подделка. И должен признаться, такое встречается не часто.

Иностранцы в недоумении развели руками, и как бы чего-то испугавшись, с извинениями заторопились к выходу. Ну, так кому ж охота вляпаться в историю с фальшивыми драгоценностями.

Оценщик же, выдержав паузу, продолжил, обращаясь теперь уже только к остолбеневшим, потерявшим дар речи, Вилису с Лекой:

— Если вы не постоите за ценой, мальчики, я готов предложить вам за них неплохие деньги.

— Ну, это уж... дудки — выругался Вилли, и вырвал коробку из его рук. — Похоже, ты такой же специалист-антиквар, как я принц из Непала. — Он указал на латыша: — Только на днях камни проверяли люди не чета тебе, и все было нормально. Кстати, Имантс, почему ты привел не их?

— Они далеко, — сухо ответил тот. — И я теперь не уверен, кто из них прав. Отто мне рекомендовали, как первоклассного оценщика.

— Он первоклассный мошенник, — брякнул Лека. Брякнул, даже не подозревая, как близок к истине. — Просто хочет сбить цену.

— Тогда мне с вами разговаривать не о чем, — обиделся Отто и махнул своему ассистенту. — Пошли отсюда.

Что сделка не состоялась, Гера понял без слов. А как только взглянул на камушки, еще и понял, что его друзей ловко обвели вокруг пальца, и со стоном ухватился за голову.

— Вилли, Лека, это не наши камушки! Это действительно подделка. Как вы не заметили, что вам подсунули туфту? Наши были чистой водой, а эти мутные, как глаза алкаша с похмелья!

На его друзей было жалко смотреть.

— Надо было тебе идти с нами, — только и выговорил Лека.

— Ждите меня здесь, — сорвался с места Вилли. — Буду через полчаса. Мы найдем их, и они горько пожалеют об этом.

Ровно через полчаса он вернулся с небольшой «балеткой», в которой были два кинжала и пистолет.

— Погнали! — коротко приказал он друзьям. — Прогуляемся до Отто.

Это произвело необычайно действенный эффект. Ребята мгновенно преобразились, почувствовав себя настоящими гангстерами, тем более идущими в бой «за

правое дело». Сердца их горели мезтью, и случись им встретить обидчиков, эта прогулка могла окончиться для них намного печальнее, чем произошло на самом деле. А произошло то, чему и должно было произойти. Не найдя никого в опустевшей лаборатории, парни помчались в ту гостиницу, где, по их мнению, должны были быть те иностранцы. То, что они действовали заодно с Отто, у них не вызывало сомнений. После недолгого препирательства с дежурным, не пускавшим посторонних в здание гостиницы, их быстро скрутили невесть откуда взявшиеся оперативники. Потом в их гостинице нашли и конфисковали и шкатулку с долларами. Даже это, без камушков, ошеломило выдавших виды оперативников: у желторотых, как они выражались, «птенчиков» оказались огромные деньги.

Гера и Лека схлопотали по два года за ношение холодного оружия, Вилли — пять лет за огнестрельное плюс спекуляцию иностранной валютой, и драгоценностями. Все эти побрякушки и доллары он приписал себе, отблагодарив таким образом друзей за их предыдущее благородство. Иначе копить бы им небо в первой в их жизни колонии каждому на три года больше.

Впрочем, сослужило ли это добрую службу и было ли полезнее — еще вопрос. Видимо, не удовольствовавшись таким малым сроком (Лека так вообще вышел по половинке), друзья, едва встретившись на воле, «залетели» на новый, более солидный. И пошло-поехало... Вилиса они так больше и не видели. Остепенился мужик и, чтобы не искушать судьбу, удрал за границу. Лека

во время второй «ходки» плотно подсел на наркотики и после освобождения уже ни на какое «дело» не годился. Так что в третий раз Гера пошел в тюрьму уже без своего закадычного друга, или брата, как они всеми назывались. Туда, в тюрьму, и пришло ему известие, что Лека умер от передозировки. Впервые в жизни ему стало так тяжело на душе: ведь время от времени снабжая его деньгами, Гера в сущности сам вносил лепту в эту его гибель. Тяжесть этой вины не уменьшалась с годами, он ощущал ее всякий раз, вспоминая друга. И вот только спустя много лет здесь, в номере гостиницы «Тайга», повинившись перед Христом, он почувствовал облегчение своей душе. И мгновенно пришло решение: во что бы то ни стало успеть к Ивану, пока он еще жив. Костя сказал, что он под кислородом, значит, еще есть надежда. И тут Гера испытал новый прилив благословения, и уже не сомневался, что это Господь торопит его туда, где решается судьба верного Ему раба.

Нужно ли ему открыться Золотову? Нет, не стоит. Человек, предавший брата, и во всю от него отрекшийся без сомнения, поторопится заработать очки и выехать на беглом зэке. А если Геру арестуют тут в Братске, вряд ли это чем-то поможет Колотову, на которого уже повесили убийство Гребенюка. Только там, на месте, Гера сможет дать следствию нужный ход. Только там его чистосердечное признание сможет сыграть какую-то роль. Здесь это все быстро сведут к банальной попытке рецидивиста оправдать себя. Ну, накинута пара лет за побег, может пяток — это уж

с какой ноги встанет суд. Вот и вся недолга. А пока суть да дело, пока во всем разберутся, Колотова, если выживет, уже осудят. Нет, надо успеть. Не дозвонившись Косте, Гера черкнул ему записку, вызвал такси и покинул гостиницу. По дороге приобрел на базарчике букет цветов у «азербута» и в таком торжественном виде — ни дать ни взять жених встречает невесту! — прибыл на станцию Анзеби, чтобы уехать оттуда в Чуну. Расписание поездов, следующих с севера, он знал наизусть.

* * *

— Настенька, — заглянула медсестра в палату и с виноватым видом поманила ее пальцем. Настя поправила отцу подушку и вышла. В коридоре ее ждал незнакомый мужчина. Не зная, отчего, она вдруг исполнилась чувством страха.

— Вот, — продолжая виновато пожимать плечами, указала на него сестра, — говорит, что ты обязательно его проведешь к отцу. Сколько ни толковала, что нельзя, стоит на своем. А врача-то уж нету. — И как бы в свою защиту указала на дежурный столик в коридоре: — Вон, цветов припер. Иван, мол, его друг сердечный.

— Что? Что вам нужно? — прерывающимся от волнения голосом спросила Настя, увидев, что незнакомец протягивает ей что-то. Сердце ее гулко колотилось в груди.

— Возьми, Настя, — тихо сказал он, — это Библия твоего отца. — В голосе его она уловила такое же волне-

ние. И как раз это, а также упоминание о Библии сразу успокоило ее. — Я видел твою фотографию в его доме. Ты там со своим братишкой, — продолжил он. — Теперь мне нужно видеть Ивана.

— Но он после уколов будет спать до утра. Вы не сможете поговорить с ним.

— Мне необязательно говорить — только видеть. Этого мне достаточно.

Странное двойственное чувство одновременно овладело Настей: тут было и подозрение, и доверие. Для верующего этот мужчина был слишком богато одет, но мог быть просто хорошим знакомым папы. У него ведь в друзьях были когда-то и ученые люди.

— Хорошо, — сказала она, берясь за ручку двери, — пойдемте. Чем еще я могу вам помочь?

— Если ты мне поможешь молиться, Настя, — голос незнакомца вдруг сорвался, и он едва справился с собой. — Мне это очень нужно. И, пожалуйста, выслушай потом меня до конца.

Они вошли в палату, и мужчина, остановившись в ногах у Ивана, внимательно взгляделся в его лицо; он словно желал убедиться, тот ли это человек. Похоже, убедился и, цепляясь за спинку кровати, медленно сполз на пол и встал на колени.

Настя опустилась у изголовья отца и с волнением вслушивалась в его бессвязную речь, прорывавшуюся сквозь горькие рыдания. Отчетливо угадывалось только «прости, прости, Господи. За все прости». Да, собственно, других слов-то и не было.

«Сколько же горя пережил этот человек? — думала она. — Сколько же он все это носил в себе, не давая душе освобождения. — И незаметно для себя стала молиться уже не за отца, а за него. — Господи, прости ему, освободи его душу от грехов его».

Сунувшаяся было в палату дежурная сестра, так и застыла в изумлении. Она уже привыкла к молящимся у кровати этого пациента, но такого видного, импозантного верующего, да еще на коленях, да еще и плачущего навзрыд, видела впервые. И осторожно прикрыла двери.

«Не иначе — брат. Родной. Так-то они все себя братьями называют. А этот — нет, этот родной! Вон ревет-то как!» (Забегая вперед, отметим, что потом, когда все открылось, она никак не могла поверить, что это не так. «Пошто же так убивался тогда, если не брат, не сват? — недоумевала. — Не-е, непонятно мне это».)

Наконец мужчина затих, распрямился и, не вставая с колен, отнял руки от лица. И Насте показалось, что перед ней уже совсем другой человек. Только что горестное и подавленное, теперь его лицо излучало свет и умиротворение. Она только подумала спросить его, но не успела. Ее вопрос прозвучал у нее над самым ухом, и озвучил его сам Иван.

— Гера, простил тебя Господь?

Гера встрепенулся и, подняв голову, встретился с глазами Ивана. И в каком-то неземном, неопишемом благоговении так и застыл. Потом прямо на коленях потянулся к нему рукой.

— Встань и наклонись ко мне, — попросил тот. И когда Гера склонился над ним, повторил: — Простил?

Гера не сводил с него глаз и только кивал головой, глотая слезы. Иван улыбнулся одними уголками губ, упреждая его вопрос.

— Вот и я простил. Хорошо, что ты услышал Его. Ну, а тот... Слава, кажется? Он как?

— Славка? Его застрелили. У Гребенюков.

— А второй, большой?

— Малыш сорвался с яра. В общем, оба погибли.

— Жалко обоих, — прошептал Иван, борясь с наваливающейся тяжестью во всем теле. Глаза его слипались, и Гера заторопился:

— Иван, я иду с повинной. Я им расскажу. Все будет хорошо с тобой.

— Сначала к Борису зайди. Дочка, отведи его... «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов», — все тише бормотал Иван. И впал в забытие.

Но Настя расслышала его просьбу. Из этого их диалога она смутно улавливала роль Геры в судьбе отца, но страха перед ним уже не было вовсе. Тем более, папа за что-то его простил. А куда и с какой повинной он собирается идти, по-видимому, должен подсказать Хлопаков. Они вышли из палаты, и она взяла его за локоть.

— Если пойдете к дяде Боре, я вас могу проводить.

— Да, Настя. Пожалуйста, проводи. Раз Иван считает, что мне лучше прежде поговорить с ним, значит

так надо. — Весь путь от больницы они молчали, думая каждый о своем. Только у самого дома Хлопакова он, как бы опомнясь, спросил ее, глядя в сторону:

— Настя, а ты? Ты простишь меня, когда узнаешь обо всем, что я сделал? И вообще — кто я?

— Мне не важно, кто вы. Одно важно: Господь Бог вас простил, и я это видела. И папа видел. Господь даже его на эту минуту привел в чувство. Ведь он не должен был просыпаться минимум до утра.

— Да-да. Я это уже понял. Ну, а... а другие люди — они простят?

— Мы будем молиться об этом.

* * *

— Да, слушаю, — сердито бросил в трубку Максим Гарманов. Такой поздний звонок, поднявший его с постели, вызвал явное раздражение. Это только в фильмах милиционеры готовы среди ночи выслушивать новости и мчаться по вызову «на кудыкину гору». И Макс приготовился уже послать звонившего именно туда. В жизни-то он, как и всякий смертный, не шибко любил, когда ему прогоняли сон. Но, вовремя узнав голос Хлопакова, тут же перестроился. Вдруг да предложение на охоту! Как было бы кстати добыть сохатого. А то ведь сезон уже на излете.

— Борис? Вот не ожидал. Что там у тебя? — И недовольно сморщился, не услышав желанного приглашения. Стало жаль прерванного сна. Но тут же сонливость его как ветром сдуло, а лицо от неожиданности вытянулось.

— Князь? Да ты что! У тебя? Понял! Никому! Я никому, Боря. Все, бегу в отделение. Считай, я уже там.

— Макс, — предупредил Хлопаков, — только без всяких ковбойских штучек — стрельба там, погоня. Будь один. Учти, что Князь доверяет только тебе, и это тебе только на руку. Утрешь нос выскочкам. А уж утром поставишь в известность Ягилева, чтобы он прыгь-то свою окоротил. Это в отношении Лизы Гребенюк имею в виду.

— Да понял, Боря. Я его сам и окорочу. Протокол составим, а уж утром раззвоню.

— Вот и ладно. Через полчаса мы у тебя.

* * *

Петр Баскаков ранним утром, еще досветла, возился в стайке, подготавливая снаряжение на охоту, когда услышал сердитое урчание своего сторожевого пса на привязи во дворе у Лизы. Кто-то, стало быть, там ему не совсем нравился, и он проявлял недовольство. Что это не она сама, было件нятно: Пират хоть изредка и повышал урчание до рыка, но не заливался радостным лаем, как это всегда было при виде хозяйки. Да и лайки не поддерживали его. Охотник оставил дела и неслышно прошел вдоль своего заплота к Гребенюкам. У самых ворот в едва забрезжившем рассвете утра он увидел среднего роста мужичка в живописном наряде: на нем был драный бушлат, огромные, явно не по размеру пимы, а голову, кроме шапки, украшало еще и что-то наподобие шали.

Такими нам в старых фильмах показывали пленных немцев под Сталинградом. Мужичок пританцовывал от мороза и, похлопывая рукавицами, то и дело прижимал их к лицу. И то сказать: мороз этим утром был знатный. Гадать, к какому сословию принадлежал сей индивид, не было надобности.

«Бомж, — изумился Петр. — Явно из города. Чего ж здесь потерял?»

А тот, не видя охотника, время от времени пытался подпрыгнуть повыше; вероятно, хотел что-то разглядеть во дворе через забор. Тогда-то и повышал голос Пират.

— Это еще кто таков? — грозно крикнул Петр, и еще раз, теперь уже приятно удивился, что тот не упал от страха, а, наоборот, расплылся в улыбке, обнажив пару недостающих зубов в уголке рта.

— Да я, дядя, вот к Лизе Гребенюк приехал. Я правильно тут стою?

— Стоишь-то ты правильно. А чего ж не стучишь, коли приехал?

— Дак, собаки там, я и сомневаюсь, — мужичок опасливо посматривал на ворота, за которыми поднялся восторженный, захлеб лай собак, слышавших голос хозяина. — Она мне про них не сказывала. Вот и страшно, что вдруг ошибся я? Постучишь в такую рань, а потом тебе же и настучат по бестолковке.

— Ну, а эдак ты до морковкина заговенья бы стоял, кабы не я. Потому что ее и вправду нету. А ты кто ей такой будешь? Что-то ничего она мне про такого родственника не говорила. Слышь, а может, ты вор, а?

— Не-не, — искренне испугался бомж. — Сроду не воровал. Бомж — это да. Но не вор. Она поэтому меня и позвала.

— Что не вор?

— Не-е, что бомж. Я с ними обеими на вокзале в Тайшете про Бога говорил, она и позвала меня.

— Про Бога? — засомневался Петр. — Ты — про Бога?

— Не веришь? — обиделся мужичок. — На, вот, смотри, у меня ее бумажка с адресом. Сама писала, — он протянул сложенный листок Петру. — Они с молодкой одной в Чуну поехали, а мне велели через неделю-другую сюда прибыть. Вот сегодня поутру с попуткой подфартило, я и добрался. Околел, правда, весь: так ведь в кузове ехал нито. — И с надеждой в голосе: — Так она назад-то не скоро будет, не знаешь?

— Ни сном ни духом. Не доложила.

— Что ж делать-то мне, а дядя? Закоченел ведь я, недолго и дуба дать.

— А что это ты меня все дядей кличешь? — прищурился Петр. — Думаешь, раз борода у меня, то старей тебя? Тебе самому-то сколько?

— Тридцать пятый пошел.

— Чего? — присвистнул Петр. — Не пугаешь? Может, семьдесят пятый? — И дружески похлопал мужичка по плечу: — Да ты не обижайся, шучу. Я тебя на целый пяток постарее. Хотя вид у тебя, как... — он покачал головой, подбирая слово, — как у заморенного арестанта. Прямо скажем, не ахти.

— Это я с устатку да с мороза такой. А так-то я еще ничего, бодрый.

— Так, может, ты еще и добрый? — с иронией продолжал допытывать охотник. Бомж чем-то ему явно нравился. — Собак любишь?

— Любил, — вздохнул тот. — Я собак сызмальства любил. Теперь их остерегаться приходится. Мы же как бы конкуренты с ними. Собак бездомных в Тайшете не меньше, чем бомжей. Но у меня с ними все равно как-то ладно выходит. Не то, что у других.

— Ладно, говоришь? Вот мы сейчас и проверим, — Петр открыл ворота, в которые уже все это время скреблись его лайки, и они, вылетев, так и заластились, запрыгали вокруг него. Бомжа они вроде как и не видели, но он все же невольно отступил пару шагов назад. — Да не дрейфь, — успокоил его Петр, и призвал собак. — А ну-ка, Чернушка, Найда, посмотрите, что за человек такой. По нраву ли вам?

Лайки, чуть присмирив, послушно обошли вокруг мужика, а тот сам присели, сняв рукавицы, безбоязненно погладил обеих. Обнюхав его руки, обе вытянули мордочки к хозяину: дескать, все в порядке, ничего злого.

— Ишь ты, — удовлетворенно хмыкнул Петр, — признали. Не соврал ты, значит. Ну, что ж, к Лизе я тебя пустить не могу, а ко мне — милости просим. Я из тебя, милый ты мой бомж, щас человека буду делать. Наперво в баньку пойдешь, отмоешься, а там видно будет. Я тебе кое-что из барахлишка Николая при-
смотрю. У него много добра осталось, да и ростом был

всего чуть-чуть повыше тебя. Звать-то как? Вон что, тоже Николаем. Нет, со мной не тезка. Меня Петром зовут. Николай — это ее муж был. Ну, пошли, Коля, ко мне. На лыжах ходил когда? Вот и хорошо. Вспомнишь, как это делается. Если захочешь, конечно.

В середине того же дня оба в сопровождении пары лаек ушли на лыжах на заимку Петра.

А наутро новоявленный охотник Николай Смурыгин не смог даже подняться: пятичасовая прогулка на лыжах выбила мужика из жизненной колеи. Он куксился как ребенок, чуть ли не плакал, охал, стонал и жаловался, что света белого не видит. Жизнь охотника, представлявшаяся такой романтической еще вчера, на поверку оказалась тяжелым испытанием. И это еще только начало. А чтобы стать настоящим охотником, придется каждый день вот так ходить на лыжах по тридцать и более километров, как они сделали это вчера. Теперь ему казалось, что больше он и километра не пройдет. Все тело ныло, саднило, ломало, горело.

— А ты как думал, Коля: вышел, пострелял — и с добычей домой вернулся? — посмеивался Петр, подкладывая дрова в печку. — Не-ет, брат, тайга лодырей не любит. Охотника, как и волка, ноги кормят. Ну, и голова, конечно. Голова у тебя есть, это я уже заметил, а ноги натренируешь. Я не тороплю. Да ты не огорчайся. Это здорово, что ты вчерашний путь выдюжил. Не скрою, я этого не ожидал. Думал, раньше сгоришь, и придется нам по пути к Валерке-егерю заворачивать. Да было бы и неудивительно: после отпуска в десять

лет — ведь столько ты бомжуешь, верно? — это почти непосильная нагрузка. Но это ты сам себе такой расклад жизни вчинил — винить тут некого. Да, долгонько тебе бы пришлось восстанавливаться, долгонько, если бы не тайга. Она, брат, через недельку всю твою многолетнюю дурь вышибет. Уж будь спокоен на этот счет. И забегаешь ты у меня, как молодой олень в поисках ягеля. Если завтра не сбежишь, конечно.

— Нет, Петр, не сбегу, — кряхтел на лежанке Николай. — Мне бы выжить только на этот раз. А слово я держу. Я же вон, как Лизу встретил, ни глотка больше в рот не взял. Только мне прежде смерти о Боге поболе бы узнать. Вдруг не выживу? Болит все: и нутро, и тело болит — спасу нет.

— У-у, заладил. Как же ты в Бога, говоришь, веришь, а в то, что выживешь, не веришь? По мне, если Бог с тобой, дак это и значит, что жить будешь. А то зачем же в Него верить?

— Это ты, наверное, прав, Петя. Не буду я больше скулить. Я молиться попробую, как Лиза велела.

— Вот это правильно. Молись. Я ведь тоже другой раз молюсь, как сильно приспичит. Даром, что я неверующий. Когда и помогает, да. В кого-то надо верить, а как же! Только больше на себя надо надеяться. На Бога надейся, а сам не плошай — слышал, небось? Вот так оно и есть в жизни. Ладно, лежи, я с собачками силки проверю и к вечеру буду. Тут на печи найдешь все, что нужно. Твоя двустволка тоже вон рядом с тобой: пугнешь, если россобаха навестит. Повадилась тут одна

особа. Только в нее не пали: она хоть и непрошенная, а гостья. Гостя так не привечают. А денька через два пойдем вместе: я так думаю, что к завтраму оклемаешься.

Вернулся Петр еще засветло и нашел Николая в прекрасном расположении духа. Он даже сварил вермишелевый суп и сидел у печки в ожидании хозяина заимки.

— Никак ожил? — не удержался Петр от восклицания.

— Да не то слово, Петр! Я совсем живой. Слушай, наверное, Бог в тайге особо слышит человек. Я молился, молился — и вдруг такая легкость снизошла... Светлое что-то, Петя. А че ты усмехаешься, не веришь?

— Наоборот, Коля, верю. Думаешь, ты первый такой? От Бога ли это, не от Бога — не мне судить, а только тут в тайге человек другим становится. И не только духом крепчает, но и здоровьем. Тут главное, чтобы после того как на ноги встанешь, на прежнюю дорожку не вернуться. А то почувствует мужик в себе силу — и давай по новой себя водкой гробить. Взять хотя бы наших двух местных бедолаг: Серегу с Андреем. Выхаживал я их однажды, а что толку? Чуть ожили — и снова за свое. Ты как на это?

— Они, наверное, Петя, Бога не просили. А я прошу. Я выдюжу.

— Посмотрим-посмотрим. Что на ноги тебя поставлю, не сомневаюсь. С Богом там или без Бога. Ко мне вон каждый год один друг аж из Москвы ездит, чтобы с недельку здесь, на заимке, пожить, и у него за это время все болезни проходят. Никаких лекарств не надо. А вот дух

в тебе укрепить, так это, пожалуй, только Бог и может. Тут я с тобой согласен. О, да ты и супчик сварил? Ну, брат, такими темпами ты у меня до срока человеком станешь. Я рад за тебя, Коля. Ну, а я сейчас тебя еще и соленой строганинкой угощу: тут кой-какие запасы сохатинки еще есть. Поужинаем — и спать. Завтра я раным-рано к егерю уйду, а тебе Чернушку оставляю. Как проснешься, прихвати ружье и поброди с ней, на сколько сил твоих хватит. Не бойся, заблудиться она тебе не даст. Ну, а если вдруг что непредвиденное — стреляй дуплетом подряд два раза, понял? Вот и славно.

* * *

Такого благословенного утра Николай в своей жизни не мог припомнить. Как и ночи. Ведь впервые за много лет он спал, что называется, как убитый: до самого утра без кошмаров и не вскакивая раз за разом, чтобы холодной водой затушить «пожар души». А выйдя на мороз, ощутил такую свежесть и такой огромный прилив сил, что едва удержался, чтобы не закричать на всю тайгу от такой внезапно влившейся в душу радости. Он не понимал еще, что с ним происходит, но отчетливо ощущал присутствие Бога. Господь ему виделся во всем: и в солнце, еще невидимом, но уже угадывавшемся по припудренному розой горизонту и таким же разбросанным по нему розоватым облакам; и в томных, сизых облаках, пока еще не ставших белоснежными здесь высоко в небе, прямо над головой; и в величественной тайге, обступавшей заимку со всех

сторон. Даже в звонком лае Чернушки почудилась ему дивная ангельская мелодия. Не в силах более сдерживаться, он осел в снег на колени и, словно отстранившись от этого мира, заплакал от переполнявшего его неземного счастья. «Господи, ведь что-то мне уготовил Ты сегодня. Иначе бы откуда мне такая радость!» Рядом с ним, словно учуяв его душевное состояние, заливалась восторженным лаем Чернушка. Она и вернула его в реальность, лизнув прямо в лицо.

— Да, да, Чернушка, — очнулся он и заторопился. — **Щ**ас пойдем, щас.

Подражая Петру, Николай проверил стволы ружья, прицепил на пояс патронгаш и свистнул собачке. — Ну, Чернушка, с Богом! Давай, выводи бомжа на дорогу праведную.

Очень скоро лайка, похоже, поняла, что охотник этот, не в пример хозяину, никудышный: пару раз она облаяла и белок, и на соболя вывела, а он вместо того, чтобы стрелять, только рот раскрывает да по сторонам головой вертит. И потеряла она всякий интерес, только летает по сугробам в свое удовольствие. Николаю же от того, что она перестала лаять, тоже послабление: так умаялся уже мужик, что даже на погодившийся пенек присел отдохнуть. Но подавать команду «домой» почему-то не спешил, будто выжидая чего-то. И вот Чернушка снова залилась лаем откуда-то издалека и, поскольку он не спешил на ее призыв, вернулась к нему и, захватывая зубами рукав фуфайки, всем видом стала звать его за собой.

— Да что зря ходить-то, — посетовал ей Николай. — Все равно не вижу, кого ты там выслеживаешь. Лаешь-лаешь, а толку?

Но она не отставала, и он нехотя подчинился. Неожиданно они из густой чащи вышли к лесной дороге, и лайка, перебежав ее, остановилась под высоченными по склону соснами. Тут она быстро заработала лапами, разгребая снег, потом уже наполовину скрывшись в ямке, подняла голову и завывала. У Николая захолонуло сердце в тоскливом предчувствии. Он подъехал, снял лыжи и ружье, отстранил Чернушку и сразу провалившись по колено, начал лихорадочно отгрести снег и углублять яму. Стоя уже по пояс в снегу наткнулся на мужской трюх, машинально поддел его рукой, и, как ошпаренный, вылетел наверх: под шапкой он увидел лицо человека. Задом, задом, увязая в снегу, пятясь и крестясь, он добрался до ружья. Долго возился с затвором непослушными руками, наконец кое-как совладал и выстрелил дуплетом. Тут же перезарядил и пальнул второй раз. Опершись на лыжи, он потянулся, чтобы встать, и к своему ужасу почувствовал, что не может: ноги не слушались. Сделал еще попытку, еще... Дергался, пока не понял, что ноги отнялись. И тотчас им овладело чувство отчаяния и безысходности. Не за сиюминутную ситуацию — за будущее. Пропал теперь! Кому нужен божж да еще и без ног?

— Чернушка, — взмолился он, — иди за Петром. Беги, милая, быстрее!

Она с лаем тут же сорвалась с места.

Стараясь не глядеть в сторону мертвеца, Николай отполз к дороге, притулился к поваленной осине и закрыл глаза. Времени у него было предостаточно, чтобы поразмыслить над непредсказуемостью бытия. Только что он был на вершине восторга, ощущая себя способным свернуть горы, и вот он уже снова никчемный, да еще и парализованный бомж. Как же понять все это, Господи? Ведь он еще не успел нарадоваться жизни новой, а уже — назад? Может быть, Ты что-то хочешь сказать этим? Может быть, если молиться, то и откроется истина...

И как только он подумал об этом, снова почувствовал то умирание в душе, что было утром. Нет, подняться он так и не смог, но ушли из души страх и боязнь за будущее. Господь не оставит его Своей милостью! Так в забытьи он и пролежал до прибытия Петра с Валерием. Долгим это ему не показалось, хотя их не было часа два. Не медля ни минуты, они откопали тело, убедились, что это не их земляк, и потом занялись Николаем.

— Слушай, Коля, — сказал Петр, укладывая его на срубленные ветви. — Похоже, ты оказал неоценимую услугу следствию. Да шут с ним, с этим следствием: ты просто спас Лизу, понял? Это ведь тот мужик, в которого она стреляла. Ну, о ком я тебе рассказывал. Я у него крестик Николая, мужа ее, нашел. Так что сомнений теперь нет, что Лиза правду говорила. А значит, и Фелька от нее отстанет. В общем, ты молодец. Теперь и я готов поверить, что Бог не зря тебя мне послал. У Бога, знать, все было в Его плане предусмотрено.

Только вот зачем тогда Он тебя обезножил? Ну, это ничего: Валера тебя сейчас на волокуше на заимку утащит. Полежишь, подождешь меня там. Это у тебя нервное. Валера подлечит. А я в село — к следователю. Пусть сам приезжает и разбирается. Я к этому люду особой любви и доверия не испытываю.

* * *

Ягилев весь тот день пребывал в растерянности, если не сказать — в шоке. И привел его в это состояние не кто иной, как друг и соперник Максим Гармошка. Утром позвонил и сообщил о поимке Князя. Да и пусть бы ловил, Феликсу бы от этого ни холодно, ни жарко. Но вот от показаний этого рецидивиста, которые он дал Макс, с ним приключилось и то, и другое. То есть, бросало Феликса и в жар, и в озноб. Выходило, что Гребенюка зарубил брат Лизы, а его, в свою очередь, пристрелила она. И ведь надо же: Лиза Гребенюк как там и была! Будто поджидала в Чуне, когда изловят того главаря. И на опознании у Гармошки сразу ткнула пальцем в фотографию Славки-кабана. А что в тот вечер не признала его, то, дескать, не до рассматривания было. Да и изменился, мол, братишка, до неузнаваемости. Тут Макс сам подтверждал, что так оно и есть: при сравнении фотографий до отсидки и теперешних — это как два разных человека. Ну, так ведь чуть ли не десять лет! И главный вывод Гармошки: Колотов тут ни при чем, дело на него надо закрывать. А для подтверждения показаний Князя надо искать труп Кабана. Сам Князь

толком указать место не может, но где-то в тридцати километрах от села по дороге на север.

В общем, все выстроенные задумки Феликса могли лопнуть, как мыльный пузырь. Немного обдумав ситуацию, он не нашел ничего лучше, как позвонить Эрбесу. Что, мол, делать прикажете?

— Знаю, слышал, — коротко оборвал его майор. — Сам виноват, что тянул резину. Теперь выкручивайся. Кстати, у тебя есть отличный шанс: найти труп Кабана. И улики против него. Дальше — мое дело.

— Улики я только что нашел, — радостно соврал Феликс. — Еще раз обыскал квартиру Колотова и обнаружил окровавленную заточку. Я...

— Ну, я же говорил, что ты молодец, — нетерпеливо похвалил майор. — Быстро отдай на экспертизу: совпадет с кровью Колотова — считай, что ты снова на коне. Главное — ищи труп. Все! Удачи!

Легко сказать — ищи! А где? Придется гнать в Чуну, чтобы самому допросить этого Князя. А вообще-то майор хоро-ош. Сам же заставил подгонять все улики под одного, а теперь будто и ни при чем. А ведь он, Фелька, сомнения-то высказывал. Да еще как высказывал. Он, можно сказать, сразу после признания тех алкашей догадался, что Колотов — сам жертва. Ну, да кому теперь это докажешь. Хорошо, хоть дает майор шанс наверстать упущенное. А для этого надо ехать в Чуну. Ах, ты, как же все повернулось-то нескладно...

Вот тут к нему и явился Баскаков и молча выложил на стол золотой крестик Гребенюка на цепочке. Ягилев

хорошо знал, кому принадлежит сей предмет украшения, и выжидательно посмотрел на Петра.

— Узнаешь? — только и спросил тот.

— Ну. И что?

— А то. Мне только что его презентовал один мужик.

— И что? Сказал, чтобы ты продал его мне?

— Не продал — показал. Хочу, чтобы и ты посмотрел на того мужика. Тебе будет интересно. — Петр явно не торопился с новостью.

— Да на кой ляд мне твой мужик сдался! Говори толком, что ты хочешь. Сам-то ты узнал, откуда у него крестик Гребенюка?

— А вот это ты у него и спросишь. Правда, он вряд ли и тебе ответит.

— Это почему еще — не ответит?

— Потому что он — труп. Убитый Лизкой тот бандюга, который Николая грохнул, понял? Вместо которого ты Колотова хочешь упрятать. — Петр не сводил с Феликса тяжелого взгляда. И сильно озадачился, увидев как просиял лейтенант: — Ты-ы чего это, Фелька, не с дуба ли рухнул?

А тот при тех словах прямо пулей выскочил из-за стола.

— Да ты что, Петр Ефимыч! Да ты присаживайся, что стоять-то. Ах, ты новость-то как к месту. Да я против твоего Колотова ничего не имею. Ни против Лизки. Да я... как раз тут новые обстоятельства открылись... Да я... Где труп-то, Петя, то есть, Петр Ефимыч? Да я...

Никогда еще в жизни не был Баскаков так почитаем милицией, как в тот день. От обуявшей радости Ягилев готов был его расцеловать, и не знал куда усадить. Вскоре они, прихватив с собой одного сотрудника, уже мчались в милицейском «бобике» в тайгу.

Неправедная история близилась к своему концу.

Послесловие

— Евдокия, там какое-то письмо пришло, — позвал Савва жену с огорода. — Я адреса не разберу, больно мелко написано. Казенное, вроде. Ты иди, посмотри, а я прополю, что осталось. — И махнул рукой в сторону дома: — Там оно, там, на столе лежит.

— Да от кого это может быть, как не из сельсовета. Больше-то нам писать некому, — вздохнула Дуся. — Раз казенное, так, поди, опять с оплатой за воду, будь она неладна. Сами напутают, а ты за них расхлебывай. — Она еще что-то проворчала, вытерла руки о фартук и пошла в горницу. Взяв со стола конверт, повертела его перед собой. — Гляди-ка, да оно вовсе и не казенное. Совсем у мужа глаза оплошали. Батюшки, аж из Иркутской области. Чуна какая-то. От кого бы это? Хло-па-ков.

— Евдокия осторожно надорвала конверт и тут же захватилась рукой за грудь: еще не прочитала, но увидела вверху на листочке нарисованного голубя с веточкой в клювике. Выпал листочек из рук, подкосились ноги и, она держась за стол, так и села на табуретку. Геры это голубок; такого он любил рисовать в детстве. И почерк — красивый, убористый почерк — тоже его.

Гера! Сынок! И бросилась обратно к дверям:

— Саввушка, Савва! Иди скорее!

И снова к столу, и уже не выпустила письма из рук.

— Что ты, что? — запыхался от быстрой ходьбы Савва. И мгновенно догадался по растерянно-блаженной улыбке жены, прижимавшей письмо к груди. — От Геры? — И раздельно каждое слово: — Да ты что-о!

Она только молча кивает головой, а он, получив подтверждение, подошел, склонился и обнял ее. Савва хоть и старше жены на добрый десяток лет, а держится еще молодцом. Ей со своими болячками далеко до него, и он как может оберегает ее от лишних хлопот. Вот только последнее время одышка у мужика появилась — так ведь за семьдесят уже. Но он и тут не унывает: уверен, что это временно.

— Значит, живой, — в раздумье говорит Савва в пространство. — Столько лет... А сколько же это, Дуся? Пятнадцать? Бо-ольше, однако! Да, летит время. Ну, давай, читай, что пишет. Аль не можешь?

Дрожат пальцы у матери, слезы застыли глаза так, что разобрать слова невозможно: пляшут буквы, сливаясь в одну сплошную линию.

— Ну-ну, успокойся. Жалко, сам не прочитаю. А может, позвать кого?

— Нет-нет, — энергично замотала головой Евдокия, — не надо. Сама я. Вроде как получше стало.

— Ты про себя, про себя сначала прочти, а уж потом вслух, — советует Савва. — Так складнее потом будет. — Он внимательно следит за ней, и по выражению ее лица догадывается обо всем, что она читает.

— Саввушка, он просит тебя простить его, — отрывается она от письма. Если, говорит, ты... — она запнулась.

— Если я еще живой, — подсказывает он. — А я живой, живой. — И в полной уверенности утверждает: — Значит, покаялся сын. К Богу пришел!

Он не говорит «твой сын», просто — сын.

— Покаялся, — в ее увлажненных слезами голубых глазах сияет небо, морщинки на лице разгладились, и от этого все лицо светится неземным блаженством. — В доме вот этого человека, Хлопакова Бориса, покаялся. Это его адрес на конверте.

Она снова принимается за письмо, и вскоре счастливая улыбка медленно сползает с ее лица, уступив место тревоге.

— Что, что там? — настораживается муж.

— Савва, он сразу после покаяния в тюрьму вернулся. Гера в бегах был. Оставался год, а он убежал. Зачем?

— Зачем убежал — это он сам понял, Дуся. Чтобы открылись наконец глаза и увидел, в каком болоте находится. Он и увидел, стало быть, раз постарался выбраться из него. Помнишь, как блудный сын ушел от отца, а потом вернулся, помнишь? Вот так и Гера возвратился к Богу. Мы все когда-то к Нему возвращаемся, потому что другого-то пути и нету. Другой — он и не путь вовсе, а путевка. В погибель. И приобрести ее, в отличие от Божьего пути, легче легкого. Это славно, что он покаялся.

— Это да, Саввушка, это да. Но теперь сидеть еще три года. Дождусь ли? — И тут же поправляется: — Дождемся ли?

— Раз письма дождались — дождемся и его. Что там дальше?

— Ой, да тут еще что-то приписано. Кто же это? — Евдокия хмурит брови, с трудом разбирая незнакомый

почерк. Потом догадывается. — А-а, это уже сам Хлопачков пишет. — И снова засветилась радостью и, затаив дыхание, прижимает письмо к груди.

— Ну? — не выдерживает Савва. — Что там?

— Он говорит, что их в тюрьме крестить разрешили, и крещение покаявшимся предаст Иван Колотов. Он, дескать, Гере как родной человек. Еще говорит, что мне свидание разрешили. Помолимся, Савва, поблагодарим Господа за милость Его, за столь желанное известие.

В тихом благоговении оба встают на колени и шепчут молитву Богу. А закончив молиться, долго еще стоят, приклонившись друг ко другу в счастливом умиротворении.

— Прости меня, Господи, что отчаялась уже ждать этого благословенного дня.

— Благодарю Тебя, Господи, за долготерпение к нам, маловерным, — вторит Савва. — Ни одно Твое слово не бывает тщетным.

— Тик-так, все-так, — в тишине выстукивают настенные ходики. Кажется, даже их мерный тик согласуется с духовным смирением хозяев.

— На свидание одна поедешь? — спрашивает, наконец, Савва. Он, конечно, знает ответ, но все же спрашивает.

— Да куда же я без тебя поеду, Савва? В молодости одна никуда не ездила, а теперь и вовсе в трех соснах заблужусь. Только вместе. У этого вот Хлопачкова и остановимся; он приглашает. У него, говорит, и доступ

в тюрьму есть. Гера же через него письмо переслал. Значит, и на свидание, то есть, на крещение, обоих проведет. А успеет ли? — спохватывается она и сверяется с датой крещения. — Батюшки, одна неделя только и осталась.

— Успеет, — заверил он. — Ты оставайся, Дуся, а я в город. На вокзал за билетами. Заодно своих оповещу, чтобы сестры во Христе за домом присмотрели. Не на один ведь день уезжаем.

Наш Небесный Отец ждет покаяния Своих блудных сыновей, коими мы все и являемся: «Все согрешили и лишены славы Божией!» И один раньше, другой позже, но все мы начинаем тосковать о Боге, хоть и не отдаем себе в том отчета. Мы не отдаем. Но это ведомо нашей душе, ибо она, душа человека, знает, где ее настоящая, предвечная родина, и не перестает тосковать о Боге и об утерянном когда-то рае. Она помнит все, что было с ней от начала веков. За это ей и должен быть благодарен человек.

И когда он тоскует о счастье,
Он тоскует о рае и Боге.
И если бы не было Бога,
Он не знал бы, к чему стремиться.

(Вера Кушнир)

Вот и еще одну отбившуюся от стада овцу отыскал Господь и привел в Свой дом. Неисповедимы пути Господни.

Шайны Салаифа

От автора

Года три назад гость нашей церкви из Украины в своей проповеди о послушании и доверии Богу привел необычайно яркий пример из жизни Генри Сузо, потрясающий одновременно своим трагизмом и оптимизмом. Речь шла о том, как в течение очень длительного времени этот человек в полном смирении сносил тяжкие обвинения в грехе, которого он не совершал. Выражаясь современным языком, его просто «подставили». Но отвергнутый всеми, в том числе и церковью, он не оправдывался, а все свое упование возложил на Бога и терпеливо ждал. И еще он неустанно молился. Прошло двенадцать лет, прежде чем самой жизнью с него были сняты все обвинения.

— У моего деда почти так же вот в жизни случилось, — грустно сказал мне мой попутчик, когда мы уже возвращались из церкви домой. — Не те, конечно, обстоятельства, но похоже тем, что лет десять вот так же просил Бога, чтобы оправдал его. Зайду, бывало, к нему, а он стоит на коленях и плачет. Мне тогда только шесть лет было, но понимал уже, что деда моего обижают неправильно. Хорошим он был и очень добрым. Меня и называли-то в его честь. Он в жизни никому не сделал зла, а тут — обвинение в таком грехе...

— Расскажи, Юрген*, — попросил я.

Он не только рассказал. Но еще и как мог изложил это на бумаге. Мне же ничего не оставалось делать, как переписать и предложить вашему вниманию, дорогие читатели.

Виталий Полозов

* Имена изменены.

Часть первая

— Раз-два, взяли, — громко и размеренно командовал бригадир Иван Фогт, и укладчики ломами подвигали рельсовый прогон к краю шпал. — И еще чуть па-аднажали. Эй, там, внизу, поберегись, — спокойно продолжал он, но уже через секунду крикнул истошно, в страхе отчаянном: — Берегись!

Шедший понизу вдоль крутой насыпи Юрген Берг обернулся на крик и увидел, как «сыгравший» со шпал укладываемый рельс вывернулся — не подстраховали мужики с противоположной стороны — и, тяжело переворачиваясь, устремился вниз. Там спиной к полотну сидел на корточках самый юный трудармееец, совсем еще пацан, Коля Шмидт. Был он немного туговат на ухо, крика не расслышал и, ничего не подозревая, продолжал сортировать только что привезенные детали. В один прыжок Юрген достиг мальчишку и отшвырнул от насыпи, но сам отпрыгнуть не успел: достал его рельс, и со всего маху придавил левую ногу. Только и вскрикнул он от дикой боли, а дальше все как в тумане.

Освободили его укладчики из-под рельса, оттащили к небольшому ручью, что тихо-мирно журчал в перелеске за стройплощадкой, да там и оставили до прихода «скорой помощи». Это значит, какая оказия первая на участке появится, с той и убудет в лазарет. Понятно, что и сами посильную помощь оказали: компресс из ваты с холодной ключевой водой на ступню, да подорожником голень обложили. Ну, и повздыхали, посочувствовали для виду, но не сказать, чтобы так уж сильно. Эка невидаль — ногу раздавило! Дело это обыденное: тут вон по всей зоне на день пять-шесть душ на тот свет отправляются, и никому до этого дела нет.

Вроде так оно и надо. Да и виноват-то, дескать, мужик сам: на кой ляд ему тот мальчишка был нужен, если он не сегодня-завтра все равно отойдет в мир иной. Его вон уж ветром качает от голода. Правда, от этого самого голода качало не только его, но этот парень совсем высох и, похоже, сам смирился с такой мыслью. Увидел бригадир, что Юрген ищет его глазами, усмехнулся криво:

— Не ищи пацана, он от страха в лес удрал. Так вчистил, что только ай да ну. Откуда и силы взялись. Эх, жалко, Август ваш уже уехал, теперь жди с моря погоды. Только и надежда, что к соседям какая машина придет. — Потом, слегка отжав вату, снова приложил ее поверх ступни, и озаботился: — А ноге-то твоей, Юра, кажись, капут пришел. Вон как вспухла вся. И синееет все больше. — И как ни ужасно выглядела она, и сам Юрген едва-едва в сознании, все же не удержался, чтобы не подковырнуть:

— Ну, так как же это Господь-то твой тебя тут не уберет? Ты же все толмишь, что Бог спасает, а Он тебя же самого за шкирку и под рельсу, а? Нескладуха получается. Что скажешь на это? — Иглядит победно: вроде как радостно человеку, что уличил в чем-то страдальца.

Пересилил боль Юрген, даже улыбнуться попробовал.

— Значит, так угодно было Богу, — прошелестел пересохшими губами. — Вы только парня не ругайте. Стало быть, выживет он теперь, раз Бог за него вступился.

— Тьфу ты, как это у тебя ловко получается, — осерчал Иван. — Все в одной поре: и так хорошо, и эдак не плохо. Хоть кол на голове теши — он все свое. Да нету никакого Бога, не-ту, понял? — Потом чуть подумал и сплюнул зло: — А хоть бы и был, то не про нас Он тут. Пошли, мужики, работа стоит. Чего зря время терять, раз помочь все равно не можем. Такая уж наша доля: сегодня его угораздило, завтра кого-то другого придавит. — И пошел, продолжая бубнить: — Есть Бог или нет, а придавит — и все тут!

Вот таким немудреным образом мужики и сами успокоились, и Юргена «успокоили», оставив одного на поляне. Но не успел бригадир подняться на насыпь, как увидел вынырнувшую из леса полуторку.

— Смотри-ка ты, Август вернулся! — удивленно воскликнул Фогт. — Поди забыл чего-то. Ну, если так, то это куда как вовремя забыл. — И ходко зашагал назад к поляне, призывно махая рукой: — Давай, давай, вон туда.

И только тут разглядел сидящего в кабине с шофером Кольку.

— Вот те раз! — одобрительно крикнул он. — Вот так оголец! Я думал, он испужался, а он сообразил машину перехватить. Ну, это он молодец. — И вдруг остановился в оторопи от догадки. Дорога-то в город от площадки давала большой круг, огибая по верху огромный глубокий распадок, и успеть добежать по прямой через него, чтобы перехватить машину, нужно быть по меньшей мере спортсменом. И уж никак не таким доходягой, как Шмидт. И бормочет изумленно бригадир: — Да откуда ж силы-то взялись, если еле-еле ноги таскает?! У него что — крылья выросли?

А Колька с Августом уже поднесли Юргена к машине, и в глазах паренька слезы.

— Из-за меня это все, дядь Юра, — бормочет он походя. — Из-за меня.

— Не винись, Коля, Бог даст, переживем. На все воля Божья, — только и отвечал тот.

* * *

А ведь еще с утра все так ладно вышло у Берга со своим молодым земляком. Были они из одного южно-казахстанского села, хотя прибыли туда в разное время и из разных мест: Юрген с Волги, а Коля с Кавказа. В отличие от других Берг никогда не подтрунивал над физическим недостатком парня, напротив: всегда относился к нему с отеческой заботой. Нет-нет, да и подкармливал его, хотя и самому-то не всегда хватало пайки.

Но будучи мастером на все руки, он часто выполнял кое-какие заказы конвоиров, да и начальства повыше: сапоги ли, валенки ли починить, а то и шапку сшить из принесенных шкурок, и получал за это продуктами, как плату за труд. Тогда и делился с парнем, и тот, конечно, был ему безмерно благодарен. Только вот насчет этой самой благодарности выходило у них разное мнение. Они и по другим-то вопросам часто расходились, а уж когда речь заходила о Боге, то тут вполне грамотный молодой человек, бывало, даже подтрунивал над старшим товарищем. Не злобно, конечно, но довольно снисходительно пытался «перековать» верующего.

— Ты не меня, Коля, благодари, а Бога, что дает нам эту возможность заработать на хлеб насущный, — попытался втолковать ему как-то Юрген.

Вот тут-то Николай и не понял, причем вполне искренне, почему надо благодарить кого-то, а не самого Берга. И это самое и высказал. Надо отдать должное, в словах его был какой-то резон: дескать, если бы даже Бог и дал тебе это дело, то заработал-то ты сам своими руками. А как не был бы ты таким умельцем? Так что, мол, дядя Юра, все от человека зависит. Причем же здесь Бог?

— Так, а умение-то у человека откуда берется? — прищурился Берг.

— От природы, — грустно вздохнул Коля. — По наследству переходит.

— Ну, а наследство откуда? От обезьяны? Вот ты мне все про них толкуешь, а сам ты когда-нибудь хотя

бы слышал — я уж не говорю, что видел! — о макаке, которая умела бы шить или, скажем, просто подметать двор? Вот если покажешь мне такую, то я поверю, что произошел от нее.

Коля смутился. В душе он уже во многом соглашался с этим верующим, и их беседы не проходили для него даром. Он и сам уже заметил, что все чаще невольно обращается к стихам из Библии, цитирует их и как бы примеряет на себя. Но обратиться к Богу упорно отказывался. Ну, как же! Куда девать тогда теорию эволюции? Над ней ведь корпели такие ученые люди, а тут простой, малограмотный верующий не оставляет камня на камне от их учения. Но не так-то просто отказать от того, что тебе вдалбливали в течение почти десяти лет в школе. Сын двух педагогов (отец был даже одно время директором сельской школы) учился он очень хорошо по всем предметам. Правда, после того, как родители один за другим в течение года, — а был это приснопамятный тридцать седьмой, — покинули этот бренный мир, об учебе он больше не помышлял. Какая учеба может быть сыну врагов народа; тут бы прокормиться как-то. Но председатель колхоза нашел в себе мужество отправить способного паренька на учебу в город за казенный счет. И даже помощь ему выхлопотал. Ну, много, не много, но того пособия Коле хватало, чтобы свести концы с концами. И если бы не война — пошел бы учиться дальше. Но всех немцев отправляли в тыл, попал и он в Казахстан, где встретился с семьей своего дядьки Петра Феля, который давно уже здесь жил.

И жил довольно неплохо: хороший дом с огородом, да и живность имелась. На целый месяц приютил его дядька, потом пришлось уйти. Шибко строгий был Петр, а чуть не по его — мог и руку приложить. И однажды так приложился, что паренек после такой оплеухи оглох на одно ухо. Тут же собрал он свои манатки и ушел в землянку к такому же, как и сам, одинокому человеку, своему однофамильцу, старому Курту. За ним нужен был уход, а Коле нужен был угол, вот и ужились два одиночества. Хоть и недолго, но жили душа в душу. Потом пути их разошлись: Курт тихонько, как и жил, отошел в мир иной, а Коля — в трудармию. Со временем слух немного выправился, но боли, этакie прострельные, нет-нет да и напоминали ему о тяжелой руке родного дядьки. А по прибытии в зону увидел Петра воочию, и не сказать, чтобы сильно обрадовался. Чего не скажешь о другом его земляке, Юргене Берге, которого он встретил если не с восторгом, то уж с радостью — это точно. Оба они уже около года находились в трудармии.

Теперь, по прошествии времени, Коля хирел прямо на глазах, и, наверное, знал, что скоро умрет. Он и так-то был из хлюпиков, то есть слабосильных, но особенно сдал после того, как трое мужиков из шахты, в том числе и Фель, не выдержав голода, наелись породы. Двое из них в ужасных мучениях умерли через сутки, а Петр каким-то чудом выжил, но ему нужно было стационарное лечение. А кто озаботится предоставить такое трудармейцу? В этом смысле даже заключенные в соседних лагерях имели больше прав; да у них

и с медициной было получше. Выжившему же Петру, наоборот, срезали пайку за то, что не стал выполнять норму. Хотя какая там норма, если он едва переставлял ноги, и всем было ясно, что предстояла ему смерть в рассрочку. Перевели Петра в «босую команду», вроде как на легкий труд, но и это оказалось ему не по силам. На Колю это действовало угнетающе; забыв обиду, он приходил иногда к дядьке, и вместе они представляли собой печальное зрелище. Однако, как ни подбадривал их Юрген, как ни уговаривал просить милости у Бога — ни тот, ни другой не внимали его просьбам. Намного ближе им был другой постулат; тот, который озвучивал бригадир в каждом споре с Бергом: «Если и есть Бог на свете, то не про нас Он тут!» В общем, угасал Петр медленно, но верно. А дня три назад был в зоне врач, осматривал его и вроде как пообещал положить в поселковую больницу, да только воз и ныне там. Может, и забыл о своем обещании. А может быть, лекарств нужных нет. Так ведь немудрено: если каждого больного лечить, то лечить придется всех трудармейцев. Да разве ж на всех лекарств напасешься? И где их взять в этой глухомани? В общем, ничего страшного не случится, если и подождет мужик. Вот только Петр в этом ожидании совсем плох стал: тает с каждым днем затеплившаяся было надежда на выздоровление.

Но так у Петра здесь в трудармии было не всегда. По первости-то жил он вовсе неплохо. Ну, это по меркам зоны, неплохо. Был у него небольшой такой ящичек-разноска с первоклассным столярным инструментом —

одно-единственное по всей его жизни богатство, которым он всегда неплохо зарабатывал на жизнь и которое он привез с собой. А уж столяр-то он был соответствующий. Так поначалу у него недостатка в побочном заработке не было: всему, считай, командному составу, проживающему в поселке, услуги оказывал: где двери подогнать, где рамы подправить, где что подтесать, подстрогать — и за все хлебушком в качестве заработка, а где и денежкой. И неплохой такой денежкой. Это уже помимо служебных помещений, которые он также ремонтировал от случая к случаю. Он даже домой написал однажды, что скопит здесь кругленькую сумму и вышлет семье для поддержки. Но вот очередное начальство (а менялось оно довольно часто) посчитало всякое там облагораживание помещений излишней роскошью, и ликвидировали его блатную должность. В общем, как говорили в зоне, «кончилась лафа». А с ней и столь нужный организму добавочный паек. Больше того, отправили Петра на работу в шахту, куда он по своему здоровью явно не подходил; с виду дюжий и сильный, был он с какой-то внутренней червоточинкой — физически очень быстро выдыхался. Вот строгать-тесать — это он мог работать часами, не уставая. Он бы даже на лесоповале дольше выдюжил, да кому это интересно знать. И занемог он с первых же дней. Само собой, стали убывать и припасенные денежки; убывать с катастрофической скоростью — попробуй-ка докупись в магазине, где булка хлеба — чуть ли не месячная зарплата трудармейца! Ясно, что вскоре их совсем не осталось. А поскольку в

благоприятное свое время никогда ни с кем не делился избытком хлеба (что само по себе не считалось зазорным, наоборот, так поступало большинство), то и к нему никто не поспешил ни с подмогой, ни даже с советами. «Своя рубашка ближе к телу» — принцип, которому он следовал, вернулся к нему бумерангом. Никто, кроме его племянника Коли, которому справедливости ради сказать, он раза два выделил от щедрот своих, даже не обращал внимания на то, что недавно вполне себе жизнеспособный трудяга чахнет на глазах. Да вот, пожалуй, еще Берг предлагал помощь. Но Петр, имеющий кой-какое образование, всегда относился к нему свысока, не мог терпеть его рассуждений о Боге и встречал его заранее чуточку настороже. Бывало так, что взвивался при одном упоминании о Боге, и разговор на этом заканчивался. Тем не менее, оставались они, ну, если не друзьями, то земляками — этого уж не отнимешь.

У него был один выход, который не раз предлагали те самые осевшие в поселке военные: выгодно продать инструмент, и на деньги худо-бедно прокормиться довольно значительное время. Деньги действительно предлагались хорошие, но Петр об этом даже и слушать не хотел. Вот так и угасал он и постоянно просил племянника Колю не забыть сообщить в случае смерти его жене. И каждый раз, заручившись тем обещанием, просил обязательно сохранить и передать ей сундучок со столярным инструментом. Это, повторимся, было его заветное богатство, которому теперь не нашлось применения, но которое он хранил, как зеницу ока.

Он хотел, чтобы его малолетние сыновья — старшему, Пете, двенадцать — имели достойный инструмент. Они, по его глубокому убеждению, обязательно будут столярами, как и он!

Тут даже Коля не выдержал, и стал умолять его продать все эти стамески, долота, коловороты, чтобы выжить. Когда, мол, твои дети подрастут, так ты, смотришь, уже и на новый инструмент заработаешь. Война-то не навечно, мол.

Сказал и пожалел тут же. Потому что сник, осунулся Петр от этих его слов. И только головой покачал горестно: дескать, не понять тебе, Коля, что инструменту этому цены нет. Что даже подобного такого нету.

Сильно переживал Коля этот его отказ. Огорчился, узнав об этом и Юрген. И как сегодня подгадало ехать в город за метизами (костыли, болты, гайки, прокладки — то есть, все для крепления рельс), то попросил он парня себе в помощь вместо другого мужика: дескать, тут-то на укладке рельс Колька уже вряд ли к чему годный, а подсобить на складе в погрузке вполне сгодится. Бригадир и рад-радешенек: нужного человека оставить здесь, а негодного спровадить — о, да это же куда с добром! Хоть и знает он, что грузить Юрген будет один (какой там из парня помощник!), но там — это его личное дело. Не бригадирово. Как погрузит, так и погрузит. Чай, не надорвется: мужик он хоть с виду и хлипкий, но дюжий, и ящики по семьдесят килограммов ему не впервой грузить. В общем, довольны остались все. Фогт — что избавился хотя бы на день от немощного

парня, сам парень — что впервые выберется с участка и проедется на машине в город, а Юрген радовался возможности поговорить с Колей более обстоятельно.

После неимоверной тряски по ухабам стройплощадки полупортка нырнула в лес и пошла мягко, лишь изредка плавно покачивая бортами, а крепкий, настоявшийся на лесных запахах озон привнес в душу паренька какое-то давно забытое ощущение умиротворенности. Ах, как давно ему не было так покойно! И Юрген, увидев его настроение, не поспешил с разговором, а дал возможность прочувствовать это единение с природой: в одну сторону до складов около тридцати километров по Салаирскому кряжу, так что времени на разговоры еще хватит с лихвой. А то ведь парень за год пребывания в трудармии, кроме производственного участка и барачков в зоне, ничего не видел. Тут же сама величественная природа Салаира располагала к откровенной беседе: в июньском лесу воздух прогрелся и не таил в себе той привычной затхлости, что бывает по весне и после нудных, долгоиграющих дождей осенью. Наоборот, в нем веяло бодрящим пряным запахом хвои, а дурманящий дух черемухи и разнотравья, к коим примешивался особый, тонкий, едва уловимый скипидарный настой лиственницы, буквально разрывал грудь — не дышишь! В то же время постоянные спуски и затяжные подъемы давали возможность насладиться красотой вековых деревьев. На подъемах, когда высоченные сосны и степенные вальжжные кедры располагались почти перпендикулярно к машине, а их верхушки взмывали в

невообразимую высь, казалось, что там, на горизонте, они, подперев небо, ограничили и замкнули его. Но вот машина забиралась на вершину склона и оттуда открывалась еще более прекрасная панорама: солнце заливало своим ярким сиянием очередной распадок, и лес там внизу был подернут загадочной голубоватой дымкой. Тишина такая, что кажется слышно, как шепчутся придорожные бледно-зеленые листья берез. И даже монотонное гудение мотора органично вписывалось в этот величавый и томный покой. Вот, наконец, машина пошла по равнине и, миновав пустошь (с травостоем в рост человека!), снова скрылась в дремучем лесу. Дремучем, уже из-за преобладания пихты, ели и осины, предвестников черневой тайги в горной Шории. Невысокое, еще дополуденное солнце, мельтешась сквозь кроны деревьев, слепило глаза яркими бликами, а внизу тяжелые ветви, скользнув по кабине, с шумом проносились над головой и долго еще, словно прощаясь, покачивались вслед.

Просвет удаляющейся дороги все более сужался, а вскоре и вовсе сомкнулся; и вот уже только лес стеной позади и небо вверху. Одно пронзительно синее небо с удивительно нежными, белыми прядями облаков, которые то сбирались воедино и образовывали одно большое кружевное поле, то вновь рвались от легкого ветерка, являя глазу лучезарные бездонные колодцы. Потом эти небесные колодцы отвоевывали все большее пространство, затягивая и поглощая в себя облака, и те, растаяв, исчезали вовсе. Уходили в небытие, как будто

и не было их. Во всем этом Коля почувствовал грусть расставания. С кем? Или с чем? Ему очень хотелось жить. Ему так хотелось принять сторону Юргена и поверить, что Бог может сотворить чудо. Но правда жизни была такова, что поверить в это было невозможно. Правда, как ему казалось, была в том, что он уже недолго протянет. Может, не дольше, чем его дядя Петр. Но, Боже, как же хотелось жить! Как не хотелось даже думать о смерти!

* * *

Юрген достал из-за пазухи полбулки ржаного хлеба — очередная плата за ремонт сапог вольнонаемному прорабу участка Прохору Дмитричу Лобову (аккурат следовавшему сегодня с ними, только в кабине) — и, разломив, протянул половину Николаю. И тоска, преследовавшая парня все последнее время вырвалась в вопросе к нему. Он интуитивно чувствовал, что сегодня найдет ответ у старшего товарища.

— Дядь Юра, почему ты помогаешь мне, когда тебе самому очень тяжело? Почему отдаешь свой последний кусок? Я ведь тебе никто.

— Как же никто, если мы с тобой люди, Коля. Ты — мой ближний. Да еще и земляк — не забыл? Ну, а в этом куске ты больше нуждаешься, чем я. И я не отдаю, а делюсь. Делюсь потому, что это заповедовал Сам Бог. А Он велит так: «Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого — одень его, и от единокровного твоего не укрывайся». Ты когда-ни-

будь слышал эти слова? Нет? Так вот, Коля, я ничего особенного не делаю. Я просто следую Его заповедям. И ты бы нисколько не удивлялся, если бы знал, какое это мне приносит счастье.

— Счастье? — эхом откликнулся Коля. В его голосе и взгляде сомнение.

— Да, Коля, счастье. «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов». Так учит нас Библия.

— Отдать свое другому, остаться ни с чем — это ты называешь счастьем? Фогт, да и не только он, почти все наши называют это по-другому.

— Придурью? — усмехнулся Берг. — Ну, да, я для них недоумок. Как Вовка Бош из «босой команды». Им кажется, что так поступают только от небольшого ума. И все же это счастье, Коля. Потому что это служение Богу. Господь каждому человеку оставляет право поступать согласно своей воле. Но пересилить себя на добрые дела могут не все. Потому что живут по принципу: своя рубашка ближе к телу. И я их не осуждаю, а жалею: они не думают о вечности. А ведь там каждый из нас будет держать ответ перед Богом. И только за себя. Жизнь не заканчивается смертью здесь, на земле.

— Это религиозная пропаганда, дядь Юра, — слабо возразил Коля. — Никакой вечности нет! Будь ты человек или обезьяна, а помрешь — зароят в землю, и вся недолга. Со смертью все кончится. Ну, и какая тогда мне разница, где будут гнить мои кости?

Юрген внимательно посмотрел на парня.

— Я, Коля, не силен в учениях, но сильно подозреваю, что все людское неверие идет от того твоего мужика, про которого ты все поминаешь. По-моему, только он один и умудрился произойти от обезьяны. Другие же подлаживаются под него, чтобы легче было морочить людям головы. И я, кажется, понимаю, для чего это им надо. Ты возьми вот войну: она нужна человеку? Если бы все верили в Бога, тогда — нет. Тут без спору. Потому что Бог есть любовь, и верующий в Него никогда не поднимет руку на себе подобного. Потому что хочет жить по-Божьи. А вот стадо обезьян под руководством кровожадного вожака — поднимет. Да еще как! Кстати, хорошо ведь известно, кто этот вожак.

— Кто же? — притих Коля, удивленный красноречием Юргена.

— Это? Сатана. Враг душ человеческих. Он изо всех сил старается не допустить человека к Богу. Вот ты сказал, нет разницы где гнить. А это ведь его к тебе мысли. Он их тебе внушает, чтобы ты о вечности не задумывался. Иначе сатана потеряет главное — твою душу. Говоришь: все равно, где будут твои кости... А что будет с душой? Душу-то свою ты чувствуешь? Ну, вот. И что, она тоже сгниет? Но дух ведь сгнить не может. Душе, Коля, уготована в вечности своя судьба: либо в раю, в любви с Господом Богом, либо в аду, в огненном озере с сатаной. Третьего пути в вечности нет. Не дай, Коля, в душе своей места сатане. Не дай ему победить тебя. Ибо, кто кем побежден, тот тому и раб. Так говорит Библия. Охота тебе быть рабом сатаны?

Николай наморщил лоб, явно стараясь что-то вспомнить. Вспомнил.

— Раб, дядя Юра, чей бы он ни был, так и останется рабом.

— Ну, да. Разница только в том, что раб сатаны уйдет в погибель, а раб Божий получит вечное спасение.

— Хм, вечное. Я хочу спастись от голода здесь, на земле, а не где-то после смерти, — тоскливо сказал Коля. — Я не хочу умирать. Почему же Бог, если Он есть, не спасает меня?

— Не спасает? А ты уже просил Его об этом?

— Чтобы просить кого-то, надо хотя бы надеяться, что этот кто-то тебя услышит. И поможет.

— Так ты попробуй — и Он услышит. И поможет.

— Да я уже ни на что не надеюсь, дядь Юра.

— Совсем без надежды жить нельзя, Коля...

— Это так. Да где ж ее взять-то? Откуда бы ей появиться, когда кругом безнадега? Здесь я если на кого и надеюсь, так это на тебя... — Николай смолк и смущенно отвел глаза. — Ты помогаешь — вот я и надеюсь.

— Да ведь на человека-то как раз меньше всего надежды, Коля. Сегодня я есть, а завтра — нету. Помер. Тут у нас это скоро. Почему не веришь Богу? Смотри, что получается: Бога ты не просил, а заранее решил, что Он тебе не помощник. Даже неловко как-то мне от твоего рассуждения. А ведь Он ждет, что ты в молитве обратишься к Нему.

— Скажешь тоже, ждет, — недоуменно протянул Коля. — Небось, говоришь так, чтобы меня ободрить.

— И ободрить, а как же! — подтвердил Юрген. — Обратись к Нему, и сам увидишь, как ободрись духом. Куда и вся хандра поддевается.

— Хорошо, если бы это было так, дядь Юра. Только как же это будет выглядеть: неверующий — и вдруг Богу молится? Кого я обману? Бога? Его что, можно обмануть?

— Ну, пока что ты обманываешь самого себя своим неверием. И делаешь это очень упорно. Но к Богу, Коля, ты не сможешь обратиться лживыми устами. Он принимает только искреннее сердце. Попробуй, и убедишься, что Он не приемлет и малейшей лжи. Да и зачем она тебе, когда ты нуждаешься в Его помощи.

— Я подумаю.

— Думать — это, конечно, хорошо. Но не опоздать бы с мыслями. Здесь ведь нас беда подстерегает на каждом шагу; она может произойти в любую минуту. Видел, поди, сколько трупов вывозят каждый день. Как знать, когда это может случиться со мной? С тобой? Значит, надо успеть покаяться перед Богом. А когда Он примет тебя, то не страшно будет и умирать, потому как обретешь спасение. Жить-то без Бога можно, Коля, но умирать без Него — не приведи Господи. Видел я одного такого умирающего: знаешь, это самые страшные муки, что я когда-то видел. Врагу не пожелал бы. До сего дня без содрогания даже подумать о нем не могу. А ведь всего-то и требуется от человека, что попросить Господа Иисуса Христа открыться тебе. Чтобы Он простил грехи и вошел в твое сердце. И когда ты услы-

шишь Бога, — а рано или поздно ты Его обязательно услышишь! — с того самого момента будешь знать, что тебе дальше делать. Не откладывай, Коля, проси Бога.

— Я подумую, — все таким же отстраненным был ответ.

Николай встал и обеими руками облокотился на кабину. То и дело уклоняясь от набегающих навстречу ветвей, он пытался найти оправдание своей несговорчивости и заодно утомить душевное волнение. Сильно взбудоражили его откровенные слова Юргена. После очередного поворота тайга заметно поредела, и впереди в каком-то просеянном сквозь листву сказочно-сизом тумане то тут, то там забелели цветением кусты рябины. А у самой опушки, достигая половины высоты пихтача, а то и выше, в своей роскошной бело-розовой фате утопали заросли красавицы-черемухи. Вдали уже виднелась башня водокачки на станции, где располагались пакгаузы — железнодорожные склады и, уже притормозив у ворот первого из них, они увидели бегущего навстречу кладовщика, который одной рукой энергично махал им, призывая не останавливаться, а другой указывал на перрон, где был выстроен солдатский конвой. Там, кроме солдат, было еще и несколько мужчин в штатском.

— Дальше, дальше продерни, — донесся его голос.

— В чем дело, Алик? — высунулся из кабины прораб, когда машина поравнялась с кладовщиком. — У меня срочная погрузка.

— А у меня, Митрич, срочный приказ, — вскочил тот на подножку и, кивнув шоферу, скомандовал: — Давай, Август, вон туда, в конец складов.

— Да что стряслось-то? — недовольно пробурчал Лобов. В лагере его называли не иначе, как Митрич.

— Ну, ты будто с луны свалился: конвой не разглядел, что ли? — удивился Алик. — Пополнение дохлятиков прибыло, вот и стряслось. Вон, гли, аккурат состав подходит. Там два вагона наших немчуренков. Видишь, уже и «покупатели» дожидаются. И с шахты, и с лесозаготовок.

— Так а мы-то тут причем? — развел руками Лобов.

— Притом. Пока их отсюда не увезут, никого на станции не должно быть. А значит, и никакой погрузки. Мало ли...

Это его загадочное «мало ли» вскоре нашло объяснение.

— Все, здесь остановись, — проехав еще с полсотни метров скомандовал он. — Пойдем, оформим пока накладные, раз уж так спешишь. Грузчиков-то почему всего двое? Двоим быстро не управиться. Ящики таскать далековато. — И, не оглядываясь, зашагал к своей конторке.

— Ждите тут, — бросил прораб мужикам и последовал за ним.

Они же, услышав о пополнении, слезли с машины и поспешили назад, к перрону. Кто знает, может быть среди прибывших окажется кто-то из родных или знакомых. У самого начала складов их догнал и шофер. Август Шталь — так звали парня — прибыл в их лагерь недавно, но авторитетом уже обладал как среди трудармейцев, так и среди начальства. Все знали,

что в трудармию отправили его, сняв сначала прямо с фронта. Бывший военный летчик, он так и был в своей военной форме со всеми наградами на гимнастерке. Не раз и не два начальство пыталось заставить его снять их, но он отстоял это право. «Мне их вручали по приказу наркома обороны, и снять их с меня вы также можете только по его приказу!» И энкавэдэшники отступили. Даже самые наглые конвоиры остерегались грубить ему. Во всяком случае не пытались приказывать ему что-то непотребное.

* * *

Товарный состав остановился, и солдаты по команде капитана открыли оба «телячьих» вагона. Из них сначала вынесли несколько трупов и сложили на припасенную именно для этого случая подводу. (Вот это самое — «мало ли что»). И только потом, удостоверившись, что покойников больше нет, разрешили выходить остальным трудармейцам. Это были настолько изможденные мужики, что даже доходяга Николай выглядел по сравнению с ними свежим парнем. Большинство из них едва держались на ногах, и солдатам стоило больших усилий хоть как-то выстроить их в одну шеренгу.

«Покупатели рабсилы», схватившись за головы уже в самом начале их высадки, с тоской наблюдали за сим «подкреплением».

— Да кого ж вы нам привезли? Какие с них работяги? Да их же всех надо на ту подводу! — горестно зывали они к капитану, который только разводил руками:

дескать, я-то здесь причём? Даже он, выдавший виды, недоумевал про себя: «Это как же надо было сильно постараться, чтобы довести людей до такого состояния за короткое время! Их что, совсем не кормили эти десять суток? Похоже, так оно и есть».

Потом окажется, что везли их не десять суток, а ровно вдвое больше. А вот что не кормили — тут капитан почти угадал. Кормили, но только раз в двое суток. Сейчас же он постарался приободрить обессиленных людей и зычно выкрикнул:

— Держитесь, мужики. Щас вас накормят. Потом баня. Все слышали?

Фраза возымела действие: лица трудармейцев чуть оживились. А к командиру тут же подбежал сержант:

— Так это... их же распределить бы надо? Там бы пусть и разбирались.

— Здесь, на месте разберемся. Не видишь, не дойдут они до шахты.

— Так хоть по списку бы тут проверить, товарищ капитан?

— Боишься, сбежит кто-то по пути к столовой? — мрачно буркнул тот.

— Да не-е, куда им...

— Вот и я так же думаю. Давай-ка, веди колонну по-быстрому в столовую, пока еще кто не окочился.

Капитан поднял руку, чтобы отдать команду, да так и замер. Из глубины второго вагона выполз в проем какой-то призрак в латаной-перелатанной рубашке и таких же штанах; ухватившись за скобу вагона он кое-

как выпрямился с коленей и беспомощно смотрел на солдат. Пожилой, вконец обессиленный, сам он явно не мог ни спрыгнуть, ни даже сползти, и на лице его блуждало подобие виноватой улыбки. Ближний к нему конвойный, хитро подмигнув товарищам, ухмыльнулся и протянул руку. Якобы для поддержки.

— Ну, давай, паря.

И убрал руку, как только тот протянул свою, чтобы опереться. Потеряв равновесие, так и клюнул мужик мешком с вагона прямо к ногам конвоиров под их дружный хохот. Свалился, да там и замер без движения.

— Па-адъем! — продолжая смеяться, гаркнул шутник, поддев его носком сапога, но мужик не шевельнулся. Почувствовав неладное, конвоир оборвал смех, нагнулся и перекатнул его на спину.

— Ну, чего разлегся? Вставай давай! Пошутковал я, паря. Ну!

— Не ори, — хмуро оборвал его подошедший капитан. — Не встанет он уже. Поэтому останешься тут с ним, пока подвода не вернется. Потом оформишь все, как надо.

— Почему я? — запротестовал было солдат, но тут же смолк под пристальным взглядом офицера.

— Именно, что ты, — процедил он. — Чтобы знал, как шутковать.

— Так-ить я...

— Исполняй! — рявкнул командир и повернулся к строю, затихшему в гробовом молчании. — Родственники его есть кто? Нет? Тогда веди людей, сержант, —

скомандовал он вяло и без оптимизма кивнул «покупателям». — Там разберете своих. Кто в живых останется.

Строй трудармейцев колыхнулся и вразной, медленно и обреченно побрел по направлению к местному лагерю.

Никогда еще Николай не испытывал столь всеобъемлющего гнетущего чувства. Он вдруг осознал, что точно так же произойдет вскоре и с ним. Нет, сама-то по себе смерть, как явление, была для любого трудармейца обыденным делом. Но воспринималась она всегда как бы отстраненно, то есть узнавали об очередном умершем постфактум: ну, болел-болел кто-то — и умер. Ну, не я же.

Здесь же он стал свидетелем вершившегося на глазах действия. Только что человек еще пытался улыбаться (эта виноватая улыбка надолго врезалась в его память), и вот он уже бездыханный труп. Переход в иной мир в одно мгновение. А ведь этого могло и не случиться — подай конвоир действительно руку помощи. Кто знает, сколько еще жил бы этот мужик? Обида на циничный, немилосердный поступок по отношению к немощному человеку и жалость к нему (а еще больше к самому себе, как потенциальной жертве такого же вот насмешника, как этот конвоир) легла на сердце тяжким грузом.

Удрученный увиденным, Коля понуро поплелся за Бергом к машине. Шталь, не встретив знакомых людей, ушел к ней еще раньше, и теперь она с открытым задним бортом стояла у пакгауза с метизами.

— А ну, кончай прохлаждаться, — поторопил их про-
раб. Он тоже наблюдал за финалом всей этой картины,
поэтому недовольство в голосе прозвучало неубедитель-
но. Скорее, он старался затушевать свое подавленное
состояние. — Там на путях у бригады работа стоит, а
вы тут рассусоливаете.

— Да ладно тебе, Митрич, — вступился за грузчиков
Август. — Им спешить — себе дорожке будет. Они ведь
недалеко от того покойника ушли. Лучше бы сам подсо-
бил им грузить: оно бы и тебе на пользу пошло. Эвон,
рожу-то отъел — за два дня не объедешь.

— Ага, щас! У меня своих забот хватает, — сразу
же озаботился Лобов. — Я это... я проскочу тут нена-
долго в город. Ну, ты знаешь. Но когда вернусь, чтобы
все было готово. — Повернулся и тут же скрылся за
складами. Связываться с летчиком, пусть и бывшим,
не входило в его планы.

— Вот что, Коля, — вслух размыслил Юрген. — Давай-
ка, полезай на машину, принимать в кузове будешь.

Оно, конечно, принимать легче, чем таскать и по-
давать ящики, но то, с каким трудом тот взобрался на
машину, ясно показало, что помощник из него и тут
никакой. Он это понял сам, и в лице парня отчетливо
проявилась такая же виноватая улыбка, что была у того
покойника перед смертью. Наблюдавший за ним Шталь
грустно качнул головой и подытожил:

— Трудновато вам придется. — И что-то смекнул: —
Погодите, я у мужиков в депо тачку возьму. Хотя бы
подвозить к машине — и то хлеб.

— Да, это конечно, — согласился Юрген. — Такое расстояние таскать на себе ящики — не шибко сахар. Только дадут ли тебе ее? Там ведь охрана.

— Дадут. Не все же охранники — сволочи. Я уже один раз брал. Правда, по другому поводу. — Махнув рукой, он быстро зашагал к зданию депо.

— Ты сильно-то не переживай, — обернулся Берг к Николаю. — Еще войдешь в колею. Потихоньку втянешься, и все будет хоро... — и прервался, увидев глаза парня, полные тоскливой, щемящей мольбы. Все перевернулось в груди Юргена от жалости к нему и, чуть помедлив, он тихо предложил: — Может быть, попросим помощи у Бога, Коля? Глядишь, Он и придаст тебе силы. — И, увидев молчаливое согласие, подал руку: — Давай-ка, слазь. Вот так. Я буду теперь молиться, а ты присоединяйся, если услышишь в сердце зов Господа.

— Услышу? Как это: услышу? — одними губами спросил Николай.

— Об этом ты узнаешь сам. Скажи, ты готов теперь просить Его о спасении? Готов? Тогда проси Его принять тебя и даровать спасение. И будет тебе ответ Бога на нашу молитву. Хочешь этого?

Паренек часто и мелко-мелко закивал головой.

— Ну, вот и ладно, — облегченно вздохнул Юрген и, облокотившись руками на кузов, стал негромко, но четко молиться.

Коля застыл в напряжении, вслушиваясь в те простые, вроде бы обыденные слова. Но столь велика была

эта его последняя надежда, что, обращенные к Богу, они полнились для него особым смыслом; неизвестно отчего он сразу же разволновался, и неожиданно для самого себя торопливо стал повторять их за своим старшим товарищем. Ему страстно хотелось, чтобы Тот, к Кому взывает Юрген, услышал их обоих. Вслед Бергу он стал просить о прощении своих грехов и, сцепив руки, шептал, как заклинание: «Бог, если Ты есть, спаси меня. Если Ты есть, спаси меня...»

И вдруг все его существо объял неизъяснимо благоговейный трепет, и он понял: четко, не сомневаясь ни на секунду, понял, что Он слышит! Наверное, это было то, что Юрген назвал ответом Бога. Неужели, Бог и вправду слышит его? А если так, то Он простил его и спасет? И уже в полном безмолвии новой радостной волной ответ прямо в сердце: «Спасет!»

Не в силах больше сдерживаться молодой трудармеец, рыдая, упал на колени и зарылся лицом в раскрытые ладони.

«Спасет!» Эта мысль в следующее мгновение конформировалась в жизнеутверждающее, ликующее: «Спасен! Я спасен! Бог ответил мне. Он есть на свете! Он тут, рядом. Он в моем сердце!» Коля утонул в том необъятном чувстве великой благодарности, которое испытывает всякий проходящий к Небесному Отцу; и неведомо откуда пролились слова, каких он никогда до этого не произносил в своей жизни. Он просил Господа о спасении, о прощении и милости. Ими он и славословил Его. Безудержно, искренне, страстно, в

полной уверенности, что все для него теперь станет по-другому. По-другому, потому что он спасен.

Наконец он поднялся. Куда и подевалась та смертная тоска, печатью безысходности лежавшая на его лице. Коля чувствовал в себе необычайный прилив сил, и был весь в волнующем, просветленном ожидании, а в его глазах появилась та самая надежда, о которой они столько говорили, но в которую он не верил. Смущенно и в то же время восторженно взглянул он на Берга. Тот, не скрывая слез радости, все это время гладил его по голове, словно малого ребенка.

— Дядь Юра, я будто сызнова родился!

— Это ты не будто, а именно родился. Ты только что духовно возродился к новой, вечной, жизни. Теперь все заботы о тебе возьмет на Себя Христос. Только не переставай молиться Ему и просить о защите.

* * *

Исполненные Духа Святого, его волшебного действия, они буквально отрешились от мира и даже не заметили, как вернулся Шталь. А он уже стоял подле них с тачкой, с удивлением переводя взгляд с одного на другого.

— Вы что, мужики, никак захмелели? Чему это вы так радуетесь?

— Богу, Август. Богу мы радуемся, — улыбнулся Юрген, и кивнул на своего молодого напарника. — Коля, вон, сейчас Бога нашел.

— Кого нашел? Бо-ога? — с сомнением и в некоторой

растерянности протянул шофер, не зная, отнестись к этим словам, как к шутке, или принять всерьез. — Нет, а если по правде? С чего веселье-то? Погрузку отменили?

— Да не-ет. Это и есть правда, — посерьезнел Юрген. — Молились мы, вот Господь ему и открылся. А с Богом-то и по жизни легко идти. Не кажется она уже такой страшной.

— То-то я и вижу, что он ожил, — как-то неопределенно хмыкнул Август и, чуть помедлив, спросил: — А не боишься вслух говорить об этом?

— Да что ж бояться-то? Кто боится о Боге говорить, о том и Он не позаботится. А кто благовествует о Христе, тому и награда будет от Него.

— И что же это за награда? — снова иронично хмыкнул Шталь.

— Спасение Христово! Спасение — наша награда. Вот Коля только что и получил Его спасение.

— Ну, не знаю, как насчет награды, а вот если не загрузите машину — будет вам обоим на орехи — это точно. Тут же саботаж припишут, а там и до суда недалеко.

— Загрузим. У нас теперь сил хватит, правда, Коля?

— Должно хватить! — кивнул тот и потянулся, было, к тачке, но шофер придержал его руку.

— Ладно, ладно. Давай-ка, друг, на кузов, а я тут пособлю. Митрич-то другой раз задерживается, а когда сразу же вертается. Семья у него в городке здесь живет. Так что сладим с работой, а потом можно будет и поговорить.

— Вот за это спасибо, Август, — искренне поблагодарил Юрген, направляясь с ним к стеллажам. — Пусть Бог тебя благословит.

— Он меня уже благословил один раз, — сердито буркнул Шталь и попытался рывком поднять ящик. — Тяжелый, каналья. Давай вдвоем.

— Давай. Двое-трое — не один. Это когда же, говоришь, тебя Бог благословил?

— А когда сюда послал.

— А-а. Слышал я твою историю. Обидно, небось: из героев да в каторжники?

— Обидно — не то слово, — нахмурился летчик. Он явно не хотел распространяться на этот счет.

— Понимаю, — коротко бросил Юрген.

Погрузив ящик на тачку, они подвезли его к машине и закинули на кузов. Следом туда же легко запрыгнул Август и помог Коле уложить его ближе к переднему борту. И так — раз за разом. То ли эта его энергия, то ли и правда откуда-то появились силы у паренька, но от шофера он не отставал: только кряхтел натужно, помогая ворочать ящики.

Таким образом управились довольно быстро, и Шталь повез тачку назад. Появившийся в это время Лобов приятно удивился, что два заморенных с виду работяги столь быстро закончили погрузку и, пересчитав ящики, довольно улыбнулся. Был он в прекрасном расположении духа и подал им пачку папирос, что было неслыханной щедростью: курево в зоне, как и хлеб, было в цене.

— Перекурите это дело. А мне надо еще с Аликом почирикать.

Юрген переглянулся с Колей и, поскольку оба не курили, протянул папиросы вернувшемуся Августу: дескать, без тебя бы мы не управились, да к тому же ты и куришь. Тот, однако, от заманчивого подарка отказался.

— Оставьте себе, — сказал просто, — вам больше пригодятся. На них можно выменять не одну пайку хлеба, и парня это очень даже может поддержать. Ему бы лето выдержать, глядишь — и окрепнет. Впрочем... — как бы смекнул он что-то, — давай-ка их сюда. Сам буду менять потихоньку и вам отдавать. А то из вас менялы, как из меня балерина: ни папирос, ни хлеба не будет.

— И опять ты прав, — охотно согласился Берг. — Чего не могём, того не могём. Ну, тогда присаживайся, перекурим, как сказал Митрич.

— Это можно, — кивнул Август. Он присел рядом на камень, достал папиросу, постучал по пачке и закурил. — А в общем-то, это хорошо, что парень поверил в Бога, — как бы продолжил он начатый разговор. Видно было, что тема сильно задела его. — С Богом и правда легче. Не зря же говорят: «Блажен, кто верует, легко ему на свете!» М-да-а. А я вот не блажен: как ни пытался, а поверить не смог. Хотя, смотри-ка ты, ведь перед каждым вылетом Богу молился. — И, поймав на себе удивленные взгляды, грустно улыбнулся: — Ну, понятно, про себя, чтобы никто не заметил. Меня самого это всегда смущало. Ведь получалось вроде как раздвоение личности: в нагрудном кармашке — парт-

билет, а на самой груди — крестик. Я его уже в самом полете надевал. И снимал сразу же по приземлению. У меня ведь полеты в тыл врага были: мы туда наших десантников в помощь партизанам забрасывали. Ну, и груз им всякий доставляли.

— А после полета тоже молился? — спросил Коля и замер в ожидании.

— Да после-то зачем? — пожал шофер плечами. — Живой остался — и ладно! Перед полетом и во время обстрела — да, а потом-то зачем молиться?

— И молиться, и благодарить надо, — сказал Юрген.

— Кого? Бога?

— Кого ж еще, раз по Его милости оставался живой. Молился-то Ему?

— Ну да, Ему. Но по чьей милости живой — это вопрос спорный. С чего бы ты взял, что именно по Его? На войне, брат ты мой, все от тебя самого зависит. От того, окажешься ли ты чуть быстрее, чуть смысленнее врага. Ну и везение не в последнюю очередь. Однополчане меня «везунчиком» в этом смысле и называли. Ведь главным для нас было проскользнуть над линией фронта незамеченными. Иной раз это удавалось, в другой — нет. А уж если засекли... — Шталь, видимо, припомнив что-то, покачал головой. — О, брат! Тогда попробуй уйти от зениток. Как говорят — ноги в руки. Еще когда просто груз везешь — не так страшно. За себя как-то перестаешь бояться, привыкаешь. А вот когда с людьми летишь, то страх на всю катушку — до дрожи в коленях. И тут просыпается какое-то звери-

ное чутье: ты будто предугадываешь, в какую сторону увести машину — влево, вправо... И расслабляешься только тогда, когда снова уйдешь в безмолвную ночь, где только ты и небо. Без сполохов зениток с земли. Тут ты невольно и поцелуешь крестик, хотя понимаешь, что все это был «Его величество случай». Рулетка — и не более того. А Бог — это как бы для настроения души. Так, на всякий случай. Повторяю: там многое, если не все, зависит от тебя самого.

При этих словах Коля даже вздрогнул. Ведь только что это было и его убеждением. Было? Да, именно так — было. Ему вдруг страстно захотелось разубедить Августа в том, в чем заблуждался он сам.

— Я тоже так думал, — несмело обронил он. — Ну, что все дело — во мне.

— Думал? — в иронии вскинулся Шталь. — А теперь что, уже нет? Вот так сразу взял — и передумал?

— Да, сразу, — Коля смутился, не зная, как донести до него свое состояние души. — Только не смогу объяснить, как это получилось.

— А словами, Коля, и не объяснишь — положил ему руку на плечо Юрген. — Даже и пытаться не надо. Это прозрение к каждому приходит по-особому. Но есть одно общее для всех: это происходит, когда Бог открывается человеку. Будет время, когда Август и сам все прекрасно поймет. Иначе не носил бы крестик вместе с партбилетом.

— Этот билет все же какая-никакая, а охрана мне от... — Шталь долго подбирал слово: — От охраны? —

И сам смолк в недоумении. Потом пошутил невесело: — Что-то неладно у меня выходит: охрана от охраны. Вроде как заговариваться стал. Не к добру это.

— Не к добру, Август, то, что никак не выберешь, с кем тебе по пути. По-моему, ты слишком преувеличиваешь значение этой книжицы. Знаешь, что говорит об этом Христос? Нет? Тогда слушай: «Никто не может служить двум господам: или одного возненавидит, а другого возлюбит; или к одному привяжется, а другим пренебрежет. Не можете Богу служить и богатству». Богатство в твоём случае и есть тот билет. Чуешь теперь?

— То есть как в поговорке: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь? Правильно я понял? — усмехнулся Август.

— Так, да не совсем. Нужно знать, что дальше говорит Иисус.

— И что же?

— А то, что если отдашь себя на служение Богу, не будет и нужды заботиться о своей охране. Он сказал: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть или что пить, ни для тела вашего, во что вам одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды?» То есть, все твои заботы берет на Себя Господь. Хотите, расскажу, о чем говорит Христос? Хорошо.

Юрген немного отстраненно, с полужакрытыми глазами стал читать стих за стихом. И столь проникновенно звучали эти слова в той обстановке, что западали они глубоко в душу каждого из его спутников. Они, словно

за мороженые, ловили каждое слово, а он продолжал цитировать.

«Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, и не жнут, и не собирают в житницы; и Отец Небесный питает их. Разве вы не гораздо лучше их?»

Тут, будто в подтверждение этого в вышине июньского неба зазвенела, запереливалась радостными трелями восторженная песня жаворонка. В нахлынувшем неземном благоговении Коля затаил дыхание в молитве, а Шталь, сложив руки козырьком, пытался высмотреть на воздушной вертикали вдохновенного певчего, безудержно прославлявшего своего Творца. И не переставал слушать Юргена, который тихо закончил:

«Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Наступило долгое молчание. Каждый из них пытался осмыслить услышанное. Первым очнулся Коля.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Нагорная проповедь Иисуса Христа. Она — основа Евангелия.

— Евангелия? — переспросил Август. — А я думал, ты из Библии читал.

— Евангелие и есть Библия. Благая весть от Господа Бога.

— Во-он что. Выходит, я вообще лапоть лаптем. Даже неудобно как-то, — шофер почесал макушку и, покачав головой, хмыкнул: — Да-а, взял ты меня, друг

Юрген, за живое. Взял. Никогда бы не подумал, что в Библии есть такие рассуждения. — И вроде как извинился: — Ну, так мы ж ее не читали! Да я вообще привык считать ее сказкой для неполноценных. С подачи учителей наших. А тут — гляди-ка! — целая философия. И не буду кривить душой — какая-то желанная. Как там: «Ищите прежде Царства Божьего, а все остальное приложится вам». Так? Но попробуй-ка отыщи это Царство. Где оно?

— У Бога. И его не надо искать, оно всегда рядом. Надо только признать себя нищим духом, то есть грешником, и покаяться перед Богом. Тогда Он примет тебя. Христос так и сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

— Но чтобы каяться, надо сначала нагрешить, — возразил Шталь. — А когда бы успел это сделать Николай? Ну, понятно, я. У меня было время для этого; да я и сам знаю, что за плечами много грехов. А он что, наперед покался?

— Все мы грешны, потому что наследуем грех первого человека...

— Э-э, — недослушав, замотал головой Август, — вот тут я опять не согласен. Кто-то, значит, когда-то набедокурил, а я отвечай? Непорядок. Но все равно хочу теперь почитать Библию. Дашь?

— Нету ее у меня, — с сожалением вздохнул Юрген.

— Неужели ты такой умный, что все вот так на память знаешь?

— Ну, что ты, где мне. У нас в селе проповедник был

прекрасный. От Бога человек. Часами мог рассказывать и пояснять трудные места Библии. От него-то я кое-что и перенял. Но Библию не умом — сердцем постигают. И пока человек не покается, — читай, не читай, — вряд ли она его затронет.

— Вот и теперь буду от тебя перенимать, — серьезно сказал Шталь. И вдруг улыбнулся чему-то: — Слушай, попрошу-ка я Лобова, чтобы почаще посылал вас со мной, а? Уж больно интересно мне стало. Между прочим, из тебя бы получился классный замполит. Ну, совсем другого толка, конечно. А вон и Митрич, легок на помине.

— Та-ак, кончай ночевать, и по коням, — весело подошел тот. Было видно, что «переговоры» с Аликом явно пошли ему на пользу. — Или как там у вас, летчиков: по машинам? Выходит, что полуторка, что самолет, а все равно — по машинам. — Он хитро подмигнул мужикам: — Когда что надо будет, беру вас с собой. Как, не против?

— Да что ты, Митрич, кто же будет против, — даже немного растерялся Август. — Я сам тебя хотел за них просить. Конечно же, все — за.

— Ну, вот и замечано. Такие работяги мне нужны. Орлы!

Обратный путь пролетел для обоих «орлов» незаметно. Скинув пару ящиков прямо у насыпи, где работала бригада, Берг с прорабом поехал в склад, а Коля, вооружившись гвоздодером, принялся распаковывать ящики. А вскоре и вывернулся у мужиков тот рельс,

под который подгадал Юрген. Не довелось им больше поработать с Прохором Лобовым.

* * *

Высказав предположение о наличии у парня крыльев, бригадир был недалек от истины. Коля на одном дыхании слетел вниз по склону, пробежал по глубокому распадку и вскарабкался на другую его сторону. Как это ему удалось, он и сам не знал. Единственное, о чем он думал, — это успеть перехватить машину Августа. При подъеме он сначала задохнулся, и сердце готово было выпрыгнуть из груди; в глазах потемнело и даже десны заныли так, будто заболели разом все зубы. «Господи, помоги, — возопил он в душе и, пересиливая себя, цепляясь за травостой и кустарник, упрямо, больше на четвереньках, чем в рост, продолжал карабкаться наверх. — Помоги мне, Господи. Спаси Юргена. Из-за меня пострадал он. Спаси! Дай мне сил одолеть гору и успеть остановить машину». И вдруг ощутил невероятную легкость в ногах, словно пошел по ровному месту. Не пошел даже, а полетел на каких-то крыльях, едва касаясь земли. Все выше, выше, и вот уже, ухватившись за какой-то придорожный куст, вымахнул на дорогу аккурат перед машиной. Шталь, притормозив, выскочил из кабины:

- Ты что, очумел? Что? Что стряслось?
- Юрген... Рельсой его придавило... Ногу...
- Август все понял без дальнейших расспросов:
- Садись! Быстро!

Держась левой рукой за открытую дверцу, он, стоя одной ногой на подножке, другой давил газ и таким образом гнал машину задним ходом, пока не нашлось места для разворота. Как ни взволнован был Коля, но успел оценить виртуозное мастерство бывшего летчика.

Везти Юргена в кабине с раненой ногой нельзя было, поэтому его осторожно подняли и уложили в кузове, подложив как можно больше сухой травы. Потом бригадир окликнул Николая:

— Давай туда к нему, да присмотри за земляком своим. Он ведь теперь тебе вроде крестного. — И, глядя, с каким трудом тот перелез через борт, снова пробурчал удивленно: — Кто за кем присмотрит — еще вопрос. И откуда только сил хватило отмахать такое расстояние, да еще по горам? Не пойму.

— Если худо будет — стучи по кабине, понял? — оглянувшись с подножки Август и выдохнул: — Ну, с Богом! Может быть, и обойдется все ладом.

Колька боязливо присел около Юргена на корточки — не погонит ли тот его со зла? До этого он так и не решился заговорить с ним.

— Шибко больно, дядь Юрген?

— Да можжит, спасу нет. Но ничего, Коля, Бог даст, переживем.

— Да-а, переживем... Вон как сводит-то тебя всего. Давай, я ногу твою придержу, дядь Юра, чтобы меньше тряски было.

Кузов машины ходил ходуном, и каждое движение

вызывало у раненого дикую боль, которая четко отражалась на его лице. Коля сел спиной к переднему борту, осторожно приподнял и положил его ногу к себе на колени, а руками ухватился за борт, чтобы самого не катало по кузову. Ему хотелось хоть чем-то облегчить страдания этого человека, но что он мог сделать? От сознания своего бессилия просто не знал, куда себя девать. Да еще чувство вины тяжелым гнетом давило на сердце: из-за него ведь весь сыр-бор.

— Лучше бы меня раздавило, — с тоской вдруг промолвил он. — И зачем ты только меня спасал?

Юрген не успел ответить — машина угодила в очередную колдобину, да так, что весь кузов подбросило вместе с пассажирами. Даже сам шофер испугался и, притормозив, появился на подножке.

— Живой? — спросил односложно. И, как бы извиняясь, сообщил: — Ну, тут по этим увалам еще метров сто осталось, а уж по лесу дорога пойдет. Там хорошо, не заезжено. Так что, крепись, брат.

— Креплюсь, — попытался улыбнуться Юрген, но улыбка вышла жалкой, и, стиснув зубы, он застонал и полуприкрыл глаза.

— Ты бы все же потише, — попросил Коля.

— И рад бы, — только и ответил Август. С превеликой осторожностью он довел машину до опушки, а там снова поддал газу. Но теперь она пошла уже мягко, иногда чуть покачиваясь с боку на бок.

— Зачем, говоришь, надо было тебя спасать? — вернулся к вопросу парня Юрген. Коля молча кивнул, и он

продолжил: — Да потому что я бы себе не простил, что мог, а не помог тебе. Каково бы мне было тогда перед Богом отвечать? И ты вот что, Коля, себя ни в чем не вини. Значит, так угодно было Богу. В общем, больше ни звука на эту тему, понял? Когда-нибудь пойдем, зачем Господь допустил мне это страдание. И что бы со мной дальше ни случилось, ты обещаешь мне только одно: что будешь постоянно молиться, как того и требует Писание. Обещаешь?

— Да, — еле слышно ответил Коля, — обещаю.

— Тогда давай-ка помолимся друг за друга.

И что уж тут действовало: молитва ли, или та лесная прохлада, в которую они вновь окунулись, а может быть, волшебное свойство подорожника, но физическая боль немного утихла, и под равномерное гудение мотора Юрген задремал. Больше до той поселковой больницы, что на пути в город, они ни о чем не говорили.

На его счастье там оказался врач из Гурьевска — Шпеллер Семен Ильич. Тот самый, что обещал положить Феля в больницу. В крохотном кабинете деревянного барака он сидел за столом, заваленном бумагами, и что-то переписывал в тетрадь. Недовольный тем, что его оторвали, он хмуро выслушал Августа и молча вышел из-за стола.

— Эдак я никогда не закончу с бумагами, — сердито пробурчал он.

— А разрешите я вам помогу с ними, — неожиданно предложил Коля, и сам страшно испугался своей дерзости. Даже много лет спустя не мог объяснить он, как

осмелился на это. А тогда он вообще был уверен, что кто-то другой за него произнес эту фразу.

— Что? — удивленно остановился на полпути Шпеллер. — Я не ослышался? Ты умеешь писать по-русски?

Теперь Коля смог уже только кивнуть. Во рту пересохло, губы одеревенели, а язык разбух и словно рашпиль скреб по небу. Да еще ноги от страха сделались ватными.

— Ну-ка, ну-ка, сделай милость, — засуетился доктор и подал ему чистый лист. — Напиши-ка мне тут о пациенте, которого вы привезли. Ну, фамилия там, имя и т.д. Давай, давай, дерзай, милоч!

Уняв дрожь, Коля быстро записал данные Юргена.

— Да ты же мне находка, милый ты мой! — воскликнул Шпеллер, взглянув на запись. — И почерк — полный ажур! Все! Сиди тут, переписывай, пока я не вернусь. Потом проверим и поговоришь с майором. Из особого. — И кивнул Августу: — Где там ваш друг? Веди его вон туда, в конце коридора направо.

Так Коля впервые столкнулся еще и с документальной статистикой лагерей. Это были учетные карточки и личные дела умерших трудармейцев. Сразу бросилось в глаза, что, несмотря на разный возраст, почти все они имели схожий диагноз. Постепенно он так увлекся, что не заметил, как доктор вернулся после осмотра. Был он с каким-то военным в щеголеватой кожаной куртке поверх гимнастерки, поэтому знаков различия не было видно. По-видимому, это был тот самый майор-особист, про которого он упомянул. Тот придирчиво прочитал все, что успел переписать Коля, и не скрыл удовлетворения.

— Да, Семен Ильич, это то, что надо, — пожал он руку доктору. — А то мои горе-писари такой огород везде нагородили — без пол-литры не разберешься. Сразу-то и не поймешь, о чем и о ком речь. К тому же они путаются в немецких фамилиях, а тут нужна точность. Это ведь статистика. — И коротко бросил Николаю: — Где учился?

— Дома, на Украине.

— До-ома, — скривился военный. — Знаем мы ваш дом: фатерланд называется. Да что с вас взять... Сколько классов?

— В десятый надо было идти.

— Ого! — в непритворном удивлении вскинул брови особист. — Вот что: заберу-ка я тебя к себе. Но сначала тут все бумаги приведешь в порядок. Приступишь этак через день-другой, пока я утрясу кое-какие формальности с начальством в штабе. А ты бы проследил за этим, Семен Ильич? Не в службу, а в дружбу.

— Да не вопрос, я бы сразу его оставил, — охотно согласился Шпеллер. — Вон бумаг-то сколько, а у меня времени в обрез. Впрочем, мне кажется... — он внимательно посмотрел на Николая и, взяв за руку, нащупал пульс. Потом поочередно приподнял веки. — М-да-а, так оно и есть. Похоже, Игорь Силыч, оставлять-то нужно его прямо сейчас. — И шепнул что-то ему на ухо.

— Да ты что? — обеспокоился майор. — Жалко, парень-то грамотный. Но сразу я не могу: во-первых, сейчас уезжаю в центр на совещание, а это два-три дня, не считая дороги. Во-вторых, лишний раз с отделом со-

бачиться неохота. Хотя за такого доходягу держаться они, конечно, не будут, но лучше соблюсти порядок.

В это время в кабинет заглянул Шталь. Увидев майора, чуть прикрыл дверь и, сделав знак доктору, шепнул приглушенно:

— Доктор, я уезжаю. Парня бы захватить, а?

— А-а, летун! — не расслышал его, но сразу сориентировался майор. — Ну-ка, ну-ка, заходи. Это хорошо, что ты здесь. Подожди чуток. Заберешь вот человека по пути и доставишь в зону. Понял? — И снова к доктору: — Сделаем вот что: я распоряжусь, чтобы ему выдали сухой паек на два дня. Как думаешь, выдюжит тогда?

— С таким пайком-то, думаю, что да, — прикинул Шпеллер, еще раз проверив пульс Николая. И упредил его, вскочившего, как ему показалось, в порыве благодарности: — Ладно-ладно. Благодарить будешь потом.

Странно, но оказалось, что того больше заботит судьба раненого.

— Доктор, — дрожащим голосом взмолился Коля, — а как же Берг? Вы спасете его? Из-за меня ведь его придавило.

Семен Ильич обменялся с майором удивленным взглядом: дескать, смотри-ка, ходатай какой объявился.

— Вот что, друг любезный, из-за кого он пострадал, для выздоровления не имеет никакого значения. И заживет нога или нет, зависит не от меня. Я не могу взять его в городскую — нет полномочий. Но он — мужик сильного духа. Мне кажется, у него есть

на кого надеяться. — Доктор еще раз как-то по-особому посмотрел на Колю: — Тебе, милоч, не о других — о себе заботиться надо! А Берг что ж, сколько смогу, подержу его здесь, а там посмотрим, куда кривая вывезет.

— Ждать будешь в зоне, — добавил майор, записывая что-то на бумажке. — Вот это отдашь своему начальству. На работу больше не ходи. Скажешь, майор Рюхин не велел. Да я тут все написал.

— Так его не на объект? — переспросил для верности Август.

— Отвезешь в зону. А своему начальнику сошлешься на меня, если что. Ну, из-за чего задержался.

— Перед своим я сам отвечаю, — хмуро отказался Шталь и кивнул Николаю: — Поторопись, я в машине обожду.

— Ну-ну, отвечай, раз такой гордый, — неприязненно посмотрел ему вслед особист и, недобро усмехнувшись, добавил: — Погоди, устрою я тебе разбор полетов. А ты, Шмидт, иди со мной.

Коля расслышал его слова, но значения им не придал. Да и не понял, о каких-таких полетах шла речь.

* * *

Расщедрился майор: целых две булки хлеба по его приказу отвалили Николаю в столовой. Да еще и несколько хвостиков вареной рыбы. И даже завернули их в какую-то промасленную бумагу. Так и прибежал он к полуторке и положил все в кабину на сиденье. Сам, однако, не садился.

— Все, что ли? — спросил Шталь, берясь за ключ зажигания. — Садись, садись, давай, не тяни время. У меня его и так в обрез из-за всех этих... — и смолк, увидев умоляющий взгляд Николая. — Ну, что еще?

— Август, — жалобно протянул тот, — ты же знаешь, куда его поместили?

— Берга-то? Ну да. Да на что он тебе теперь? Через день-два увидишь.

Вместо ответа Коля торопливо разделил паек на две части и подвинул одну к нему.

— Отнеси ему, а? Мне нельзя: если майор увидит, заругается.

— Еще и отберет, — усмехнулся Август и одобрительно крякнул: — А ты парень, что надо. Ладно, я мигом. Одна нога здесь, другая там.

Вернулся он, однако, не так-то быстро, и выглядел очень мрачным. Молча кивнул в знак того, что все, мол, ладом, и так же молча завел машину. И только незадолго до своротки к зоне остановился в лесу на открытой поляне.

— Видишь, — показал рукой на солнце, — это часы мои. И показывают они, что с минуты на минуту мужиков с работы приведут. Поэтому тебе не резон у ворот околачиваться, все равно сейчас не пустят. Ты вот что, Коля: разворачивай свой паек и подкрепись хорошенько. — И упредил возражения: — Давай-давай, потому что в зоне нормально не поешь. И обо мне не беспокойся, у меня поболее твоего будет от Митрича. Ты пока им бумаги переписывал, я там все его дела обстря-

пал. А он мужик благодарный. Кстати, благодарность и тебе от земляков. Там их еще двое, так Берг с ними и поделился. Слушай, Коля, а Петр Фель тебе кто будет?

— Это дядька мой, — Коля даже перестал жевать. — А что?

— Вон оно как. Родня, значит. Да ты ешь, ешь. Дела у него, пожалуй, похуже, чем у Юргена.

— Он что, разве здесь уже?

— Нет-нет. Просто разговор о нем сейчас был у врача с майором.

— Ему не лучше?

— Не то слово. Раз списать собираются, значит, не жилец он.

— Списать? Как это? — вздрогнул Коля.

— Слух такой идет, что последнее время с начальства нашего стали спрашивать за умерших. Дескать, чем больше смертность, тем меньше им премиальных платить будут. Или уже платят. Ну, насчет платы — так это или не так — толком-то никто, конечно, не знает. А вот, что стараются поскорее избавляться от дохлятиков — это точно. От Митрича слышал. Оформляют им отпуска, или вовсе как бы под дембель подводят, а там уже дохни сколько влезет. То есть, подох, мол, человек уже на вольных хлебах, а не в трудармии, как сами видите. А посему и взятки с нас гладки. В общем, баба с возу — кобыле легче. Да ты теперь и сам в этом убедишься: бумаги-то как раз на них и будешь вести. Вовремя ты со своей грамотой погодился. А так бы ты и сам, того, — летчик что-то изобразил рукой в воздухе. — Сыграл бы...

— Так его уже... списали? — с тоской в голосе перебил его Коля.

— Похоже, что да. Я только что случайно просьбу врача подслушал. Того самого, что тебя вызволить хочет. Мужик он славный: такого здесь редко встретишь. А просил он майора как раз за Феля. Дескать, тяжелый он, так положить бы в лазарет. А тот потребовал, чтобы через три дня даже духу этого Петра тут не было. Нечего, мол, статистику портить. Вот насчет этих трех дней они и спорили. Этот Игорь Силыч — еще тот фрукт.

— Хоть бы добрался дядя Петя до дома, — печально вздохнул Коля.

— Конечно, было бы хорошо. Помирать ведь дома куда как легче. Вопрос-то для них только в том и состоял, сколько он еще протянет.

— Я буду молиться за него, — серьезно сказал Коля. — Я теперь верю, что молитва к Богу может помочь и ему.

— Ну, что ж, молись, коли охота есть, — неопределенно пожал плечами Шталь. — Только боюсь, что молитвами тут уже не поможешь.

— Юрген говорил, что молитва к Богу все может, — возразил Коля.

— Может быть, и так, мечтать не вредно. Раз уж нам надеяться не на что и не на кого, так хоть о Боге помечтать. А насчет Берга твоего, так я все же на доктора надеюсь, что он его подлечит. Он ведь его в спецпалату определил и даже обезболивающий укол сделал, а это говорит о многом. Не каждый врач расщедрится на такое для нашего брата. Только что-то уж больно сильно

он головой покачивал. И хоть ничего и не говорил, но думаю, что хорошего у Юргена тоже мало. Ну, что, поел? Вот, теперь и поехали.

У своротки от трассы к зоне Август вновь остановил машину.

— Вон, гляди, — показал он рукой на столпившуюся у ворот колонну рабочих, — аккурат ваших с работы пригнали. Все точно рассчитал я по своим часам. Да, еще один день пролетел. Давай, Коля, топай, их уже заводят. Как бы там ни было, а нам с тобой повезло. Мне, что кроме Митрича, сегодня ни перед кем отчитываться не надо. А тебе — что появилась теперь надежда донести к родителям вернуться. Живым, имею в виду. Вот их-то и благодари за свое спасение, что в школе тебя учили. Вишь, как оно пригодилось! Ну, бывай. Завтра вечером найду тебя. На, вот, холщовая тряпица у меня тут; хлеб поплотнее заверни в нее от чужих глаз. Иначе, не успеешь моргнуть, как уведут. А тебе эти день-два продюжить надо. Пайку ведь могут и не дать, раз от работы освободили. Ты постереги хлебушек.

— Я постерегу...

Удивительно, как быстро разносится слух по зоне. И показал-то бумагу одному лишь бригадиру, а уж только и разговору в бараке, как несказанно повезло пацану. Один за другим подходили бригадники, чтобы самим удостовериться в правдивости слуха. Потом и вовсе из других бараков подходить стали, но с тем же интересом. И кто-то искренне радовался за него, а кто-то не скрывал зависти; были и те, что даже злоб-

ствовали: мол, из-за его, раззявы, мужика ухайдакало, а ему же еще и вон какая привилегия вышла. И недобро поглядывали на «счастливчика». К Петру он сходил сам и отнес ему немного хлеба. Хлеб тот проглотил в одну секунду, поблагодарил кивком головы и с тоской взглянул на Николая.

— Слышал уже, Коля. И о тебе, и о Юргене слышал. Ладно еще, что живой он остался. Если еще увидишься с ним, пусть простит меня.

— За что, дядь Петь?

— Он ко мне завсегда со всей душой приходил, а я все насмешничал да обзывал его. Из-за той его веры к каждому слову придирался. — Руки Петра дрожали, а голос был слабым, еле слышным. — В общем, пусть простит.

— Он простит, дядь Петя.

— А ты? — судорожно сглотнул Петр. Видно было, что он пытается пересилить себя. — Ты простишь? Я ведь тебя, считай, изувечил. Мне потом от Ани житья не было. Она-то любила тебя, даром что родной твой дядька я, а не она. И пацаны любили. Особенно Петька.

— Я зла на тебя не держал, дядь Петя. А теперь и подавно, раз...

— Ну, вот и хорошо, — недослушал Фель.

— Раз я к Богу пришел, — докончил Коля. — Бог и тебя простит, если попросишь...

— Не надо о Боге, — неожиданно энергично вскинулся Петр, но тут же сник и вяло махнул рукой: — Иди, Коля, не трави душу... Нету Бога, понимаешь? Не хочу, чтобы Он был... Иди.

Глаза его были полны глубокой скорби, а слова прозвучали настолько безнадежно и отрешенно, что Коле осталось только повиноваться.

* * *

С отбоем угомонилось все, утихло, тогда и подкрался к нему слывший придурковатым Вовка Бош. Был он на год старше Николая и приписан был к «босой команде». В ней, как мы уже видели, трудились только немошные пожилые люди, непригодные к работе ни на шахте, ни на лесоповале, ни тем более на укладке рельс. Боша же прикомандировали к ним, потому что больше его и негде было использовать: так ведь дурак дураком, куда его поставишь? Был он истощен до крайности и бродил по зоне, как тень, то с метлой, то с лопатой, то с топором, так как занимались они мелкой работой по зоне, в основном заготовкой дров в столовую. Ну, и еще кое-чем по мелочи и уборкой территории. А последнее время он вообще заговариваться стал: часто застывал на месте, и мог подолгу стоять, не шелохнувшись, будто выслушивал кого-то. Потом двигался дальше, бормоча что-то себе под нос. Все на него уже давно рукой махнули.

Осторожно дотронулся Вовка до Николая и, когда тот повернулся к нему, приставил палец к губам, и заозирался по сторонам, всем видом показывая, что хочет сообщить что-то секретное. Коля непроизвольно усмехнулся: по всему бараку разносился такой могучий храп, что эта предосторожность была явно излишней. Тут и захотел бы кто, не смог бы подслушать их разговор.

С другой стороны, хоть парень и недоумок, а соображает, что с секретами нужно быть осторожным.

— Тебе чего, Вова?

— Давай выйдем? — прошептал тот ему в самое ухо.

— Ты что, спятил? — невольно вырвалось у Коли. —

Отбой уже!

— Мне нужно тебе сказать пару слов. Пойдем, а? — В голосе дурачка слышится такая щемящая тоска, что Коле становится не по себе. Таких интонаций у него он никогда не замечал.

— Куда? Зачем? Говори здесь. Никто ведь не слышит.

Вовка немного скис. Шмыгнув носом, он подозрительно огляделся по сторонам, убедился, что действительно никто не подслушивает, и зачистил:

— Я бы не решился на это, если бы не услышал про тебя. Сил моих нет дальше терпеть. Помоги мне, Коля.

— Да чем же, Вальдемар?

Тот, облокотившись одной рукой на нары, другой приподнял рубаху, обнажив тощий живот, и из-за пояса штанов, схваченных бечевкой, вытащил что-то завернутое в грязное полотенце. В сумраке барака блеснуло лезвие плотницкого топорика.

— Видишь? — шепнул Вовка и тут же спрятал его назад. Коля испуганно отшатнулся:

— Ты... ты чего удумал?

— Помоги, Коля, Христом Богом прошу, — горячечно зашептал Бош. — Вот так топориком садани, — он для наглядности стукнул ребром правой ладони по запястью левой руки: — Оттяпаешь, и меня домой отпустят.

— Фу-у, ты, — отер Коля испарину со лба. — Ну и шутки у тебя. Шел бы ты спать, а Вова?

— Это не шутки. Это последняя возможность выжить. Я больше не могу прикидываться дурачком; а как только это поймут — мне конец. Да он и так-то уже приходит. Как и тебе... приходил. Но тебя взяли в писари, и теперь ты выживешь. А мне от этого еще горше стало. Веришь, все нутро переворачивает: «почему не меня?» И понимаю, что если бы под дурачка не косил, то может быть взяли бы и меня. Дак, кто же знал? — с неподдельной горечью в голосе простонал Вовка. И тут же спохватился, испугавшись своих слов: — Ты только никому, ладно?

Коля машинально кивнул.

— Я знаю, ты не скажешь, — успокоился Вовка. — Теперь я твердо решил выбраться отсюда. И это единственный способ. Ну, как?

Мысль сбитого с толку Коли работала в другом направлении: неужто Бош столько времени водил за нос весь отряд? Говорит ли он сейчас правду или просто свихнулся напрочь от голода? Как вести себя с ним?

— Тогда тебя посадят, Вова, — как можно мягче сказал он. — Сначала залечат руку, потом намотают срок за членовредительство с целью дезертирства. Ты же знаешь эту статью. А меня за пособничество расстреляют. Тогда-то мы уж точно домой не вернемся. Хочешь этого?

— Я тебя не выдам, — жалобно заскулил Бош. — Не с руки мне это, ты же должен понимать. Я все проду-

мал: скажу, что сам себе нечаянно саданул, когда сучки рубил. И мне поверят: какой с меня спрос?

Коля облегченно вздохнул: нет, все-таки парень не в уме. Просто в очередной раз «погнал гусей», и нужно как-то отвлечь его от назойливой мысли. Как-то убедить. И тут к его великой радости вспомнился недавний разговор с Юргеном, чье высказывание он и не замедлил повторить. Слово в слово.

— Вова, нельзя причинять вред своему телу. Грех это перед Богом, большой грех, понял? Потому что тело твое — это храм Божий.

— Чего-о? — сдавленно просипел Бош и ошеломленно округлил глаза. — Чей храм?

Коля увидел его испуг, и, чтобы закрепить успех, поторопился прибегнуть к самому весомому аргументу в зоне: достал тряпицу с хлебом.

— Божий, Вова. Храм для Духа Святого. Ты ведь крещеный?

— Крещеный, — эхом подтвердил Вовка, не сводя замороженного взгляда со свертка в руках у Коли. Он уже ничего не слышал.

— Вот видишь. А разве можно вредить тому, что от Бога?

Вовка, чуть причмокивая, жадно слотнул.

— Ш-што там у тебя?

— Хлебом хочу тебя угостить. На, держи.

Это было большой ошибкой. Если за все время их разговора храп, стоны, бормотанье окружающих не унимались, то стоило ему развернуть тряпицу, как тут

же все стихло. И то сказать: хлеб-то ведь был не тот обычный, что им дают (и где одна половина), а настоящий, с духмяным запахом, тот, который получает начальство, ну и конвойные там, да еще гражданские. Едва он успел подать Вовке ломоть от булки, как тот, мгновенно сунув хлеб за пазуху, дал задний ход, и только его и видели. Даже забыл поблагодарить. А перед Колей выросла фигура мужика с нижних нар с горящими, голодными глазами. Он ничего не просил, а просто смотрел, не отрываясь, на хлеб и, точно так же, как Вовка, причмокивал и шевелил губами. Можно было, конечно, просто отвернуться, и на этом инцидент был бы исчерпан; но жалость волною окатила сердце, и хотя где-то в сознании далеким отголоском мелькнуло предупреждение Августа (тебе день-два продюжить надо!), руки уже сами ломали хлеб. А в проходе уже стояло несколько человек и каждый тянул к нему свою руку. Не прошло и минуты, как он с зажатой в кулаке крохотной корочкой бессильно вытянулся на тюфяке. А еще через секунду барак снова погрузился в свое привычное ночное состояние со стонами, вскриками, бормотаньем.

Коля как можно дольше катал корочку во рту, наслаждаясь ее нежным ароматом, и в непривычной для себя какой-то светлой, безграничной радости переживал только что произошедшее с ним. В радости и удивлении. Удивлении, что нисколько не жалеет, что остался без хлеба. Наоборот: пришедшее только теперь осознание того, что он отдал его таким же, как и сам, голодным, и принесло ему эту радость, ощущение близости со

Христом. Ведь он исполнил Его заповедь. И продюжит ли он эти грядущие «день-два», теперь целиком будет зависеть от Иисуса. «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем». Так вот что имел в виду Юрген, когда читал ему с Августом эти строки из Библии!

Коля зарылся головой в подушку и беззвучно заплакал.

«Господи! — мыслями уносился он ко Христу, — все ли это так, как я думаю? Правильно ли?» И как ответ — снизошедшее на него откуда-то извне нежное, ни с чем не сравнимое благоговение. Будто приподняв над суетой трудармейского бытия обволокло оно его измученные тело и душу ласковыми волнами покоя и умиротворения, унесло прочь заботы и тревогу. И он, будто въяве, почувствовал, как душа, освободившись от тяжелого груза, воспарила куда-то высоко, к самым небесам. Тогда из уст его непрерывным потоком полились слова благодарности Богу. С каждым словом он все больше укреплялся верой в свою причастность к таинству спасения Христова и вскоре заснул глубоким, безмятежным сном, какого не было со дня прибытия в трудармию. Снилось ему вся в солнечных зайчиках речка его незабвенного детства (в ней деревенские пацаны купались до одури с утра и до вечера) и тот пестрый от обилия цветов летний луг с бесчисленными гудящими шмелями и порхающими бабочками необыкновенной красоты. За ними они гонялись с заломанными тут же у заберегов мягкими веточками тальника. И вот в по-

гоне за «пиковой дамой» — так мальчишки называли очень редкую и самую красивую из них, с черными ободками и таким же черным вкраплением в середине нежных бледно-желтых крылышек — он в пылу азарта не заметил края и бултыхнулся с невысокого, но крутого яра в речку.

Полет его не был столь же элегантен, как полет бабочки, да и приводнение наделало много шума. Не успев сгруппироваться, он так плашмя и ударился об воду, то бишь лицом и пузом, чем вызвал у остальных ребятишек одновременно и визг испуга, и легкий смешок. А увидев, что он благополучно отделался, — еще и детский восторг. Смех постепенно нарастал, превращаясь в громкий, грубый хохот, и он, разобиженный до слез, поплыл «вразмашку» на другой берег речки. Но сколько ни махал руками, а течение опять прибывало его к этому месту падения.

* * *

— Ну-ну, размахался, — услышал он чей-то голос, открыл глаза и увидел склонившегося над собой нижнего соседа по нарам. — Вставай, друг, — как-то непривычно мягко сказал тот, — не то завтрак прозеваешь.

Коля соскочил с нар, и еще под впечатлением своих сновидений, словно сомнамбула, по привычке побрел в столовую. Там он съел тарелку жижицы с костлявым рыбьим хвостиком, получил дневную пайку хлеба, и по той же самой привычке заспешил к колонне, направлявшейся на работу.

— Эй, Шмидт, куда тебя понесло? — громко окликнул его бригадир, неожиданно появившийся за его спиной. Но обычного раздражения в голосе Ивана также не чувствовалось, наоборот: в нем были доброжелательные нотки. — Или на радостях совсем с катушек съехал?

Только теперь, заметив на себе еще и косые взгляды мужиков, опомнился Коля и остановился в сомнении. В калейдоскопе памяти один за другим замелькали все события вчерашнего дня. Величественный лес, эшелон с изможденными трудармейцами, нелепая смерть одного из них...

— Что, самому не верится? Ну, это бывает, — нарушил ход его мыслей Иван. Подойдя вплотную, он поспешно сунул Николаю в руку клочок бумаги и просительно заглянул ему в глаза: — Адрес тут мой, Коля. Тебя, я слышал, уже сегодня заберут, так написал бы моим, а? Много не надо: жив, мол, здоров, чего и вам желаю. Ну, и про посылочку бы: дескать, теперь они справно приходиться стали. Да тебе виднее, как писать. Сам-то я ведь неграмотный. Напишешь?

— Напишу, дядь Ваня.

— Ну, вот и хорошо. Может, и выкроит что моя жена. Хотя, сами, наверное, сидят впроголодь. У меня ведь «семеро по лавкам», как горох, мал мала меньше. — Иван тяжело вздохнул, и как бы оправдывая такую просьбу, продолжил: — Да разве бы я просил? Конечно, нет, но чую: что-то плоховато мне становится.

— Тебе бы Богу помолиться, дядя Ваня. Он по-может, — убежденно сказал Коля.

— Нет, Коля, — снова вздохнул Фогт. — Поздно мне Бога просить. Раньше надо было. Вон как твой Берг. Тогда бы другое дело. Тогда бы и надеяться можно было. А так... А-а-а, чего там говорить, — махнул он рукой и заторопился: — Ты это, зла на меня не держи, если че не по пути было.

— Да я и не держал никогда. А теперь и вовсе какое зло может быть.

— Вот это и ладно. Тогда не забывай нас, — просветлел лицом Иван, и уже на ходу к колонне выкрикнул: — Бергу передай, чтобы выздоравливал. Скажи, что худо, мол, мне без него.

— Я передам.

Колонну повели за ворота, а Коля медленно побрел в барак. Несколько трудармейцев с ночной смены сидели на нарах и, наизнанку вывернув рубахи, усердно выискивали и ногтями давили вшей. Первым делом он запрятал хлеб в прорезь тюфяка, потом очень осторожно, словно боясь расплескать свои видения, прилег и уставился в потолок немигающим взглядом. «Господи, неужели все это правда? Неужели все это происходит со мною? А если правда, то когда придут за мной?»

В грустном размышлении он вновь переживал все перипетии прошлого дня. Перед глазами то и дело возникал тот умерший на его глазах безвинный страдалец: он стоял и тянул к людям свои руки. Разобрать лица несчастного было невозможно — оно сливалось в одно неясное, сплошное пятно, но его виноватая улыбка угадывалась даже и тут. И Коля в воображении успевал

подбежать, подхватить его, бережно опустить на землю и строго, как тот капитан, взглянуть на конвоира. Но дальше этого дело не шло. Страдалец оставался неподвижным, как и запечатлелось в его памяти в тот страшный момент. Потом память озарил светлый миг покаяния, и ошеломляющая радость души от осознания Христова спасения охватила все его существо, живой струей разлилась по всему телу и полностью отрешила от мира. На долгое время впал он в пограничное состояние между сном и явью; все, что происходило вокруг, воспринималось, как нечто аморфное, не имеющее к нему никакого отношения.

Монотонная беседа мужиков, воюющих со вшами, плавно переросла в какую-то возбужденную суету в бараке: как бы в отдалении слышался ему топот босых ног по полу, и скрип то и дело открывающихся дверей барака, а отдельные вскрики и восклицания, на мгновения выбиваясь из общего слитного говора, не нарушали его обычного гула. Из всего этого гомона он четко разбирал только одно словосочетание, которое о чем-то напоминало ему, но как он ни силился, не мог вспомнить, о чем. Оно лишь настораживало его, так как он улавливал только звук, но не мог уловить смысла. Потом все стихло, и лишь редкое шарканье тех же босых ног да равномерное теньканье капель, срывающихся из крана бачка в жестяной таз напоминало о жизни в бараке. Но вот откуда-то изнутри стала подниматься смутная тревога. Нежеланная и неясная, она, постепенно нарастая, лишила его духовного комфорта; он сел и с

беспокойством огляделся. Да нет, вроде бы все, как обычно. Сколько мог, он напрягал слух — и вот до него вновь донеслось то словосочетание: «Босая команда», и оно тут же болью отозвалось в его мозгу, материализовалось и обрело внятные очертания: «Босая команда!» Вовка Бош! Как же я забыл о нем!»

Коля кубарем скатился с нар, вынул хлеб из заначки и заторопился к выходу. Но у самых дверей нос к носу столкнулся с дежурным офицером.

— А-а, еще один сачок, — смерил тот его оценивающим взглядом и оглянулся на сопровождающего солдата. — Давай, веди его ко мне, пока я тут с остальными разберусь. — И направился к притихшим трудармейцам.

— Пошли, — коротко бросил конвоир, пропуская Колю вперед себя, но тот не двинулся с места.

— Меня же отстранили от работ, — напомнил он лейтенанту. — По распоряжению майора Рюхина. Вам должны были передать об этом. А что до тех, — он кивнул в сторону мужиков, — то они с ночной смены.

При упоминании Рюхина лейтенант на мгновение заколебался, но тут же постарался сделать вид, что и сам он не лыком шит, и чьи-то распоряжения ему «до лампочки».

— Ладно, там разберемся, кто чего распорядился, — раздраженно буркнул он. — А об остальных — не твоего ума дело. Топай, куда велят.

Конвоир легонько подтолкнул рукой: давай, мол, не задерживай.

— Лейтенант не в курсе насчет тебя, — пробубнил он уже на ходу в спину Николаю. — Он только что заступил. А я еще со вчера о тебе наслышан.

— Так что ж ты ему не сказал?

— Ага, щас! Оно мне надо? А вдруг какая перемена об этом уже была — кто в дураках останется? Вот то-то и оно. Поперед батьки в пекло лезть мне не с руки. Вот сам о себе ему и доложишь.

Уже у самого штабного барака навстречу им вышел сержант Степан Машков. Коля хорошо знал его: за добрый, незлобивый характер все называли его просто Степой.

— А-а, уже ведешь. Прямо, как будто знал, что я за ним иду, — расплылся он в довольной улыбке и махнул конвоиру. — Все, можешь идти. Тут его уже посыльный от доктора дожидает. — И, похлопав Николая по плечу, предупредил: — Если что есть взять с собой — воротись и заberi.

Коля вполне понятно развел руками: дескать, все мое ношу с собой.

— Ну, тогда пошли. Мне тоже велено сопровождать тебя. Далековато пешком придется идти. Вроде как по этапу. Выдюжишь?

Коля вопроса как и не слышал. Известие об отправке оживило его.

— Слушай, Степа, мне бы тогда с одним парнем тут попрощаться, а?

— Это с каким? — приостановился сержант. — Уж не с тем ли придурком из «босой команды»?

— Ну, да, с ним, — остановился и Коля. — С Бошем.

— Тогда считай, что уже попрощался, — неопределенно хмыкнул Машков и пояснил: — Увезли его на машине в Гурьевск. Как-то еще погодилась она тут на его счастье. — Немного помолчал и буркнул: — Или наоборот, к несчастью. Может, тут-то быстрее бы отмучился. Зато нам придется топтать пешком. Ну, да нам не привыкать, а?

— А ш-што с ним? — похолодел от догадки Коля. Больше всего он боялся услышать как раз то, что и озвучил Степан.

— Руку он себе топором отрубил. Прямо у запястья напрочь отсек. А ты чего это так посунулся? Родня он тебе, что ли?

— Да нет, — Колю охватил озноб. Ноги стали ватными. — Просто друг.

— А если просто, чего же трясешься?

— Дак неожиданно как-то. Жалко мне его.

— Всех жалко, — согласился сержант. — Но этот сам себе беду накликать. Даже если и выживет, в расход пустить могут за дезертирство. Разве что как недоумку попустят, так это уж от врачей зависит. Как они решат, так и будет.

* * *

Через какой-нибудь час Коля уже в третий раз брел по той самой дороге в тайге к поселковой больнице в сопровождении посыльного Ветрова и сержанта Машкова. Зачем они были к нему приставлены, толком не

знал ни он, ни сами конвоиры. Человека на должность определили, он и сам с радостью туда бы добежал, а его ведут, будто на каторгу. Но — субординация! Куда от нее денешься: приказано, вот и сопровождают.

В дороге Коля сам ни разу не заговорил с солдатами, а если они что и спрашивали его, то отвечал односложно. Радость предстоящего по сути избавления от неминуемой своей смерти омрачалась трагедией, случившейся с Вовкой. Все его мысли были о Боше, и он не переставал корить себя, что не поверил в серьезность его намерений. Что попросту, как теперь казалось ему, постарался отделаться от парня, и не озаботился его судьбой. Он так и брел впереди конвоя, машинально переставляя ноги и не обращая внимания на ту таежную красоту, которая только вчера еще так радовала глаз.

«Зачем он это сделал? — не переставал он спрашивать себя. — Выходит, он-таки притворялся дурачком? И в этой попытке облегчить свою участь, на самом деле обрек себя на еще большие страдания, потому что испытывал двойной гнет; кроме голода, над ним довлела еще и угроза разоблачения. А значит, и переживал он вдвое больше любого трудармейца?»

И еще казалось Коле, что прояви он побольше участия да приведи более убедительные слова, не решился бы Бош искалечить себя. Но вот же не привел, не проявил. И то, что не успел не оправдание. Больше того: он не просто не успел, а забыл о Вовке. Хотя, конечно же, тут каждый думает только о том, как выжить самому, но ведь есть и такие, как Юрген. И именно к

ним Николай теперь причислял себя после того, как на собственном опыте познал, какое это благословение — прийти ко Христу.

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!» Именно это и ощутил он, приняв Христа в свое сердце: столь вожделенный покой и умиротворенность души. И поверил в неодолимую силу Его слова. Оттого возникло еще и сильное удивление: «Да как же люди не понимают этой простой истины?» — И следом не меньшее недоумение: «Да что другие! А сам-то, сам! Как мог я не понимать этого? Ведь это так очевидно!» Эта очевидность и будила в нем страстное желание поведать о спасении всем, кто еще не слышал о нем. Или слышал, но не смог открыть своего сердца Благой вести. Поведать немедленно, не откладывая в долгий ящик, о чем и говорил ему Юрген.

«Ты обрел Христово спасение, не держи его втуне, но возвещай о нем, неси его теперь и другим людям. Говори о Христе, благовествуй Его спасение таким же обделенным и униженным, как и ты сам, — напутствовал его Берг. — И в этом найдешь свое счастье.»

Мало-помалу Коля успокаивался, и вот уже очнулся и, наконец, расслышал, о чем говорят между собой его конвоиры. Давно махнув рукой на неразговорчивого подопечного, они коротали путь, негромко болтая о чем-то своем. Вернее, говорил Иван Ветров, тот посылный, и говорил без умолку, что-то доказывая, а Степан больше слушал, и то согласно кивал головой, то мимикой выражал явное сомнение, и лишь изредка

вставлял пару слов. Разговор шел, как понял Коля, о ком-то из трудармейцев. Потом и вовсе понял, о ком.

— Да не от него я это знаю, Степа, — уверял Ветров своего напарника. — Из него и слова на этот счет не вытянешь. Он же го-ордый.

— А от кого же, Ваня?

— Сам доктор рассказывал, что Шталя сняли с фронта. Семен Ильич даже проговорился, что если бы, мол, он не был первоклассным воякой, то наше начальство уже давно бы сожрало его. А так, мол, побаиваются. У него наград — знаешь сколько? О-о, брат, на всю грудь. За него даже та-ам — Иван показал пальцем вверх — могут вступиться, чуешь? К тому же он коммунист, и об этом все знают. Оттого-то, мол, и сходит ему многое с рук. Говорят, он как-то самого майора Рюхина послал куда подальше — и ничего ему. Как с гуся вода.

— Ну, это уж ты хватил, — перебил Машков. — Чтобы кто-то мог Рюхина... Чушь какая-то. Да майор любого с потрохами съест, попробуй только вякни что против него. А ты — «посла-ал»! Придумал тоже.

— Не веришь — прими за сказку, — обиделся Иван. — Только в штабе все знают, что Рюхин подготавливает мужиков писать на него доносы. И находятся такие, что пишут. За пайку хлеба. Правда, ходу тем доносам пока не дают. Но я сам слышал, как майор грозился вывести его на чистую воду.

«Я, — говорит, — устрою ему разбор полетов. Это ему не на фронте, где он мог за орденами прятаться. Тут я крылья ему быстро пообломаю.»

При этих словах Коля невольно вздрогнул и приостановился. Ему сразу же вспомнилась та угроза майора в адрес Августа, смысла которой он тогда не понял. Так вот какой «разбор полетов» имелся в виду. Ветров заметил его обеспокоенность, упредительно приставил палец к губам и шепнул товарищу:

— Э-э, Степа, а парень-то наш, похоже, не так-то и глуховат. — И к Николаю: — Ну, что встал, как вкопанный? Аль услышал чего для себя, а?

Коля отрицательно мотнул головой:

— Пристал я маленько. Отдохнуть бы.

Произнес просто так, чтобы не выдать своего интереса к их беседе, но тут же почувствовал, что действительно мертвецки устал: ноги прямо гудели от усталости.

— И то правда, — поддержал его Степан. — Вон уж сколько отмахали. Да и парня пожалеть надо — дохлый ведь совсем. Хоть бы живого довести. Давай, Ваня, перекурим это дело. — И, не дожидаясь реакции напарника, присел на поваленную у дороги объемистую осину.

Иван тоже был не против отдыха.

— Как скажешь, — с готовностью согласился он. — И перекурить, и водички испить бы не грех. Место мне знакомое, тут родничок где-то рядом должен быть. Водичка в нем — м-м-м. Мечта! Пойду, посмотрю. — Он скинул вещмешок, достал из него солдатский котелок и шагнул с дороги в глубь леса.

— Да ты садись, — провожая его взглядом, предложил сержант Николаю. Говорил он нарочито громко. — Ну, что, закуришь? А то у меня табак хороший.

— Не-е, — примостился Коля на пеньке напротив, — не курю я.

— Это хорошо, — одобрил Степан. — А я вот никак не брошу эту гадость. И знаю, что гроблю себя, а поделать ничего не могу. — И, проследив, что Иван отошел достаточно далеко, наклонился и без всякой связи с предыдущим уже потише спросил: — А Берг Юрген тебе кто будет?

— Земляк он мой.

— Ни брат ни сват?

— Не-е.

— Да как это? У вас же, немцев, все поголовно в родне.

— Родственников у нас много, это правда. Но у меня тут только один дядя. Фель его фамилия, может, знаешь такого?

— Слышал. И видел его на днях. Он тоже сам себя приговорил. Как и этот сегодняшней твой кореш из «босой команды». — Машков, достав кисет, свернул сигарку, но не закурил, а только тяжело вздохнул: — Говорят, он и так-то небольшого ума-разума был, а от голода и вовсе его лишился. Это же надо: отсечь себе руку. Да, голод не тетка, люди правильно подметили. Из-за него каким угодно зверем можно стать. И волком, и лисой, да кем угодно. Но чтобы себя изувечить... Впрочем, все лучше, чем стать «дятлом».

— Дятлом?

— Ага. Стукачом. Тем, кто родного человека готов продать за осьмушку хлеба. Такому это раз плюнуть. Подлецом, конечно, никто не рождается, но предав од-

нажды, человек уже не может отказаться и от очередного предложения. А попробуй откажись, так припугнут, что и без всякого хлеба уже напишешь все, что прикажут. И в этой попытке выжить любой ценой они, как правило, погибают намного чаще, чем те, кто не идет на сделку с совестью.

Говоря, Степан не сводил глаз с Николая, и тот лихо-радочно соображал, для чего ему все это рассказывают. Только что он случайно подслушал об этом, теперь вот Машков специально акцентирует его внимание. Сержант, похоже, уловил его сомнения:

— Гадаешь, зачем я это тебе говорю?

Коля смущенно улыбнулся, а Степан еще больше понизил голос.

— Говорю для того, чтобы ты знал, паря, у кого ты будешь работать. У меня нет никаких сомнений, что Рюхин и тебя попробует использовать против летчика. Слышишь меня, нет? Вот и ладно. Видишь ли, я знаю Августа еще с тридцать седьмого; он уже тогда летчиком-асом числился, а я в том же полку механиком был. Однажды на испытаниях чуть не разбился самолет, который я готовил к полету. А вместо Шталя в тот день вдруг полетел другой парень. По чьему приказу, до сих пор не выяснено, но было именно так. Все же тот пилот дотянул до полосы аэродрома, и сел «на брюхо». Ну, нас всех, в том числе и Августа, и притянули к делу. Вернее, даже его в первую очередь. Только меня быстро, всего через год, выпустили, а его, видимо, по той причине, что он немец, три года промурыжили в

тюрьме. Потом, уже за год до войны тоже оправдали. И вот встретились мы здесь, но никому по понятным причинам наше знакомство не афишируем. И перед Иваном сейчас я делаю вид, будто в неведении. А с тобой так откровенен, потому что Август мне вчера вечером о вас с Бергом рассказал. Дескать, люди надежные, верующие.

— Так ты — верующий? — не удержался от восклицания Коля, и закрыл рот ладошкой. Понял, что оплошал, увидев, как встрепенулся в испуге Степан. Но Ветрова поблизости не было, и оба облегченно вздохнули.

— Будь с ним поосторожнее, — предупредил Машков, кивнув головой в сторону леса. — Этот тип умеет разговорить человека своим вроде бы состраданием. Или даже недовольством в адрес начальства. Прознал что-то про нас с Августом, вот и лезет в душу. Все вынюхивает настроения людей, потом стучит наверх. То ли на отпуск, то ли на лычку зарабатывает. У нас про таких говорят: «Мягко стелет, да жестко спать». Провокатор, в общем. А что до того, верующий ли я... — Он помолчал, огладил сигарку пальцами, словно взвешивая, стоит ли отвечать на вопрос. Потом решил: — У меня, Коля, вся семья была верующей. Кроме меня, обормота. Отец мой дьяконом в церкви служил, мать дома — по хозяйству. Оно у нас, не сказать чтобы большое, но для прожития хватало. Я в семье шестым был. Один, кого в семье баловали, оттого и мог себе позволить не верить. Один теперь и остался. — Голос Степана предательски дрогнул: — Всех моих братьев и сестричку,

а в последнюю очередь и маму, подгрехала смертонька под одну гребенку. Случилась на нас такая напасть уже после того, как отец сгинул в застенках тюрем. Вместе с попом-батюшкой их расстреляли. Хозяйство, понятно, конфисковали. Один только дом и оставили. А потом — голод. Свирепый тот мор острой косою по всей Украине прошелся. Никого не щадил. Ни-ко-го, — чуть покачиваясь всем корпусом, медленно расставлял он слова. На какое-то мгновение Коле показалось, что он говорит это только для себя, настолько отсутствующим был его взгляд. Погрузившись в горестные воспоминания, он вроде и смотрел на Николая, но не видел его. Потом сам же вздрогнул от наступившей паузы, и в удивлении мотнул головой:

— Да как-то в нашей деревне еще до людоедства не дошло. А ведь оно было! Было, друг ты мой, и такое в соседних районах. Только вспоминать не хочется — больно страшно это. И вот лишь теперь я задумался, для чего меня Господь в живых оставил. Мама мне всегда сказывала, что когда-то я пойму это. Потому что, мол, несмотря ни на что, Христовый ты у меня, ибо только Он дал мне силы выносить тебя.

Степан настороженно повертел головой и снова склонился к Николаю.

— Врачи-то предлагали ей избавиться от ребенка, предрекали, что помрет она вместе с ним при родах. Но они с отцом не поддались на уговоры и страх тот преодолели. Все возложили на Христа. И Иисус по молитвам их дал им сил и ума устоять против этого

соблазна. Поэтому она так любила повторять, что уж коли Сам Христос допустил мне появиться на свет, то не оставит милостью Своею и по жизни. И ты, мол, увидишь Его благодать, когда обратишься к Нему.

Машков, наконец, закурил, и выпустив колечко дыма, продолжил:

— Я все размышлял над этими словами последнее время, а тут Август сообщает о вас. Верно, мол, таких верующих ты искал. Чтобы не только крестик носить, а еще и Христа в сердце иметь. Значит, я так думаю, что должно было нам встретиться. Хочу побольше о Христе услышать, да понять, что к чему. Освежить в памяти все, что с детства о Нем слышал.

— Вам бы с дядей Юргеном успеть поговорить, — мечтательно произнес Коля. — Он много может о Христе рассказать.

— Думаю, что успею. На то я и вызвался сегодня тебя сопровождать. В том, что Бог слышит нас, я, можно сказать, удостоверился. Потому что все как-то одно к одному пошло. Смотри: я уже, было, совсем отчаялся выбраться отсюда — ну, нет сил моих видеть такие издевательства над людьми. Тут место только таким, как Рюхин. Или вот этот Иван. Но сколько прошений ни посылал об отправке на фронт, никакого толку. Сказывается, наверное, та судимость, хоть и оправдали после. А вот как насмелился помолиться Богу, чтобы вызволил Он меня отсюда, так на днях приказ и пришел. И ясно указано: направить в действующую часть. Да еще и в авиацию, по специальности. Самолетов,

говорят, много прибавилось, а услуги не хватает. Уже и документы мои ушли, так что не сегодня-завтра покину я эти края. Стал я Бога благодарить, а Он мне тут же о вас весточку прислал с Августом. Ну, как же мне это не знамение? Ясно, что знамение. И радость мне, что есть кому помолиться за мое будущее. Помолитесь ведь с Бергом, а?

Коля с готовностью кивнул, но ответить не успел, так как из лесу послышался хруст валежника под ногами приближающегося Ивана. Степан, скрестив руки показал, что разговор окончен.

— Ну, нашел чего искал? — встретил он посыльного.

— Нашел, едва ушел, — весело откликнулся Иван. — На вот, испей водицы салаирской. Это как живая вода. Попьешь и силенок прибавится.

— Да у меня их и так, хоть отбавляй, — пошутил сержант. — Дай вон сперва лучше парню. Пусть освежится.

— Отчего ж не дать, пусть пьет, — протянул Иван котелок Коле. И когда тот сделал несколько глотков, спросил: — Ну, как?

Вода была настолько холодной, что у Коли захватило дух, свело скулы и заныли десны. Но эффект от нее был мгновенный: будто свежая струя разогнала застоявшуюся кровь и взбодрила уставшие мышцы.

— У-ух, — выдохнул он, удивленно вытаращив глаза. — Вот это да!

— А что я говорил? — победно взглянул на обоих Ветров. — Да пей еще, пользуйся моментом. А то потом в своей канцелярии такой-то уже не увидишь. Будешь

довольствоваться тухлой из бачка. Правильно я говорю, Степа? В городе-то, разве вода?

— Да где там, — согласился сержант. Он тоже отпил из котелка и одобрительно крякнул: — Городская с этой и рядом не стояла. Но вода водой, а пора и топать. Так что, подъем, ребята.

* * *

Семен Ильич радушно встретил их еще во дворе и тут же провел Николая в свой кабинет.

— Я немного посвоевольничал, — откровенно признался он, — и вызвал тебя пораньше. Пока там суть да дело, пока они насчет тебя согласуют, ты у меня уже и закончишь. В общем, где паек получать, ты уже знаешь, а спать будешь в палате. Потом покажу, в какой. Давай, милоч, вот эту стопку карточек срочно перепиши, а я через час-другой загляну.

Но «заглянул» он уже поздно вечером, и просмотрев несколько карточек, удовлетворенно потер руки:

— Молодцом. Просто молодцом.

— А-а, это... — просительно взглянул на него Коля.

— К Бергу сегодня уже нельзя, поздно, — покачал головой доктор. — Вымучился мужик за ночь, но все равно держится молодцом. Что-то тянутся к нему люди: вон и этот твой конвоир Машков долго сидел у него. — И, понизив голос, доверительно шепнул: — А только что я сделал ему очередной укол. Успокаивающий. Поэтому увидите завтра.

На следующий день он разрешил Коле навестить

Юргена. С двояким чувством шел Коля по скрипучим половицам коридора. Как ни просил его Берг не винить себя, а радость от неожиданного поворота в судьбе омрачалась именно этим чувством вины. Но стоило зайти в палату, и тягость сомнений как рукой сняло. На лице Юргена были написаны такое трепетное ожидание и неподдельная радость от встречи, что заготовленные Колей признания вины улетучились сами собой. Тем более, что Берг буквально засыпал его вопросами. Можно было подумать, что боли его уже прошли, если бы не невольные, время от времени, мучительные гримасы, отражавшиеся на его лице.

— Ну, как, уже работаешь? Справляешься? Доктор, пока перевязывал, говорил, что скоро уже заберут тебя в штаб. Дак как, готов?

— Наверное, — теперь уже со вздохом облегчения, не боясь обидеть больного, просиял Коля, и вспомнил слова Августа: — Пригодилась, наконец-то, моя грамота. Спасибо родителям. Не зря учили. У тебя-то как, дядь Юра?

— На мне, Коля, как на собаке заживет. Я живучий. Меня вон в детстве телега переехала, да так, что все уже хоронить собирались, а я выжил. Бога вместе с мамой просили — и выжил. Мама и сама молилась, и меня учила. Правда, неприлюдно. Ну, а ты, стало быть, думаешь, благодаря грамоте взяли тебя?

— Ну, да. Из-за чего же больше?

— Да нет, я это просто так, к слову. Славно все получилось.

— Для меня-то, может, и славно, а тебе — беда. Совестно мне, дядь Юра. Все равно как-то неладно вышло.

— Наоборот, ладно! Потому что не всегда, Коля, по жизни одни радостные дни. Господь допускает и страдания. Недаром слово Божье гласит: «Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». А раз все, значит, я и это с благодарностью должен принять. Как любящий Бога. Тем более, что в страдании-то моем как раз и заложена радость безмерная. А как же! Ведь Сам Господь проявил ко мне благоволение. Ну, что так смотришь? Непонятно?

— Да какая же радость в страдании может быть, когда боли вон у тебя? Я же вижу. В чем же тут благоволение?

— Оно в том, что ты покайся и признал себя грешником перед Богом. И это не только моя радость, и даже не столько моя. Это радость до самых небес. «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.» Это сказал Сам Христос. И по-моему, Он не просто принял тебя, а еще и быстро распорядился твоей судьбой. Ну, так почему же тогда не радоваться и мне?

— Кажется, я понял, — в некоторой оторопи прошептал Коля. — То есть... то есть, грамота тут ни причем?

— А подумай. Сопоставь-ка все. Грамотных-то в зоне не ты один, а?

В памяти Николая тут же возникло лицо Вовки Боша и его горькое: «...почему не меня? Все нутро переворачивает». Он по-детски беспомощно взглянул на Берга, и губы его тронула виноватая улыбка:

— Так это от Бога? А я... я об этом и не подумал, — бесхитростно пробормотал он, и эта его наивность показала, что лицемерить парень не умеет. — Как же это я... Значит, я согрешил пред Богом? — в глазах его блеснул страх, и Юрген заметил это.

— Это хорошо, что ты боишься Бога, — сказал он, откинулся на подушку и прикрыл глаза. — Вот послушай: «Страх Господен научает мудрости... Кто надеется на себя, тот глуп, а кто ходит в мудрости, тот будет цел». Все это — Библия, дорогой. И коли уж понял свой промах, поспеши его исправить и начни благодарить Господа за эту милость. Ты ведь помнишь, о чем я просил тебя?

— Помню, дядь Юрген. Молиться не переставая?

— Именно, Коля. Не переставая. Где бы ты ни был и что бы ни делал. И сделай это прямо сейчас.

— Я понял, — прошептал Коля и опустился на колени подле койки: — Господи! Никогда больше не стану собой хвалиться. Прости меня, Господи, и помилуй. И поверь: ни-ко-гда! — И снова почувствовал, что Бог его слышит, и верит, и в охватившем его благоговении заплакал. — Дай, Господи, выздоровления дорогому дяде Юргену. — Он запнулся и, чуть помедлив, поправился: — Моему брату во Христе.

Он продолжал молиться, а Юрген, не открывая глаз,

прославлял этот миг. Он ведь так долго ждал этих слов от Коли.

«Так, Господи. Так Ты научаешь нас, неразумных, и наставляешь на путь Свой. Путь единственный и истинный, — думал он. — И я теперь спокоен за это Твое дитя. Да прославится имя Твое, Господь мой, вовеки!»

Если бы кто-то сейчас заглянул в палату, то увидел бы, что больной уснул, скрестив руки на груди, а подле койки на коленях стоит посетитель. Именно это и увидел Август, забежавший в больницу на пару минут. Он сразу оценил неординарную ситуацию и неловко замялся, чувствуя, что мешает таинству молитвы. Но время поджимало, и он тихонько кашлянул. Парень, однако, не встрепенулся, как того можно было ожидать, а лишь медленно отнял руки от лица и приподнялся. И Шталь увидел его лицо, которое буквально светилось счастьем. Его нельзя было перепутать ни с каким другим чувством, несмотря на катящиеся по щекам слезы.

«Наверное, это то, что Юрген называл блаженством, — припомнил Август. — Как он тогда сказал: „Блаженны нищие духом...“»? Да, точно. Видимо, это оно и есть. И нищий — дальше некуда, и духу столько, что аж светится!»

А ведь совсем недавно Август, впервые увидев пациента, мысленно записал его в покойники — настолько четкой была печать смерти на его лице. И вдруг — вот это блаженство. Воистину блаженство нищего духом. Что-то надломилось в душе у битого-перебитого жизнью летчика. До начала войны он вместе с другими

однополчанами успел, как мы уже знаем, отсидеть три года по сфабрикованному делу. И одного из его лучших друзей расстреляли. Его не успели: реабилитировали сразу же после ареста Ежова, и с первых дней войны он снова в строю.

Но уже в начале сорок второго его, командира эскадрильи, любимца всего летного состава, прошедшего суровую закалку боями, сняли с фронта и отправили в тыл, несмотря на многочисленные награды. Сколько он ни писал, какие пороги только ни обивал в надежде вернуться на фронт — везде наткнулся на глухую стену непонимания. И даже враждебности. А еще через два месяца — повестка в военкомат и... «трудармия». Слово, которое, конечно же, нельзя писать без кавычек. Ибо это была изошренная в своей жестокости каторга. Даже зэки жили в лучших условиях, чем трудармейцы. И хоть он ни перед кем и не склонил головы, но вся атмосфера, весь быт ожесточили его сердце. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Да и жил он уже теперь только по инерции.

И вот этот паренек с потухшим взглядом и печатью обреченности на челе, меняясь на глазах, пробудил в нем дремавшие до поры его помыслы о Боге. Он видел, как из слабого духом и телом Коля, поощряемый Бергом, превращался в сильного духом жизнелюба; в человека, познавшего радость Христова спасения. И это было результатом его покаяния. Как бы то ни было, но Августа все больше тянуло к этим двум верующим.

Думая, что Юрген спит, он поманил Колю пальцем к двери.

— Так ты уже здесь? — тихо спросил он и передал какие-то свертки: — Тогда это вам обоим. Я выменял на папиросы. Как Юрген? Лучше?

— Спасибо, Август, — донесся до него голос Берга. — С такими друзьями и болеть-то грех. Спасибо тебе за заботу.

— Да какая там забота, скажешь тоже, — пожал плечами Август. — Так, мимоходом. — Он неловко потоптался. — Ты вот, давай выздоравливай. А то у меня к тебе вопросов накопилось.

— Если те же, что у Машкова, — тихо сказал Юрген, — то мы вчера с ним вдоволь обсудили.

— Понял, — широко улыбнулся летчик. — Спасибо тебе. Ты даже не знаешь, какое огромное спасибо. Ну, а теперь извиняйте, мужики, побежал я. — И спохватился: — Да, Коля, а тебя когда в штаб переводят?

— Точно не знаю. Врач говорит, что все от Рюхина зависит.

— Раз ты ему нужен, значит, все будет в ажуре. Ну что ж, бывайте!

— Бывай и ты, — пересиливая боль, улыбнулся Юрген.

Уже в дверях Август обернулся к Коле:

— Если еще увидишь Степана, передай от меня привет. А то мы с ним все никак не состыкуемся: он — туда, я — сюда.

— Я передам, — пообещал Коля и, когда Август

ушел, тихо спросил Берга: — Так ты все про него теперь знаешь?

— Я и раньше кое-что о нем знал. Сейчас у него обида на весь мир за то, как с ним несправедливо обошлись. И забыть ее он сможет только, когда придет к Богу. Тогда Господь и вылечит его.

— Мой дядька тоже просил, чтобы ты не обижался на него, — вспомнил Коля. — Пусть, говорит, Берг простит меня за все.

— Бог простит, Коля. А я никогда на него и не обижался. Я и сейчас о нем молюсь. И знаешь, чувствую, что Господь сведет еще меня с ним. Вот прямо уверенность какая-то, что свидимся еще на этом свете.

— Хорошо бы это было, а то ведь он уже совсем дошел, — вздохнул Коля и заторопился: — Ну, так я пойду?

— Иди с Богом. Не стоит испытывать терпение начальства. Надеюсь, еще встретимся. Есть такое желание?

— Ну-у, ты еще спрашиваешь, дядь Юра, — прощаясь, с укором протянул Коля. — Конечно, встретимся. Какие наши годы!

Он с таким оптимизмом произнес эту фразу, что Юрген невольно улыбнулся. Набирающая силу жажда жизни просто зримо ощущалась в молодом парне. От того, прежнего, Николая, смирившегося с мыслью о неизбежной смерти, не осталось и следа.

— Вот ты и ожил, Коля, — пробормотал Юрген ему вслед. В голосе его к радости примешивалась тихая

грусть. — А ведь немислимо даже было представить, что в тебе произойдет такая перемена? Да, что невозможно человеку, то возможно Богу. Слава Ему!

И, покачав головой, хмыкнул:

— Это же надо: «какие наши годы?»

Через несколько дней Коля распрощался с ним и убыл в расположение штаба. Впервые в жизни он проехался на «легковушке» вместе с вернувшимся майором. Только вот, к удивлению последнего, большого восторга парень от уникальной возможности — прокатиться на машине, да еще и с самим Рюхиным! — не выказал. Как и по дороге из зоны в лазарет, выглядел он подавленным. Еще утром доктор посвятил его в то, что состояние Юргена угрожающее, и вполне может статься, что у него отнимут ногу. Берг, конечно, стоически скрывает свою боль от постороннего глаза, но это может ввести в заблуждение кого угодно, только не Шпеллера. В то же время врач преклоняется перед силой воли Берга и сделает все возможное, чтобы спасти его. Напоследок он строго наказал парню не говорить на эту тему ни с Юргеном, ни с кем другим. Вот на такой, не совсем утешительной ноте их разговор и закончился.

Теперь Шпеллер сидел впереди, рядом с Рюхиным, самолично управлявшим «эмкой», и оба оживленно обсуждали дела на фронте, строили планы послевоенной жизни. В конце концов коснулись и предстоящего освидетельствования Вальдемара Боша. На притихшего взади трудармейца Шмидта они уже не обращали никакого внимания.

Забегая вперед, скажем, что Боша так и признали несмысленным и комиссовали в связи с инвалидностью. Именно у Николая, уже работавшего в штабе, он и получал увольнительные документы. Ни словом не обмолвились они в течение всей процедуры, и лишь отдав все бумаги, Коля взглянул на Вовку.

— Доволен? — только и спросил тихо.

Вовка непроизвольно вздрогнул, и на мгновение в глазах его блеснул испуг. Но тут же дурашливо засмеялся, потрясая культей перед носом Коли.

— Нету рученьки, нету. Мыши отъели, чтоб им.... — и грязно выругался.

— Ну, тогда счастливо добраться до дому. Дай Бог тебе хорошей дороги. Прощай, Вальдемар.

Хихикнул в ответ инвалид, только глаза совсем не смешливыми остались. А у порога столкнулся с Рюхиным, обернулся к Коле, на всякий случай показал язык и проблеял: «Бе-э-э». Ну, дурак дураком, что с него возьмешь.

* * *

Не все больные в лазарете находились в таком «привилегированном положении», как Берг. То, что в палате, рассчитанной на троих, Юрген был один, объяснялось исключительно причиной отсутствия больных среди команды надзирателей. Ну, так кому ж охота болеть в разгар лета! В других же палатах иногда ютилось по восемь-девять человек, а эта была как бы спецпалата. И попал он туда, как выяснил Коля, только благодаря

личной инициативе Шпеллера. Отношение доктора к верующим вообще было каким-то особенным, можно сказать, участливым. И выглядело это тем более странным, поскольку сам он верующим не был. Да и быть не мог по определению. Просто, как он однажды признался, ему всегда по душе были люди, не ищущие корысти, а таковых он видел только среди верующих. Берг же с самого начала вызвал в нем симпатию еще и своим неординарным, безграничным терпением к боли и безусловной верой в Бога. Верой, которую он, в отличие от других, совсем не скрывал, что уже сильно смахивало на полное пренебрежение к мерам, которые к нему могла применить власть. И за что он мог поплатиться. Однако он буквально во всем полагался на Бога, в том числе и на Его защиту от той самой власти. А это уже было больше, чем просто безрассудство.

Откуда у малограмотного трудармейца такая убежденность — именно это и хотел понять Семен Ильич. Он их встречал по жизни, этих истинно верующих, преданных Богу людей; встречал еще задолго до войны, в ту пору, когда по всей стране свободно проводились религиозные дебаты между представителями различных конфессий. И хоть о Библии имел отдаленное представление, все же, будучи наполовину евреем, краем уха слышал от бывавших в их доме ортодоксов, что Христос — не то великий мистификатор, не то и вовсе обманщик. Им, степенным, благообразным, важно рассуждающим о Торе, он доверял больше, и христиан, особенно тех, кто проповедовал живого Бога, изначально считал фа-

натиками. Недалекими, приземленными человечками, которых более умные проповедники одурачили глупыми баснями о Христе, чтобы жить-поживать за их счет. Но близко сойдясь однажды с одним из таких служителей Божьих, неожиданно открыл, что ни о какой выгоде для себя те и не помышляют. Больше того, даже сама мысль об этом для них — тяжкий грех. Главным же потрясением оказались стихи, которые процитировал ему тот проповедник. Ну, будто знал он его, Шпеллера, особое мнение и о Боге, и о Библии, что привел именно эти слова апостола Петра: «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велепной славы принесся к Нему такой глас: „Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение“. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на Святой горе».

Не зная Библии, Семен (молодой тогда еще врач), был однако прекрасно осведомлен в том, что произнести такие слова в древнем Израиле можно было лишь при наличии доказательств. Если таковых не было, оратора тут же бы побили камнями: шутить такими вещами у набожных евреев было непозволительно. В общем, внес проповедник в его душу сумятицу, подвигнув к чтению Библии. И кто знает, чем бы закончилось его знакомство с ней, если бы не начавшиеся гонения на верующих. Это немного остудило его. Да и в планы его вполне благополучных родителей, кои заподозрили

в нем некое вольнодумство, не входила перспектива оказаться родственниками заключенного. Поэтому они сами отослали его из Москвы. Подальше от греха и столицы, где таковой присутствовал на каждом шагу. Тихая и довольно сытая жизнь провинциального врача быстро, а главное, на долгие годы помогла забыть религиозные искания. Но вот появился этот Берг, и двух-трех фраз, которыми Шпеллер перекинулся с ним, оказалось достаточно, чтобы воскресить тот духовный интерес. И чтобы иметь возможность свободно побеседовать с таким пациентом, то есть, без опасения быть подслушанным, он и поместил его в эту палату. Да еще и на свой страх и риск стал колоть ему обезболивающее, что было бы признано преступным расточительством, узнай об этом хоть кто-нибудь из начальства. Уж тогда мало бы ему не показалось. Но иначе он поступить не мог, потому что ступня Берга была раздроблена, наложенные шины не могли удалить боли, а в город везти его было запрещено самим Рюхиным. Нечего, мол, потакать этим симулянтам, которые только и думают, как бы отлынить от работы. А попробуй дай одному поблажку, так их, мол, из лазарета не выгонишь: нарочно начнут заниматься членовредительством. На робкие возражения Шпеллера, что этот случай никак не назовешь преднамеренным, майор только усмехнулся. Ему, охранявшему эков еще на строительстве Беломорканала, случалось видеть и не такое. Но распространяться на этот счет он не стал, а только глубокомысленно предложил врачу немного подождать.

И тут в его отсутствие, но словно в подтверждение его слов, очередное увечье другого трудармейца. Это дало повод вернувшемуся майору устроить Шпеллеру самый настоящий разнос.

— Ну, что теперь скажешь, Семен Ильич? — мрачно спросил он. — Кто был прав? Не знаю, как тебе, а мне кажется, что это уже походит на эпидемию. И вот что я тебе скажу: то, что ты оставил этого божьего одуванчика здесь, да еще в особой палате, я еще как-то стерплю из уважения к тебе. Но не больше, чем еще дней на десять. Потом — будет ходить, не будет — выписывай. Точка! Говорят, что он сильно верующий; вот пусть Бог ему и помогает, а мы тут ни при чем. Иначе они тут один за другим начнут калечить себя. Как этот придурковатый Бош. Впрочем, идиот ли он, — это надо еще проверить.

— Проверим, конечно, Игорь Сильч, и установим, — заверил врач. — Хотя сомнений, честно говоря, никаких нет. Все же столько времени пацан на глазах: не хватило бы ни терпения, ни ума прикидываться.

И тут голос Шпеллера приобретает едва уловимые льстивые нотки, а лицо — озабоченное выражение.

— Меня больше сейчас волнует ваше здоровье. Ваши легкие. Как только уладим тут все дела и вернемся в город, сразу положу вас на обследование. Ну, нельзя же так нерадеть о своем здоровье. Ни сна, ни отдыха толком не знаете. Вон вы ж только-только прибыли с совещания из-за тридевять земель, и сразу с головой в дела. Это же просто работа на износ. Непорядок это, ох, беспорядок.

Лесть прямо к сердцу. Рюхин расплывается в довольной улыбке.

— Так, а на кого все это возложишь? Кому доверишь, Семен Ильич, — благостно потягивается он и вздыхает: — Сам, все сам.

— Да если бы одно это, так еще бы куда ни шло, — продолжает врач лить в душу бальзам, уводя майора от мрачных дум о трудармейцах. — Но вот ведь еще и покуриваете. А ведь обещали. А?

— Обещал, но... — с наигранной виноватой улыбкой развел руками Рюхин. — Трудно вот так сразу бросить. Но курю теперь не так уж и часто.

— Немного — это сколько? — строжится Семен Ильич.

— Ну раз пять на день, не больше, — откровенно врет майор.

— Попробуйте еще сократить, — делает врач вид, что верит. — Силы воли вам не занимать. Преодолеете и этот рубеж.

— Твоими бы устами, Семен Ильич.... — совсем расслабился майор.

— Но на обследование вам все же придется лечь.

— Хорошо, хорошо, там посмотрим, — довольно улыбается Рюхин.

Это означает, что никуда он ложиться не будет, и это понимают оба. Только каждый играет свою игру. Что майор здоров, как бык, знает и Шпеллер, и сам Рюхин. Но врачу это нужно, чтобы туповатый майор видел, как усердно он о нем печется, и, пользуясь его

благосклонностью, хоть как-то облегчить участь больных трудармейцев. Рюхин же, в свою очередь, тупым считал не себя, а доктора, и втайне подсмеивался «над еврейчиком» (так он называл его за глаза), позволяя ему подозревать «перебои» в своем могучем организме. Более того, он старательно подогревал слухи о своем неважном состоянии. И, надо сказать, не без успеха: репутация человека, который «горит на работе», пренебрегая здоровьем, выгодно дополняла его портрет негнибавшего коммуниста. Ну, истинного, то бишь.

— Так вы мне разрешите еще подержать Берга в палате, — мягко переводит разговор в нужное ему русло Шпеллер.

— Я же сказал, дней десять. Что ты так за него переживаешь?

— Я хочу спасти ему ногу.

— Спасти? — насторожился майор. — Что, так серьезно?

— Есть подозрение, что у него может начаться гангрена.

Рюхин нахмурился и, пожевав губами, выдал:

— В общем, так, пока никому ни слова. Как только будешь уверен, доложишь. Надо будет избавиться от него, а это и будет его спасением. У меня и без него проблем хватает.

— Подлечить бы его сначала...

— Вот и подлечи. И... — майор поймал какую-то идею и застыл в удивлении: — Как я сказал? Спасение? Не-е, не спасение это будет, а списание, — и счастливо

засмеялся своей шутке. — Спишем его на дембель вместе с тем доходягой. Напомни, как там его? Во, точно, Фель!

Дней через десять за ворота зоны вышли двое демобилизованных из трудармии. Вышли еще до развода рабочих бригад. Впереди, опираясь на самодельный костыль, ковылял Берг с тощим вещмешком за плечами; чуть позади шел Фель, в руках которого был небольшой ящичек. Он был ему явно в тягость, но несмотря ни на какие уговоры: дескать, зачем тебе такая обуза в дороге, если сам на ногах еле держишься, Петр не расстался с дорогим его сердцу инструментом.

— В нем вся моя надежда, — сказал, как отрезал в ответ на предложение продать его. — Пока он при мне, буду живой. Примета мне такая случилась.

Часть вторая

Больше тридцати верст до железнодорожной станции им предстояло пройти пешком. Немалое, если не сказать, непосильное расстояние для таких вот «дембелей». Но об этом они даже не думали. И хоть вид у них был не очень-то и приглядный, внутренне оба были готовы преодолеть этот путь — последнее препятствие, отделявшее их от жизни «на гражданке». А там — поезд, и скорое свидание с родными. Пьянящее чувство свободы придавало сил, вливало в изможденные тела невесть откуда взящуюся энергию. Впрочем, почему же невесть откуда? Очень даже известно. Что касается Петра, то при одном только упоминании о демобилизации он (уже больше суток лежавший пластом и просивший себе смерти, как избавления от мучительных страданий) моментально обрел и силы, и ясность мысли. И встал сам, без посторонней помощи, подтвердив тем самым расхожее мнение, что в каждом человеке таятся скрытые резервы. Тут же отыскал он вернувшегося из лазарета Юргена, и, посоветовавшись, оба решили наавтра же отправиться

в путь, а не дожидаться обещанной через два дня попутной оказии. Два дня! Да на опостылевшей каторге (а иначе трудармейцы и не называли свое пребывание в трудармии!) это покажется вечностью. Может статься, что именно этих дней не хватит для того, чтобы добраться и умереть дома. Они и ночку-то эту едва пережили. Петр даже к письму, что на всякий случай успел заготовить, но не успел отправить, приписку сделал: завтра, мол, отбываю с места службы вместе с Бергом. А вот что путь покажет, так это неведомо. Сложил письмо треугольничком и в карман сунул. Зачем отправлять, если вдруг, мол, самолично домой явлюсь. И если поначалу надежд на большее у него не возникало (только бы увидеть родных до перехода в мир иной!), то к утру он уже всю видел себя здоровым и сильным в окружении жены и сыновей. Энтузиазм его был настолько велик, что уже будучи в пути, он на первых порах то и дело вырывался вперед, а потом поджидал Берга, всем видом показывая, что идти размеренно он вынужден только из-за своего попутчика. Но такой его резвости хватило не надолго. Пройдя километра два, он уже не забегал вперед, а стал все чаще отдыхать. И Юрген останавливался вместе с ним. Трезво оценивая свой «запас прочности», он ковылял не спеша, и старался как можно реже наступать на больную ногу. Петр продолжал пока еще хорохориться, но взгляд его был уже не столь самоуверенным.

— Ты иди, иди, не жди, — виновато сказал он, наконец, Юргену. — Я догоню. Это я так, природой никак не налюбуюсь.

И отчасти это было правдой: чистое над ними, без единого пятнышка лазурное небо завораживало взгляд. На горизонте оно окаймлялось скоплением облаков ослепительной белизны; будто величавой снежной шапкой увенчали они всей своей громадой верхушки высоченных деревьев. Душу же полонила прямо-таки неземная, благословенная тишина леса, и ее совсем не нарушали ни призывные вычурные трели самца коноплянки, ни рокошущий лад рябинника, ни даже скрипучий посвист коростеля и глухой стон козодоя. Наоборот, все это и создавало тот неповторимый томный покой, умиляющий сознание, а гулкое, всегда откуда-то издалека кукованье вечной вестницы навевало еще и светлую грусть.

Но все же отставал Петр не совсем по причине любования природой: Юрген это отлично видел, а потому и предложил сделать привал. Скинув вещмешок, он сам же первый с удовольствием растянулся под елью на сухой, мягкой ее игольчатой подстилке, чуть поодаль от дороги.

— Можно не торопиться, — прикрыв глаза ладонью от солнечных лучей, сказал он. — Если идем в час три километра, на станцию прибудем до захода солнца. Да если и позже — не беда; нынче, считай, до полуночи светло, как днем.

— Это да, — согласился Петр, и с неожиданным превосходством в голосе произнес: — Только я не собираюсь топтать все тридцать верст.

— То есть, как? — не понял Юрген.

— Я тут хаживал несколько раз, когда в поселке

подрабатывал. Еще поворот-другой пройдем и свернем в лес. А там напрямки по тропке через речку — верст десять до станции, не больше. Смекаешь? — И увидев, как нерешительно Юрген взглянул на него, все с тем же непонятным покровительством добавил: — Да не бойсь ты, речушка тихая и мелконькая, по щиколотку. Перейдем без проблем. Правда, кое-где бурелом встречается в лесу, так и это ничего.

— Может, не надо, Петя? С моей-то ногой по дороге хоть и дальше, да сподручнее. Куда ж я по бурелому-то? Опять же заблудиться в таком лесу — как дважды два. А ну, как заплутаем? Я по тайге не ходок.

— Бурелом недолго обойти, а заблудиться не заблужусь. Не первый раз иду, — уже в раздражении бросил Петр. — В общем, смотри сам, можешь и не идти. Если считаешь, что семь верст для дурака не круг, топай по дороге.

— Нам нельзя поврозь. Требование-то выписано одно на двоих, и...

— Стало быть и слушай меня, — резко перебил Петр. — Ну да, по дороге оно легче идти, но ты прикинь: больше половины пути сократим и на станцию придем раньше. Там, смотришь, и поезд какой поскорее будет. Вот оно все одно к одному и пойдет. Нам ведь еще по железке сколько пилить, а терпения моего уже нету, как с семьей свидеться хочется.

— А мне разве нет, Петя? — горько проронил Юрген.

И тот, понимая, что обижает напарника, постарался смягчить интонации, заговорил проникновенно:

— Слышь, Юра, ненамного тут труднее будет; я ж не раз ходил — знаю. Зато и время, и силы сэкономим, а? Испыток — не убыток. Пойдем?

— Ну, что ж, попробуем. Пусть Господь нам поможет.

— Э-э, Юра, на Бога надейся, а сам не плошай, — снова озлился Петр. — Надежа всегда на себя должна быть. Когда спросить не с кого, волей-неволей все силы приложишь, чтобы вышло как надо. А понадейся на Бога, да расслабься — что получится? Обязательно промашка будет. Главное, и спросить-то не с кого. Вот что ты лично со своего Бога тогда спросишь?

— Лично я? — широко улыбнулся Юрген.

— Ты, ты. А что ты так разлыбился? Неправду говорю?

— Да нет, Петя, правду. Ту, которая тебе ближе, и какой тебе хочется.

— А что ж тогда нашел смешного?

— Так ты говоришь, что я бы лично с Бога спросил...

— Ну. Если бы промашка вышла. Я же это к примеру.

— Вот это и чудно мне, Петя. Додуматься до того, чтобы спрашивать с Бога, мне как-то и в голову не приходит. Вот Он с меня за мои промашки может спросить — это да. А у Бога промахов не бывает. И что с нами случится, Он знает наперед. Поэтому и молятся Ему, чтобы открылось это.

— Ага, тем более, что Его Самого нету, — уныло усмехнулся Петр. — А хоть бы и был, то как же Он

тебе это откроет? Прямо на ухо скажет? Что, мол, иди, Юра, туда, не знаю куда? Или наоборот: не ходи. Как?

— Для этого надо в Бога верить, Петя. Тогда все встает на свои места. И слышишь Господа, и видишь Его направляющую руку.

— Вот ты и попался, — обрадовался Петр. — Ты же сам недавно мне говорил, что Бога никто никогда в глаза не видывал. Говорил?

— Ну, да, говорил.

— А теперь, значит, увидел? И даже руку, куда указывает?

— Да ты просто молодец, Петя! — искренне похвалил его Юрген, чем привел мужика в полное недоумение. — Запомнил, однако. Значит, не все еще для тебя потеряно. Правда, запомнил ты только то, что хотел запомнить. А дальше-то, что было сказано? Ну-ка, ну-ка, вспоминай.

— Делать мне больше неча, как вспоминать, — буркнул Петр. — Сам скажи, если такой памятливей.

— Скажу, Петя. Это ученик Христа Иоанн так свидетельствовал об Иисусе. «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, суций в недре Отчем, — Он явил... И мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца». То есть, Господь явил людям Иисуса, и они видели славные дела Его, понимаешь? Христос так и сказал одному из Своих учеников: «...видевший Меня видел Отца». Так что, Петя, никуда я не попался, а сказал, как есть на самом деле. Каждый верующий в Него знает, что только Он может привести нас на праведный путь.

А на себя надеяться — это самое гиблое дело, что бы ты ни говорил. Кстати, в Писании и об этом говорится.

— Ах, ладно, — так же неожиданно, как озлился, вдруг примирился Петр. — Не стану тебе мешать. Молись и надейся на Бога, а я на себя. Так обоим спокойнее будет.

Вообще эти настроения — приступы злобы и следовавшее за этим полное равнодушие к окружающей реальности — у него, как, впрочем и у большинства трудармейцев, сменялись очень часто. И привыкший ко всему Юрген не принимал такое его поведение близко к сердцу. С помощью костыля он уместился на колени и помолился. Потом встал, ухватившись за нависшие чуть не до земли разлапистые ветви ели:

— Тогда пойдем, пожалуй.

— Пойдем, Юра. И — это, не обижайся на меня. Нервы, чтоб их...

— Да это нет, Петя. Это все ладом.

* * *

В недобром предчувствии Юрген последовал за другом, когда тот свернул с дороги. Было видно, что и сам Фель засомневался в ориентире, потому что долго и озабоченно топтался на одном месте. Потом, видимо, отыскав что-то, облегченно выдохнул: «Тута!» — и уже более решительно шагнул по едва приметной тропинке в лес. Шли теперь очень экономно, чаще останавливаясь на отдых, чтобы не слишком растрачивать силы. Тропинка, чуть видимая на траве, вскоре растворилась на

сухом валежнике, и Петр давно уже шел, ориентируясь на солнце, пока еще четко видимое в редколесье. Но с каждым шагом лес становился все гуще и темнее, кроны деревьев смыкались вверху, образуя плотную завесу, и уже только пробивавшиеся сквозь нее то тут, то там солнечные лучи свидетельствовали о наличии светила на небе. И Фель, будучи за проводника, шел теперь, как он сам выразился, «по нутру». Юрген видел, как он раз за разом доставал из ящичка свой хлеб, завернутый в тряпицу, и, отщипнув немного, долго катал его во рту. Но потом не выдерживал и отламывал кусок побольше. Силы его зримо таяли. Как в общем-то и хлеб.

— Скоро до речки дойдем, там повеселее будет. Оттуда уже рукой подать, — бодрился он. — Нутром чувствую, что правильно идем. Да по всему видно, что влага рядом. Вон и папоротник уже пошел, и осот.

Но если что-то и шло, то только время, а обещанной речки так и не было. Что до папоротника и колючего осота, то их хватало с самого начала пути; просто теперь все это, вкуче с появившимися выше человеческого роста зарослями дудника, борщевика и буйством крапивы вокруг кустов смородины, барбариса, другого кустарника, отнимало последние силы. После этих более или менее открытых пространств тайга становилась все непроходимее, и, пытаясь обойти одну преграду, они натывались на другую. Бурелом был не в счет, да он и встречался уже реже, чем там, в редколесье. Зато здесь в сыром, без ветерка, лесу, сонм мошкары залеплял все открытые части тела: лицо, шею, руки.

И если от комаров еще можно было как-то отмахнуться, то от гнуса спасения не было. В естественном желании избавиться от этой напасти, Петр старался снова побыстрее выбраться на более открытое пространство: метался то вправо, то влево и, по-видимому, сбился с пути. Только признаться в этом даже самому себе было страшно, и он все еще тешил себя надеждой, что совсем немного удалится от цели.

— Ты смотри-ка, — чуть слышно пробормотал он, наткнувшись на особо густые заросли крапивы. — В прошлом годе такого бурьяна тут вроде и не было. Вон че крапива вымахала, не пройти, не проехать, чтоб ей пусто было. — Говорил он хоть и тихо, но в расчете на то, чтобы Берг разбирал слова. То есть, как бы заранее стал подготавливать попутчика к возможной неудаче.

— Дак, может ты сбился, а, Петь?

— Да не должно быть, — в голосе Феля слышалась нерешительность. — Вроде все то и не то. В тайге ведь все на одно лицо. Поди, разберись.

— Что же делать? — встревожился Юрген. — Назад идти?

— Да ты что! — в раздражении вскинулся Петр, но тут же осекся, вспомнив, на ком лежит ответственность за результат похода, и сбавил тон: — Назад уже поздно, Юра. Столько отмахали, что назад никаких сил не хватит. Здесь, здесь должна быть речка. Вот бы только из этой глухомани выбраться. Там я разберусь.

И тут впереди, будто в ответ на его пожелание, в про-свет между деревьями словно перекрестными снопами

прожекторов пробилось томное сияние солнечных лучей. Вскоре лес и совсем поредел, и они вышли, наконец, на открытую поляну на опушке. Фель просиял:

— Все! Все правильно! Во-он там, косогор за ложиной, видишь? Вот за ним уже точно речка. Ну, теперь можно чуток передохнуть.

— Нет уж, Петя, — заразившись его энтузиазмом, нетерпеливо возразил Юрген, — давай сначала доберемся до речки, там и привал устроим. А то ведь сестра сейчас сядешь, а поднимешься ли — еще большой вопрос.

— И то правда, — согласился сияющий Петр. — Там уж отдохнем так отдохнем. На славу!

Вспыхнувшая вновь надежда возвеселила душу, а легкий ветерок освежил и в какой-то мере снял утомленность. А главное, он отогнал полчища гнуса, и тучи его больше не роились над ними. Чуть поодаль, там, куда указывал Петр, начинался пологий спуск в узкую ложину, зажатую между холмами. Укрытая роскошным изумрудным ковром разнотравья с обильным вкраплением полевых цветов, она простиралась в обе стороны насколько хватало глаз. Направо, в дальнем далеке она утыкалась в такую же, как и здесь, мрачную громаду леса; налево петляла между холмами сочной зеленой лентой до самого горизонта. Солнце зависло на уровне глаз и слепило их, зримо скатываясь за противоположный склон, и та, ближняя к нему, половина ложины уже погрузилась в тень. Казалось, что разбежавшиеся по краю склона деревья смотрят в нее, как в реку.

Только теперь друзья осознали, что день уже близится к концу, о чем свидетельствовал разлившийся по горизонту ядовито-желтый закат, а застывшие там же немногие облака окрасились в нежно-лиловый цвет. Чем ниже садилось солнце, тем гуще становились краски, и вот уже горизонт и вовсе запылал багрянцем, а мелкие облака крохотными фиолетовыми островками впечатались в потемневшую лазурь неба. Но теперь путникам было не до созерцания небесных красот. Немного отдохнув, они стали спускаться в лощину, и хоть склон сам по себе был совсем не крутой, но для Юргена идти вниз стало настоящей пыткой. Ногу и так-то мозжило от длительного пути, а тут еще постоянно приходилось на нее наступать, отчего все тело простреливали мгновенные боли, и он, опираясь на палку, то и дело застывал на месте.

Не лучше и не легче было и его другу: инструмент давно уже оттянул все руки, но он упорно не бросал ящичек. Миновав лощину, они пошли по ее противоположному склону. Последние метры до вершины Петр преодолел на одном дыхании, с бьющимся сердцем, готовым выпрыгнуть из груди. Только тут он выпрямился, ухватившись за тоненькую березку, и, переведя дух, жадным взглядом стал шарить по местности в надежде отыскать речку. То, что он увидел, повергло его в жуткое отчаяние. Речки не было; вместо нее перед ними расстилалось огромное болото. В том, что это болото, не было никакого сомнения. И было оно явно топкое. Обрамленное осокой и камышом, с редкими,

отстоящими далеко друг от друга кустами багульника, а также его одинокими стволами, оно начиналось сразу же за редкими здесь деревьями. Петр тер глаза, хлопал себя по щекам, но картина не менялась.

— Мама! — громко застонал он и, обхватив голову руками, в отчаянье рухнул на землю.

Берг, тоже выбравшийся наверх, озабоченно склонился над ним:

— Что, Петя? Никак ногу подвернул?

— Юра, я... — Фель заплакал. Горько, безутешно. — Я заблудился, Юра. — Потом и вовсе зарыдал, и в неожиданном исступлении заколотил кулаками по земле, забормотал бессвязно: — Детки мои... Не увижу. Все. Сам, сам себе могилу уготовил, болван! — И совсем обессилев, затих, скукожившись калачиком на земле.

Миг — и точно такое же отчаяние охватило и Юргена.

— Да как же это? Ты же уверен был, — упавшим голосом спросил он и присел у сваленной осины, вытянув больную ногу. — Шли, шли — и нате вам. Почему это так случилось? Почему? — Последние слова были обращены уже не к Петру. С тоской устремив глаза к небу, Юрген спрашивал Бога, и в голосе его было столько скорби, а на лице — страдания, что Фель перестал плакать. Никогда еще он не видел Берга в таком отчаянии и, сознавая, что виновен в случившемся только он один, принял вопрос на свой счет.

— Не знаю, почему, Юра. Не-зна-ю, — беспомощно мотнул он головой.

— А может быть, еще чуток дальше? — в тихой на-

дежде проронил Юрген. Спросил, не меняя позы, будто говорил это для себя.

— Да куда дальше-то? — тоскливо вздохнул Петр и вытянул руку. — Смотри. Я об этом болоте краем уха от мужиков слышал. И если это то самое, то там, на той его стороне какая-то деревушка есть. Стало быть, самое малое мы ушли верст на десять в сторону. А вот в какую, не имею понятия. Я сгубил и себя, и тебя, Юра. Надо было послушаться тебя и идти по дороге.

— Надо было, — печальным эхом откликнулся Юрген. — Куда же теперь идти? Да и сможем ли еще идти-то.

— Я — нет, я не смогу, — всхлипнул Фель, отер рукавом слезы и взялся за грудь. — У меня вот тут что-то оборвалось, и давит, давит. Тяжко дышать стало. Сильно тяжело. Видать, уже с этого места не сдвинусь. Прости меня, Юра. Ты теперь без меня иди. Может, и найдешь еще дорогу. А, Юра?

Он жалобно взглянул на друга, но тот молчал; его взгляд так и был прикован к небу, и он лишь горестно раскачивался из стороны в сторону. И в мысли Петра вкралось подозрение: значит, Юрген согласен с его предложением? Уйдет и бросит здесь его одного? Странно, но именно это успокоило его. Он глубоко вздохнул и без всякого укора или раздражения — просто и даже как-то обыденно, словно речь шла о рядовой прогулке — произнес.

— Ну, что ж, иди, Юра, у тебя еще есть силы. А я вон через болото. Доползу до людей, то может и похоронят по-людски, а проглотит болото, так и это неплохо.

Там хоть никто глаза не выключет, останки твои не раздербанит. Говорят, что в омуте тело до-олго хранится. Ступай, я не буду на тебя в обиде. Ты и так для меня столько сделал, дай Бог каждому.

Все это прозвучало, как напутствие. Юрген перестал качаться и с удивлением воззрился на него. Потом, ни слова не говоря, достал из вещмешка большой кусок хлеба и, разломив на две части, подал Петру.

— Ты чего это? — опешил тот, но рука уже непроизвольно потянулась к хлебу. — Я же, Юра, свой-то по дороге съел. С тобой не делился.

— Бери, бери. Глядишь — сил и прибавится. А то ты что-то на покой заторопился. Щас насчет воды взглянем. — Юрген взболтал над ухом фляжку и подал ее другу. — На вот, тут в чеплыжке немного осталось. Отпей и мне оставь.

Петр теперь неторопливо, размеренно съел хлеб, запил водой и, вернув фляжку, поблагодарил. Ни слова больше не говоря, он лег на траву, подложив под голову свой ящичек. Потом приподнялся на локоть.

— Вот сколько раз мне Колька — племян мой — рассказывал, что ты делишься с ним хлебом, а ведь я все не верил, — как-то отвлеченно заговорил он. — Думал, он это намеками так у меня выпрашивает. Дескать, вон чужой человек дает, а ты, мол, как-никак дядька родной. Ну, подбивал, то есть, на милосердие. Теперь я сам убедился, что это так. Юра, скажи, зачем тебе это?

Юрген тоже прилег у осины, и благодатное тепло от

нагретой солнцем земли разлилось по всему телу. Даже нога перестала мозжить, и лишь небожно покалывала. На память пришел его разговор с парнем.

— Бог так велит мне, Петя, — сказал он. — Ровно об этом и Колька меня спрашивал. И понял, что это послушание Богу.

— Пусть так. Пусть Бог. Но на Кольку у тебя, может, какая-никакая, а надежда была. Ну, хотя бы, что он выживет и отблагодарит когда-нибудь. А я? Я уже, Юра, ничем и никогда тебя не отблагодарю, потому что уже помер. — Петр застонал: — Если бы ты знал, как все болит и горит вот здесь.

— Я знаю, Петя. И поверь, у меня не лучше. Но не отчаивайся: Бог дал нам силы, даст и еще. Ты уже столько пути выдержал.

— Это не Бог. Это просто отсрочка. И произошла она из-за доброй мне весточки о воле. Я понял это только что, а то все надеялся, что выживу. Не-е, не выживу. Для того, знать, и заблудился, чтобы сначала потерять всякую надежду. Теперь мне легче. Не из-за хлеба, а из-за того, что все понял. Хлеб твой уже не впрок пошел. И я уже знал, что он не впрок будет, а взял. А надо было отказаться, чтобы ты его себе оставил. Так и для меня, и для тебя лучше бы было. И честнее. Я и по жизни-то не всегда честно поступал, и теперь вот оплошал. Для тебя бы это большая поддержка была в пути.

И замолчал. Было видно, что он колеблется: продолжать или нет.

— Говори, говори, Петя, — подбодрил его Юрген. — Постарайся выговориться, и увидишь, что тебе легче станет.

— Ты хочешь сказать: исповедуйся? — Петр снова сел, стискивая грудь руками. — Дышать тяжело, Юра. Знаешь, мне кажется, что я бы сделал это, если бы тут был хоть кто-нибудь из священников. Поп, или ксендз, или кто там еще у них бывает. Меня ведь все-таки в детстве не то крестили, не то погружали. Без родителей я рано остался, так толком и не знаю. Жил у бабушки с дедом, а у них на этот счет разногласие было. Как и во всем другом, бабушка всегда ему перечила. Дед говорит, что, мол, крестили меня родители, а она на своем стоит: нет, маканый он, потому что попа на то время в селе не было. Обмакнули, мол, в воду да волосы на темечке выстригли — вот и все крещение. Ну, а меня это никогда и не интересовало.

— Крещеный или маканый, Петя, а родители тебя Богу посвящали. Но, как я понимаю, ты был еще слишком мал, чтобы мог это осознать. Не пытался припомнить?

— Да мне это все равно было: какая разница, раз Бога нет. А детство ушло, и вообще все забылось. А вот сейчас боязно что-то помирать. А ну, как Он есть? Так, может, зачтется мне детство-то, а? Как думаешь, Юра?

— Думаю, что зачтется, если ты — теперь уже по сознанию своему — попросишь Иисуса Христа войти в твое сердце. Тогда и сомневаться больше не будешь.

— А так — нет? Разве я не христианин?

— Ну, посуди сам: какой ты христианин, если даже не помнишь, какой обряд принял? А к Господу можно

прийти лишь сознавая свое деяние. Всего-то и требуется от человека, что признать себя грешником и покаяться перед Ним в грехах своих.

— Вот, Юрий, вот! Поэтому я и жалею, что без попа мы тут. Они при исповеди даже некрещеным грехи прощают. А я перед кем исповедуюсь?

— Перед Самим Богом, Петя. Поверь, это совсем не то, как покаяться перед человеком. Ведь любой поп — такой же человек, как и ты, рассуждаешь?

— Такой, да не такой. Он за меня Богу словечко замолвить может.

— Нет, Петя, не может. Между тобой и Богом нет и не может быть никакого посредника, кроме Иисуса Христа. Потому что на это указывает Библия: «Ибо един Бог, един и Посредник между Богом и людьми, Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех». Да ведь ты и по жизни знаешь, что...

— Как же тогда попы? — недослушал Петр. — Самовольно что ли?

— Может быть и так. Спросить надо у них.

— И зачем им тогда эта лишняя канитель?

— Ну, как тебе сказать. Вот я знаю, что ты по первости, помимо работы, еще подрабатывал здесь, в поселке, да? Знаю, что о цене с хозяевами иногда тебе удавалось договориться самому лично, но обычно-то все шло через начальника конвоя. Так? И когда тебе больше перепадало за твой труд?

— Когда сам, конечно. Тогда, бывало, еще и деньги, помимо продуктов, заимеешь. — На лице Петра даже

при одном воспоминании о лучших временах появилось подобие блаженной улыбки, которая, впрочем, тут же исчезла. — Да-а, а командир неплохо на мне наживался. Совсем неплохо...

— Ну, вот ты сам и ответил на свой вопрос.

— Постой, постой! Ты хочешь сказать...

— Я ничего не хочу, Петя. Выводы делай сам.

Петр озабоченно почесал макушку. Потом что-то пришло ему в голову, и он хитро прищурился:

— Но тогда выходит, что твой Христос... Как ты сказал — единый посредник? Выходит, Он тоже не без выгоды?

— Конечно, нет. Христос стремится к выгоде. Сказать, к какой?

— Ну, — весь подобрался Петр.

— Главная Его выгода состоит в том, чтобы спасти весь мир от греха. И Он спасает нас Своей любовью. При этом Он ничего не берет с нас, а дарит нам свободу. Притом за все это Он заплатил Своей святой кровью. Его, как ты знаешь, распяли на кресте. Вот это и есть разница, Петя, между исповедью перед человеком: попом ли, ксендзом ли, как ты упомянул — и покаянием перед Христом. Видишь ее?

— Да оно вроде и яснее ясного, но непривычно для уха. А рассуждать да размышлять у меня времени не остается. — Петр поеживался, как от озноба, говорил прерывисто, нутужно, и все крепче укутывал грудь, держась за плечи скрещенными руками. — Знаешь, я бы даже не задумался над этими вопросами, если

бы не увидел в тебе то, чего нет у всех нас, горемык тутошних. Взять хотя бы наш с тобой данный момент: может, так статься, что из-за меня ты не дойдешь до дому. Другой бы, ну, пусть не избил, но что облаял бы меня — так это уж точно. А ты даже не укорил ни разу. Вижу только, как сам отчаялся. Потом: ну какой идиот в этой ситуации отдал бы свой хлеб? А ты отдал. Значит, думаю себе, есть в тебе на кого-то надежда, какой нет у меня. И есть Бог или нет, но я хотел бы иметь такую надежду. Поэтому я и успокоился. И когда ты уйдешь, ни за что тебя не укорю. Ступай, Юра, со спокойной совестью. Мне уже не помочь. Сто процентов, что я уже никуда не дойду.

— А с чего ты взял, что я пойду без тебя? Я это сразу хотел спросить, да ты с более важным вопросом приступил.

— С того, что ты смолчал, когда я это тебе предложил. А молчание, сам знаешь, знак согласия. Да и к чему тебе такая обуза? Вдвоем нам не дойти, а один, быть может, и дойдешь.

— Я смолчал, Петя, потому что в молитве просил Бога простить меня.

— Тебя? — искренне удивился Петр, и даже отнял руки от груди. — Простить? Тебя-то за что? Ты ведь молился Ему, разве не так? Это я тебя соблазнил на короткую дорогу.

— Не за это. За то, что засомневался в Его спасающей руке. За то, что еще не спросив Бога, я, как ты правильно заметил, отчаялся. Негоже это верующему

человеку. Так ведь недалеко и обидеться на Бога. А это уже великий грех.

— Ну, и что, простил Он тебе? — вопрос прозвучал без ожидаемой тут иронии, и Юрген с радостью это отметил. Он видел, как сам Петр застыл в нетерпеливом ожидании, и как был важен для него ответ. — Простил?

— Конечно, Петя. И теперь я знаю, что Он не оставит нас Своей милостью. Бог прощает, если ты раскаиваешься в своем грехе. Он простит и тебе, если обратишься к Нему. А тебе это надо сделать. Кто знает, что нас ждет уже в ближайшие часы. Надо успеть примириться с Ним до нашего ухода, чтобы пойти в Его обители, а не в озеро огненное. Проси Его, Петя.

— Я не могу. Не умею. Так ты не бросишь меня? — скороговоркой зачастил Фель, потом замедлил, все больше задыхаясь: — Ты помолись, Юра. Попроси Его. И... это... за меня попроси. И за Аню мою, и деток. Квельй я уже, никакой. Болит и горит везде. Тут и вот тут.

Юрген на четвереньках приблизился к нему, приподнял и усадил, приклонив к себе.

— Смотри, смотри, Петя, в небо. Оттуда приходит всякая нам милость. И прощение, и спасенье. И силы нам даются оттуда. Смотри, как оно прекрасно!

И два смертельно усталых, на грани бессилия путника устремили глаза к небу. Уже сгустились сумерки, и только узкая малиновая полоска у самого горизонта, да слегка тронутое ее отсветом располневшее кудлатое облако, образовавшееся из слившихся воедино крохот-

ных островков свидетельствовали о том, что день еще не закончился. Но небосвод уже был усеян звездами, и они, мерцая, — одни ярче, другие тусклее — словно подмигивали нашим горемыкам со своей недоступной высоты.

«Часов одиннадцать, однако. Скоро стемнеет», — машинально отметил про себя Юрген, склонил голову, и в абсолютной тишине полились тихие, проникновенные слова молитвы. До Петра они доносились каплейю, срывающейся с ворота в глубокий колодец. И эти слова, соприкасаясь с его душой, не отторгались ею, но, как и падающие в воду капли, обретали покой, растворяясь в ней без остатка. В какой-то момент он почувствовал, что боли в груди ушли, ушли насовсем, будто и не было их вовсе, и сразу же обмяк всем телом. И уже в полусне пытался уловить смысл молитвы.

«Господи, — слышал он от Юргена, — Ты Сам сказал: „Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня“. И мы славим, и призываем имя Твое сейчас, когда скорбь и немощь наша велика. Потому что уже нет надежды, кроме как на Тебя, Господи. А Ты обещаешь явить спасение Божие тому, кто приносит Тебе хвалу. Услышь, Господь, моление наше и помоги выбраться из тайги. Дай нам сил подняться и пойти дальше. Наши родные ждут нас и также надеются на Тебя, Господи.»

Берг еще молился, когда Петр, слабо цепляясь рукой за его одежду, стал сползать к земле. Потом и вовсе ткнулся кулем рядом с ним. Юрген в тревоге склонился,

прислушался к другу, и жалостливая улыбка осветила его лицо. Фель дышал ровно. Он спал. И если бы не знать его состояние, можно было даже подумать, что спал беззаботно.

* * *

Юрген хотел подняться, но смертельная усталость обволокла все его существо; отчего-то закружилась голова и, словно наливаясь свинцом, тяжелели веки. Теплая земля притягивала к себе, и страшно захотелось лечь вот так же, как Петр, чтобы отвлечься от реальности. Чтобы так же беззаботно, хотя бы с виду, полежать, ни о чем не думая. Не в силах сопротивляться желанию, он отполз и притулился спиной к осине. И тут же все перипетии тяжелейшего дня замелькали в памяти, как в калейдоскопе. Он опять продирался сквозь дебри тайги вслед за Петром, и вот в очередной раз упал в изнеможении, и уже нет сил подняться. Вдруг откуда-то объявился Шпеллер и укоризненно покачал головой:

— Добегался? Эх, Берг, Берг. А ведь говорил я тебе, чтобы подождал пару дней. Говорил? Почему же не послушал?

— Дак я же, Семен Ильич, — начал оправдываться Юрген.

— Не мог иначе? Знаю, знаю, земляка пожалел. А он-то куда торопился? Почему ты его не отговорил? Тебе-то я сказал, что больше одного дня он не протянет. Так тогда хотя бы умер в зоне. А теперь и ты с ним заодно упокоишься. И где? «И родные не узна-ают,

где могилка мо-ая» — не слишком приятным голосом пропел Семен Ильич. — Э-эх, молодо-зелено. Ладно, как нога? Дай-ка, осмотрю.

— Болит, — пожаловался Юрген, и тут же понял, что сказал неправду. Похоже, он не чувствовал никакой боли.

— Что, не болит? — ощупал врач ногу. — Если это так, то больше не бойся на нее наступать. Видать, товарищ Берг, Бог и вправду тебя любит. Я на это только в одном случае против десятков тысяч надеялся, и рад, что именно это и произошло.

— Вы надеялись! — ошеломленно воскликнул Берг. — Вы знали? Да ведь вас за это... Как вы не побоялись! А если узнают, что вы знали?

— Я же сказал: один немислимый шанс. И он не должен был сбыться. Тут, как я понимаю, уже твой Господь распорядился. А Богу я не указ. Ну, а так-то нога еще долго будет давать знать о себе. Ты давай, поспешай домой. Или что, вместе с Фелем помирать?

— Господь укажет путь, Семен Ильич.

— Ну-ну, только не проспи тот путь. Вон, смотри, Сам Бог знак тебе дает. Вставай!

Юрген очнулся от явственного толчка в бок и подумал, что это Петр разбудил его. Но тот все тем же комочком лежал чуть в стороне. Тогда он стряхнул с себя последние остатки сна и, когда глаза обвыклись с темнью, огляделся повнимательнее. Вокруг была только тишина, а над головой изумительно красивое, безлунное, таинственное небо с мириадами звезд. Осо-

бенно отчетливо вырисовывался своей бесчисленной кавалькадой светлячков Млечный путь, простиравшийся далеко в обе стороны небосвода. Тронутые отсветом его холодного свечения деревья отбрасывали на их небольшую поляну столь же загадочные, сколько и мрачные тени, и тут было довольно темно. Но ведь кто-то все же толкнул его. Кто? Во всяком случае рядом никого не было. Но стоило ему чуть шевельнуться, и в ту же секунду он увидел, как какой-то зверек юркнул под осину. Куница! Или хорек! Ах, разбойник!

В недобром предчувствии Берг схватил свой вещмешок. Так и есть: воришка успел стащить последний кусок хлеба. Для этого смышленому зверьку даже не пришлось прогрызать дырку в мешке, так как Юрген не завязал его, то бишь, оставил открытым. Досаду на свою беспечность, он повернулся к осине, чтобы пошарить под ней: вдруг да бросил воришка со страху свою добычу. Повернулся, да так и застыл: там, напротив, чуть в стороне от того самого места, где они спускались в лощину, мельтешил огонек. Не костер, а дрожащий крошечной точкой огонек. То есть, там должна быть избушка, и свет исходил если не от лампы, то от лучины. Только теперь он вспомнил свой прерванный сон, и слова доктора о знаке. Значит, и зверек тот не зря был послан ему. Досада на разбойника сменилась благоговением перед Богом за то, что Он послал к ним этого вестника. Пусть хлеб ему будет подарком. Только бы не затух огонек. Не спуская с него глаз, он задом попятился к Фелю и разбудил его.

— Что, что? — испуганно забормотал тот.

— Быстрее Петя. Поторопиться надо. Во-он, видишь.

Но ожидаемого энтузиазма от друга не последовало. Правда, разглядев, наконец, что имел в виду Юрген, он попробовал встать, но только застонал от пронзившей его боли.

— Юра, я не сдвинусь отсюда. Пока лежал — не беспокоило. Но мне не встать уже. Дай еще воды.

— На, на, Петя, тут вот глоток-два еще есть. Только пересиль себя. Дойти туда надо. Там наше спасение.

Вероятнее всего, Петр не слышал, о чем ему говорят. Или не слушал.

— Были бы у речки, по-другому бы было. Воды там хоть залейся, и чистая она, как слеза. Знать, не судьба, — тоскливо причитал он осипшим голосом. — Еще бы хоть глоток. Горит у меня все, не дойти мне.

— Тебе бы только привстать, Петя, — уговаривал Юрген. — На меня обопрешься и как-нибудь вместе пойдем.

— Не-е, Юрий, тебе с твоей ногой не осилить. Иди один. Зачем тешить себя понапрасну. — И вдруг осветился идеей: — Ты сходи, может, там люди. Они бы и помогли тогда. Вот это бы куда как хорошо было, а? Сходи.

Вместо ответа Юрген нагнулся, подхватил его под мышки и поставил на ноги. Потом перехватил у пояса, не давая упасть.

— Инструмент, инструмент, — сипел Петр. — В руку мне дай. Сам понесу. Без него не пойду.

— Держи, — подал Юрген ящичек и сказал строго: — И сам за меня держись, не раскисай. Ну-ка, примечай вот лучше: пойдем назад по ложине наискось во-он к тому уступу. Тут метров триста, не больше. Поднимемся справа от него и прямо на огонек. Там уже совсем рядом, Петя. Давай, а?

— Как знаешь, — кивнул головой Фель, сделал шага три и обмяк всем телом. — Не могу, — прошептал в отчаянье и заплакал.

— Ничего, ничего, как-нибудь дойдем, — почти понес его Юрген, опираясь на палку. А Фель с трудом лишь переставлял ноги. Со стороны бы показалось, что идут в обнимку двое пьяных, и кто кого ведет — непонятно.

Уступ был хорошо виден в залитой звездным сиянием ложине. В непрерывной молитве тащил Берг своего друга, и боялся, как ни странно, лишь того, что рассветет быстрее, чем они выберутся из нее. Тогда огонек, если даже и останется, будет неразличим в лесу. Откуда брались силы, он не спрашивал, потому что знал совершенно точно: без Божьего промысла он не в состоянии был сделать и шагу. Ровно так же, как и тот, кого он теперь уже в полном смысле нес на себе. Да в руке еще и ящичек с инструментом, поскольку сам Петр бесформенным кулем висел на его плечах. Часа за два прошли ложину, потом миновали и уступ, и он облегченно вздохнул: огонек остался все там же и манил к себе измученного путника. Не снимая ноши, Берг немного постоял, отдышался и снова двинулся навстречу спасению.

— Слава Богу! Теперь дойдем, Петя, — бормотал он, глотая слезы. — Вон он, свет наш. Это Божий свет, Петя. Бог нам послал его.

Еще через полчаса он уже стоял на краю небольшой поляны у совсем не низкой, бревенчатой избы с одним оконцем. Очень осторожно опустил Петра на землю и прислонил его к высокой, объемной поленнице у стены.

— Ну, вот теперь все, пришли, Петя. Удивительно, как мы ее днем не заметили. А теперь, видишь, молились и вымолили.

Он постучал в окно, но ответа не последовало. Тогда он тихо открыл дверь в небольшие сенцы, и тут же отпрянул от прошмыгнувшего у ног зверька. Опять хорек! Теперь в этом сомнений не было. Уже при занявшемся молочном рассвете утра он успел разглядеть его грациозный изгиб шеи и короткий, вполовину меньше, чем у куницы, хвост. Ну, хорек да и хорек, мало ли их по тайге-то блукает. Юрген только усмехнулся совпадению, но когда уже шагнул в избу — замер в оторопи. Посреди просторной комнаты на столике, со скрещенными ножками лежал, завернутый в тряпицу... хлеб! Большой ломоть хлеба, его хлеба. Выходило так, что хорек не только разбудил его, но и привел на эту заимку. «Воистину, неисповедимы пути Твои, Господи», — только и повторял про себя Юрген, оглядывая глазами заимку. Видно было, что она принадлежит довольно успешному охотнику, и если он ушел, то совсем неспроста оставил лампу зажженной на подоконнике; значит, ожидал кого-то. Она едва заметно коптила, тускло освещая два

топчана у стен и две лавки у столика. Было ясно и то, что хозяин скоро вернется, потому что фитиль был уже у основания. От печки, метра на два в глубину избы, под потолком были встроены полати. А в дальнем углу на массивной деревянной треноге стояла, прислонившись к стенам, икона пресвятой Богородицы с ребенком на руках. Внимательно все осмотрев, Юрген занес Феля и уложил его на топчан, предусмотрительно поставив рядом его ящичек.

— Ну, как ты? — спросил озабоченно.

Тот в ответ попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, беспомощной. Глазами он шарил по комнате, и взгляд его стал вполне осмысленным, когда остановился на столике, где лежал хлеб. Петр языком облизнул губы.

— Сейчас, сейчас, — понял Юрген, разломил хлеб и половину подал ему. — Это нам с тобой подарок от хорька. — И пояснил, увидев недоумение друга. — Хлеб-то этот он у нас стилигузил, а потом меня толкнул, чтобы я свет в лесу увидел. А теперь вот вернул. Ну, что ухмыляешься? Ты меня все про знамения от Бога спрашивал — вот тебе оно и есть. Он будто в гости нас сюда позвал, понимаешь? Ладно, ладно, ешь пока, а я воды принесу. Там, в сенях бачок видел.

Он вышел и тут же вернулся с большой алюминиевой кружкой.

— Вот она вода, Петя. Чистая, как слеза, как ты и хотел. Пей и отдыхай до прихода хозяина. Он, должно быть, добрый человек. Недобрый не оставит для путника лампу в ночи. Он и дорогу нам укажет.

— Может быть, не так шибко мы заблудились, — проронил Петр слабым, но уже не столь осипшим голосом. — Может, и дойдем еще, а?

— Дай-то Бог, — сказал задумчиво Юрген. В голосе Петра ему почудилась надежда. А это значит, что у того чуть-чуть утихли боли. Надолго ли? Ведь надежда тут же сменится отчаянием, как только боль возвратится. А на сколько еще хватит сил у него самого?

Он также запил свой хлеб водой, отер рукавом губы. Потом подошел к окну и задул лампу. В комнате уже было светло. Молочный туман потихоньку рассеивался и плотным одеялом стелился только на уровне кустарника. Выше же стволы деревьев уже были в отчетливой видимости, и весь лес стоял в густой настоенной синеве утра и просматривался далеко вглубь. Юрген молча помолился и присел на топчан у противоположной стены.

— Дай-то Бог, — повторил он. — Дойдем, не дойдем, гадать не будем. Хозяин заимки придет, обскажет что к чему. Тебе, Петя, вижу, немного полегче, так я, пожалуй, вздремну.

* * *

Но уснуть не удалось. Не шел из головы этот спасительный приход врача во сне. Он и наяву-то много сделал для него: Юрген хорошо помнил их беседы о Боге и неподдельный интерес, с каким Семен Ильич выслушивал библейские истины. И уж чего совсем не ожидал пациент лазарета от врача, так это того, что на третий же день он принесет ему Библию. Где он ее раз-

добыл, или была это его Библия, Юрген не спрашивал. Да и вряд ли его, учитывая постоянные переезды врача с места на место, а значит, и опасность ее утери, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но факт остается фактом: с изрядно обтрепанной по углам обложкой, она была вполне пригодна для чтения и явилась для Берга таким мощным стимулом, что он забыл о боли. Похоже, именно на это врач и рассчитывал, и он мог быть доволен собой: и без того не низкий моральный дух пациента буквально воспарил к небесам; несмотря на то, что боли в ноге не утихали, общее его состояние значительно улучшилось. А вскоре и пошло если не заживление ноги, то вот это частичное ослабление болей. В день выписки Семен Ильич не стал скрывать реальной причины, по которой Юргена списали. То есть демобилизовали.

— У тебя может начаться гангрена, а ни я, ни кто-то другой в этой глуши помочь тебе не в состоянии. Самое лучшее, что мы можем сделать — это отнять ногу. А оно тебе надо? Нет. И твоему начальству это даже близко не надо. А вот там, на гражданке, ногу, быть может, и спасут. Еще слушай сюда: вместе с тобой отправляют Феля. А он обречен. Проживет день, от силы — два. Поэтому, единственное, что я тебе могу посоветовать: постарайся обождать это время в лагере, не соглашайся уходить с ним. Этим ты наживешь в пути только большие неприятности. Извини, сам я тебе выписку отсрочить уже не могу. Ну, что скажешь?

— Я пойду с Петром.

— Ну, что ж, я так и предполагал. Мне даже кажется, что именно так должен поступить истинно верующий. Знаешь, я проверял по Библии все, что ты мне рассказывал, и поразился твоей памяти. Слово в слово. Ты — феномен!

— Что такое феномен?

— Ну, в твоём случае — это человек, обладающий исключительной памятью. Исключительной, — медленно повторил врач.

— Тогда вы тоже феномен.

— А это ещё с чего?

— Вы исключительно один-единственный, кто здесь пытается облегчить людям страдания. И притом не боитесь.

— Не подходит, товарищ Берг. Боюсь. Боюсь, но все же пытаюсь соблюдать клятву Гиппократата. Слышал о такой?

— Да. Много раз.

— Тогда должен понимать, как трудно блюсти ее в нынешних условиях. Поэтому приходится изворачиваться. А это, поверь мне, противно. Это чудо, что меня еще держат.

— Значит, вам помогает Бог.

— Хотелось бы так думать, — приподнялся доктор для прощания.

— Я буду и дальше молиться о вас. Одна просьба, Семен Ильич. Если можно, передайте Библию тому пацану, который у вас переписывал тут бумаги. Ему она нужна, как воздух.

— Шмидту? Коле?

— Да. Вы мне говорили, что он сейчас в штабе. Она ему здесь просто необходима, чтобы устоять в вере. Можно передать ее с Августом, ну, тем летчиком. Вы его тоже хорошо знаете. Он надежный человек.

— Что надежный — это я знал. А вот, что верующий — не замечал.

— Он станет верующим, — уверенно сказал Юрген. — Он ищет Бога.

— Хорошо, товарищ Берг. Я передам. Ему ли, Коле ли, но передам. Ну, удачи тебе в пути. И подумай хорошенько обо всем, что я сказал.

— Так и вы подумайте, о Ком мы с вами все это время говорили.

— О Боге?

— Да.

— Я думаю, Юрген — впервые по имени назвал своего пациента врач. — Я много об этом думаю. Ну, даст Бог, свидимся. А может быть еще и пригодимся друг другу, — Семен Ильич пожал Бергу руку и вышел.

И вот он еще раз помог, теперь уже явившись во сне. Юрген настолько погрузился в воспоминания, что даже не услышал, как его позвал Петр. Но потом все же его внимание привлекла тихая возня напротив. Это Фель, хоть и с трудом, но приподнялся на топчане, и стал искать что-то в своем ящичке. Потом, еле переставляя ноги, добрался до столика и сел подле на лавку. Чуть скосив глаза, Юрген увидел в его руках какой-то бумажный треугольничек.

«Письмо от жены, — догадался он. — Видать, хранит, чтобы перечитывать, когда тяжело на душе. Ну, это у всех нас тут одно утешение. Впрочем, что это? Да он никак писать собрался!»

Петр между тем дрожащими пальцами расправил треугольник и, обмусолив во рту химический карандаш, стал дописывать свое неотправленное письмо, подолгу размышляя над каждым словом. И если бы Юрген проявил любопытство, то прочитал бы те несколько строк, наличие которых могло бы изменить его судьбу в будущем. Как, впрочем, впоследствии изменило ее и отсутствие самого письма. Но он, конечно же, не мог подглядывать. Уже одно то, что его напарник что-то пишет, значило, что тот еще борется за жизнь. И это для Берга было главным. Но самое главное случилось, когда Фель закончил писать. Сунув письмо в карман выцветшей гимнастерки, он долго сидел, в отрешенности глядя в окно прямо перед собой. Потом вдруг медленно сполз с лавки на колени и зашептал что-то в горячечной мольбе. Плечи его вздрагивали от рыданий. Юрген подождал, пока он успокоится, тихо подошел к нему и встал рядом.

— Что, Петя?

— Юрий, — поднял тот на него глаза, полные слез, — я сегодня умру. Поэтому я попробовал повторить твою молитву, когда ты говорил к Богу о нашей с тобой скорби и просил, чтобы Он избавил нас от страданий. Не знаю, избавит ли Он меня, но кажется, Бог услышал мою молитву и принял меня. Потому что мне сейчас так

хорошо и спокойно, как никогда в жизни еще не было. Теперь я, наконец, понял, откуда твоя надежда и вера. Я сам почувствовал это. И пусть я уже сейчас уйду, но уже не перестану славить Его имя.

— Так, Петр, дорогой, так. Какое это счастье, что Господь послал тебе спасение. Теперь нам с тобой ничего не страшно.

В это время во дворе слышались размеренные, тяжелые шаги. Кто-то прошел мимо окна к поленнице и через минуту-другую оттуда донесся приглушенный говор. Наши путники переглянулись: значит, на заимке живут двое? Впрочем, об этом можно было догадаться и раньше, раз в наличии есть два топчана. Оба в ожидании присели на лавку.

Ждать пришлось долго, но вот говор прекратился, дверь распахнулась, и в комнату вбежала лайка, а вслед ей, чуть пригибаясь, чтобы не задеть притолоку, вошел высокий человек в видавшей виды гимнастерке и солдатских брюках, заправленных в болотные сапоги. Правда, у него не было обязательной для промысловика бороды, но и без нее он выглядел вполне достойно. На голове его красовался какой-то замысловатый берет, а на ремне через правое плечо висело ружье. Собака быстро обнюхала гостей и мирно улеглась у порога, но хозяин, потрепав ее по холке, выпроводил на улицу. Сам же, поставив ружье к печке, перекрестился на икону в углу, и только потом обратился к гостям:

— Ну, здравствуйте, люди добрые. Добрались все-таки?

«Люди добрые» хоть и поздоровались в ответ, но застыли в неловком удивлении. И на то были две причины. Во-первых, мягкий грудной голос хозяина заимки никак не вязался с его мужественным видом. Во-вторых, откуда он узнал, что они «все-таки добрались»? Он что, видел как они заблудились? Все прояснилось, когда хозяин, сняв берет, потрянул распутившимися до плеч волосами, и перед нашими путниками оказалась статная, средних лет женщина. Она присела на корточки у печки, неспешно свернула «козью ножку» и, задымив в открытую заслонку, предложила закурить и им. Услышав, что оба не курят, сказала, как бы в оправдание:

— Вообще-то и я редко курю. Так, больше от скуки. Да баловство одно, чего там. — И тут же объяснила причину своей осведомленности о их положении. — Борька, хорек мой, хлеб в тряпице приволок. Домашний он у меня, но иногда не прочь поозоровать. Стащить, то есть, что плохо лежит. Ну, я и поняла, что где-то люди прибукали. Тут ведь опасно: дальше за низиной болото, а дело уже ночное. Мне как раз в деревню надо было, вот я свет и оставила. Теперь вижу, что не зря. Вижу и то, что вы не в бегах. Или? — вопросительно посмотрела она на гостей.

— Нет, нет, — поспешил заверить Юрген. — Демобилизованные мы.

— А-а, немцы-трудоармейцы, — сразу определила она по его выговору. (Тут надо сказать, сам Берг искренне считал, что его речь не отличить от чисто русской; по этому пришлось ему удивиться в третий раз!). — А что ж вас сюда-то занесло? И как звать-величать?

— Я — Юрген, а он вот — Петр. Так ведь на станцию шли, да решили путь укоротить. Ну, через тайгу и пошли, — развел он руками.

— Ага, и пришли, — усмехнулась она. — Срезали, называется. Да разве можно с тайгой шутить? Да еще в таком состоянии. Друг-то твой живой, аль нет? Ну-ка, давай его на лежанку. — И всплеснула руками, увидев как Юрген повел его к топчану. — Мать честная, как же он сюда дошел? Ну-ка, расскажи, откуда шли, где в тайгу свернули? — И после путаного объяснения Берга, покачала головой: — Этакий круг за здорово живешь проплутали. Ну, ничего, денька два отлежитесь, я вас на дорогу выведу.

— Нет-нет, — заволновался молчавший до сих пор Фель, — сегодня надо идти. Сейчас же.

— У-у, смотри какой шебутной, — насмешливо хмыкнула хозяйка. — Далеко ли уйдешь в такой-то торопливости? — Потом уже помягче сказала: — Я тебя сейчас отваром напою, у меня наготовленный есть. Смотришь, он тебе сил-то и прибавит. А то ведь неровен час... — И замолчала, не сказав, что может случиться в неурочный час. Так ведь сами хорошо знали — что.

— Звать-то тебя как, хозяйюшка? — спросил Юрген.

— Зина я. Зиной и зови. Без отчества. Вижу, что помладше я вас обоих.

— А тот, другой человек? Его как?

— Какой другой? — удивленно подняла брови хозяйка. — Одна я тут. — И догадалась: — А-а, слышали, как разговаривала. Так это с Борькой, он у меня по-

нятливый. Я его за ваш хлеб рябчиком одарила. Ну, и вас попотчую таким же. Уже и выпотрошила. Как вы насчет супа — пойдет?

— Да это еще как!

— Вот и ладно. Щас я картошки да заодно лекарство достану, и все смаракуем быстренько.

Она спустилась в подпол, который оказался прямо под столиком, и выставила оттуда в корзине картошку и небольшую стеклянную банку с мутноватой жидкостью. Банку тотчас открыла, налила Фелю в кружку и, приподняв, усадила его на топчане.

— Так тебе ловчее будет. Пей, тут есть все, чего тебе не хватает.

Петр послушно выпил отвар и, выпучив глаза, стал хватать ртом воздух, да так, что Юрген испугался за него. Но Зина спокойно наблюдала за реакцией подопечного, и как только он отдышался, снова уложила на спину. Тот долго морщился, кривился, чавкая языком и губами, но постепенно затих, а вскоре и вовсе захрапел.

— Порядок! — удовлетворенно констатировала хозяйка. — Будет спать.

— Полегчает? — односложно спросил Берг. Он почему-то поверил, что она может спрогнозировать состояние друга. Вон ведь как быстро усыпила.

— Должно, — качнула она головой. — Но лишь на время. А вот выживет ли, так это одному Богу известно, а я не знаю. Шибко уж измочаленный. И серый весь, как земля. Поживем-увидим. Ну, ладно, бери картошку и пошли во двор, — кивнула она. — Супчик из птицы приготовим.

И только тут, заметив, как он неловко ступил с ноги на ногу, с сомнением посмотрела теперь уже на него.

— М-да-а, а ты-то, пожалуй, что не лучше. Чего с ногой-то?

— Да рельсой слегка придавило, — Юрген как бы извинялся за то, что оказал хромоту. — Ничего, проходит понемногу.

— А ну, покажи! — потребовала Зина.

Он послушно снял ботинок и оголил ступню. От пальцев до подъема она шла темно-лиловыми разводами, а у пальцев к тому же еще и гноилась.

— Меня по этому случаю и списали, — все с тем же виноватым видом пояснил он.

— Мать честная! — присвистнула хозяйка и присела на лавку. — Это ты называешь — проходит? Вот богатырей Бог послал, так богатырей: один вот-вот обезножит, другой уже на ладан дышит. Куда ж вы шли? И кто из вас кого надоумил через тайгу идти, если и по дороге-то не дойти обоим? Ох, мужики-бестолочи, прости меня, Господи, — перекрестилась она на икону, и вздохнула: — Придется еще раз в голбец лезть. Надо подлечить ногу, шутки-то совсем плохи. Ты, как там тебя, Юрген? Ты, Юрген, наверное, не подозреваешь, как плохи.

— Да нет, я знаю. Иначе бы вольную не дали. Как и Петру, вон.

— Слыхала я о вашей жизни. На каторге, говорят, и то полегче жить.

— Правду говорят, Зина. И никакой надежды на

лучшую жизнь нет. Нас ведь и за людей-то не считают. Одна надежда на Бога.

— Это да, это так. Отец мне много об этом рассказывал, — поддержала она, но тут же спохватилась, вроде как сказала что-то лишнее, и махнула рукой: — Ах, мало ли что говорят. Главное, самому не надо ручки-ножки складывать. Да-а, и некогда мне с вами возиться, и так оставить нельзя. Погоди, щас я и тебя подлечу.

Достав из погреба еще одну банку, она обильно смазала ногу Юргена какой-то мазью и обернула старенькой, но чистой тряпкой.

— Извини, но бинтов не держим, — сказала просто. — Надобности нет.

— Так и мне нет, — улыбнулся Берг. Мазь приятно холодила суставы, и тотчас началось приятное покалывание по всей ступне. — Ты, Зина, чистый доктор. Откуда такой навывк?

— Поживи с мое в тайге — и ты научишься. От отца я все переняла. Он потомственный таежник, и я с ним здесь сызмальства, с перерывом на замужество. Теперь вот, как мужика на фронт взяли, я сюда вернулась. Тяжело в деревне выжить с двумя детьми, пришлось снова промышлять с отцом. Но сейчас он занемог, так из деревни — ни ногой. Трудно уже ему по тайге шастать, возраст не тот. Тем более через болото пробираться. Хотя нашу тропку с закрытыми глазами пройдет: у нас тут каждая кочка сосчитана. А вот пришлого человека погибель на каждом шагу подстерегает. Много тайн хранит это место.

— Тайн?

— А то! Еще задолго до войны слух был, что золото свое тут один заводчик припрятал. Так не один искатель в поисках этого богатства здесь упокоился. И не всегда потому, что в болоте утоп. Друг дружку люди гробили почем зря. — Зина оценивающе посмотрела на Юргена: — Ладно, хватит лясы точить. Заговорила я с тобой, а солнце через час-другой уже вставать начнет. Да и не до тайн тебе сейчас. Одно ведь на уме — как бы домой добраться. Так?

— Так, Зина, — вздохнул Берг. — О чем же еще в моем-то положении.

— Я и говорю. Теперь тоже отвару выпей, и спи. Мне до полного рассвета надо все силки проверить. Вернусь — договорим. Если вдруг задержусь, так смотрите, не вздумайте сами искать дорогу. Пропадете тут совсем. Но это я так, на всякий случай: спать-то теперь будете не меньше, как до полудня, а я уж за часика три управлюсь.

Юрген еще слышал, как она свистнула собаку и как радостно та залаяла в ответ, и словно провалился в глубокую, темную бездну.

* * *

Нет ничего более восстанавливающего силы, чем крепкий сон в тайге. Как бы ни устал человек, но если удастся ему всласть поспать, он готов к новым походам. Это испытал на себе не только и не столько, наверное, Юрген, сколько его друг. Что следовало из того, как он после вкусного супа из рябчика с кар-

тошкой, которым их угостила Зина, сразу же засобирались в дорогу. И, несмотря на вполне реальную, безрадостную картину, которую она нарисовала ему, настоял на своем. Юрген тоже понимал всю опасность предстоящего пути — и в первую очередь для самого Петра — и робко предлагал остаться на день-другой. Ну, раз, мол, хозяйка согласна их приютить, то почему бы побольше не укрепиться перед дальней дорогой. Но тот, ради которого они старались, был неумолим.

— Мне бы до дома успеть, а там уж как Бог рассудит, — упрявился он.

Словом, где-то за полдень они, теперь уже втроем, в сопровождении лайки тронулись в путь. В отличие от их вчерашнего пути, шли не натываясь на чащобу, так искусно вела их Зина. С рюкзаком за плечами и ружьем в руках она шла впереди, лишь изредка оборачиваясь, чтобы убедиться в наличии сил у мужиков. И снова повторилась прежняя картина: Петр всем своим видом показывал, что самое страшное для него позади, и даже инструмент нес сам. Он то и дело заигрывал с лайкой, бросая вперед палку, которую присмотрел для себя в качестве опоры, и та с радостным лаем бежала за ней и тут же возвращалась с «добычей» в зубах. Но ненадолго хватило его и на этот раз. Уже через час ходьбы по тайге он начал отставать, хотя инструмент его уже несла Зина. Обернувшись очередной раз, она взволнованно крикнула:

— Стой, Юрген! Петр там.

Тот, ухватившись за молодую осинку, медленно спол-

зал на землю, клоня за собой весь ее тонкий ствол. На лице его блуждала жалкая, виноватая улыбка. Они подхватили его и бережно уложили на землю.

— Не успел, — в который уж раз пробормотал он, и стал звать: — Юра, Юра! — Глаза его искали и не могли найти Юргена.

— Здесь я, здесь, Петя. Что ты? — нагнулся к самому его лицу Берг.

— Инструмент, Юра. Ты уж донеси до Ани. Там письмо в ящичке, я ей все о тебе рассказал. И о Боге сказал. Пусть не плачет. Я к Нему иду. Не успел к дому, но успел к Его спасению. Спасибо тебе за все, Юра.

Голос его затухал, он еще что-то пытался сказать и шевелил губами, но разобрать было невозможно, хоть Юрген и приник к нему ухом.

— Все, отпусти его, — услышал он Зину. Судя по тому, что она уже достала из своего рюкзака короткую лопатку, она знала наперед эту развязку. И все же смерть Петра оказалась неожиданной, а его уверенность в том, что он идет к Богу, так тронули ее, что у нее на глаза невольно навернулись слезы. Она молча отерла их и с тоскливым упреком посмотрела на Берга.

«Ну, говорила же я вам обоим, — прочитал он в ее взгляде. — Почему не послушались?»

— Прости меня, Петя, — глухо сказал Юрген. — Не дошли мы вместе. Господь раньше за тобой пришел.

— Отмучился, горемычный, — вздохнула Зина.

— Нет, Зина, Господь его взял. Петр успел перед Ним покаяться.

— Покаялся, не покаялся — все равно отмучился на этой грешной земле. Что, кроме мук, человек здесь видит? Особенно там, где вы были. А теперь ему ангелы поют. Гляди, как у него лицо посветлело. Царство ему Небесное.

— Царство Небесное, — эхом откликнулся Берг. — Что ж делать теперь?

— Щас могилку приготовим, и дальше пойдем. До дороги совсем недалеко осталось, а там уже пойдешь один. С инструментом-то как?

— Доставлю семье его. Мы с ним из одного села будем.

— Тогда я начну копать, — сказала Зина и упредила его: — Не шобутись, сама справлюсь. Земля здесь хорошая, рыхлая, и дело мне это привычное: не одну яму на зверя приходится рыть другой раз. А ты побереги силы, тебе еще топать да топать. Хоть бы ты дошел, да за друга отчитался. Все не без вести пропавший будет. Мы ему и крестик тут соорудим, и молитву прочитаем, раз верующий был. Все по-людски будет.

Крест Зина тут же соорудила из еловых ветвей.

— Пусть пока временно место обозначит.

Поставив его на могилку, они помолились, постояли в молчании.

— Может быть, когда и вернешься с кем-то из его родных сюда, — задумчиво сказала Зина. — Крест я на днях новый поставлю, — я ведь здесь часто хожу, и буду подправлять, если вдруг что не так. А место тут заметное. Смотри, сам крест на взгорке, а отсюда это все как просекой идет. И так до самой дороги примерно версты две будет. Ты примечай дорогу-то.

— Я буду. Так что, тронемся, Зина, благословясь?

— Тронемся. Ты инструмент-то его давай сюда. Натаскаешься еще.

Они пошли теперь рядом по широкой просеке. Лайка, словно чуявшая их печаль, покорно плелась сзади.

— Да, вот и еще одной душой больше в тайге стало. Будет где остановиться на пути, да с кем поговорить другой раз, — нарушила долгое молчание Зина. — С верующим человеком разговор легкий выходит. А то тут все больше убитые, да их убийцы захоронены. Разве с ними поговоришь? Кто из них невинно убит, кто за дело — разберешь разве? Редко кому удавалось живым выбраться из тайги. Сама-то тайга тут ни при чем, конечно. Жадность людей доводила и доводит до безумства. Ищут, ищут, а если чего и найдут — тут же давай убивать друг друга. Забыли Бога люди.

Юрген молча согласился, кивнув головой.

— Мастеровой, видать, мужик-то был? — перевела разговор Зина, видя, что он думает только о Петре.

— Золотые руки. Он даже здесь первое время при деле был.

— А как ты говоришь, что покаялся он? Я понимаю, что у вас, у немцев, по-другому должно быть, чем у нас. Но перед кем-то он так и так должен был каяться. Перед кем?

— Перед Богом, Зина. Только Сам Господь может простить человека.

— Это так, это да, — охотно согласилась она. — Ну, и слава Богу, что хоть так успел. Мой отец вот тоже все

просит, чтобы я какого-нибудь батюшку привела. А я все думаю: хоть бы я и выбрала время в какую церковь сходить, да кто ж к нам через болото пойдет? Очень хочется помочь ему, чтобы снял кто-то с него грехи, и нашел бы он покой, наконец.

— Зина, дорогая, ты столько для нас с Петром сделала, что я не хотел бы огорчать тебя. Но послушай меня: зачем искать покоя там, где его нельзя найти? Никто, кроме Самого Бога, не может успокоить душу человека. Бог много дал людям, но вот это право оставил за одним Собой. Поэтому Он и сказал нам: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

— Бог так сказал? Откуда тебе это известно? — остановилась Зина.

— Из Библии. Это зов Христа ко всем людям. Если бы можно было найти покой у кого-то другого, Он сказал бы об этом. Так и так, мол, можно прийти еще к священнику, попу или дьякону. Но Он зовет только к Себе.

— И что, можно без батюшки снять грех и успокоиться?

— Да. Тем более, что этот покой не надо заслуживать. Единственное условие здесь — поверить, что Он дает покой. Поверить и доказать свою веру так, как это сделал разбойник на кресте.

— Что он сделал? — Зина слушала, затаив дыхание.

— Он был распят рядом с Христом и поверил, что Иисус есть Господь. И попросил не оставить милостью Своей, а вспомнить о нем, когда Иисус будет в раю.

— И что вышло?

— Так и вышло. Иисус сказал: «Ныне же будешь со Мною в раю!» Он простил разбойника, и тот прямо с виселицы пошел в рай. Никто другой, Зина, не может этого сделать. Только Сам Христос. Ты веришь Библии?

— Конечно! — вскинулась она. — Я знаю, что это святая книга.

— Тогда и поступай по заветам Христа. Скажи отцу, чтобы покаялся перед Богом, и Он простит ему грехи. Вот увидишь, Зина, как твой отец сам услышит о прощении. Я говорю тебе с такой уверенностью, потому что сам прошел через покаяние, а вот только сегодня утром на твоей заимке принял Христа и мой друг. И ты сама отметила, какой светлой была его смерть. Это Христова печать на лицах всех людей, прощенных Им. Это — Его спасение.

— Скажи, это в вашей немецкой Библии все так написано?

— Нет, Зина. Библия одна для всех людей на земле. Как один для всех и Бог. А Он свят, как свята и Его книга. Ты же сама об этом сказала.

— Как жалко, что я ее не читала, — вздохнула она, и тут же в чем-то усомнилась: — Так ее ведь ни у кого нет, кроме попов, как же ты читал?

— Она есть. Только у нас она под строгим запретом. Чтобы ее привезти сюда, люди рискуют свободой, а часто и своей жизнью. Вот так: кто-то рискует жизнью ради богатства, как ты мне рассказывала, а кто-то ради того, чтобы и другие, как когда-то они сами, увидели

свет Божий. Увидели и приняли Евангелие — радостную весть от Бога.

— Я обязательно найду ее. У того же попа вытребую, если придется-таки к нему идти. Но сначала хочу наш с тобой разговор отцу передать. Посмотрим. Сильно хотелось бы, чтобы было, как ты сказал. Сильно. Ну, а теперь и попросаемя. За беседой-то и не заметила, как пришли. Вот она тебе, дорога, которая выведет прямо к станции. — Она немного помедлила: — Как думаешь, не пришьют тебе смерть Петра? Ваши начальники ведь там на все горазды. Обойдется?

— Господь усмотрит, Зина. Во всем на Него полагаюсь. Ну, и буду благодарен, если ты будешь за меня молиться.

— Я буду, Юрген. Не хочется с ними связываться, но если появится нужда в свидетеле, ты не жалея меня. Призови. Я, в отличие от отца, их не очень-то боюсь. Потому что большинство из них — крысы. Настоящие мужики на войне, а эти здесь бабами, да немощными верховодят. Да еще и стращают, кого ни попадя. Тьфу! — с досадой махнула она рукой. — Ах, буду еще на них нервы изводить. Иди с Богом. До темна еще успеется дойти.

— Благословит Он и тебя, Зина. Хороший ты человек. Спасибо за все.

— Да ладно, чего уж там.

* * *

Он и вправду пришел на станцию засветло. И как только показал требование, тут же был препровожден в комендатуру.

— Я старшина Гашели. Где второй? — сурово спросил дежурный.

— Помер в дороге.

— То есть, как это — помер? А что ты?

— А я живой.

— Сам вижу, что живой. Я не об этом. Справку принес, что он помер?

— Так говорю же, в дороге были. Кто мне справку там даст, когда кругом тайга?

— Тут вопросы задаю я, — важно надулся старшина и стукнул кулаком по столу. Вышло не очень грозно. Было такое впечатление, что он пока еще только примеряет на себя роль строгого следователя. — Распоясались, чтоб вас всех... Где тебя три дня носило, если он сразу же помер?

— Два, а не три. Мы на следующий день после приказа вышли.

— Ну, два. А тут даже на костылях идти часов пять-шесть.

— Так я на костыле и есть. Вот он, видишь? — Юрген понимал, что перечить старшине, значит только усложнять свое положение, и нужно бы как-то расположить его к себе. Но в душе неволью нарастал протест. Как-никак, а он уже не подневольный, а демобилизованный трудармеец. — Заблудились мы, старшина, можешь ты это понять? Вот и пришлось в тайге заночевать. А сегодня Петр помер.

— Ах, заблуди-ились! Что-то ты темнишь, нерусский твой душа. Тут одна дорога — не собьешься. В общем, так: садись, пиши.

— Что писать?

— Где, когда, при каких обстоятельствах твой... — он посмотрел в требование, — твой Фель лапти отбросил?

— Чего сделал? — искренне не понял Юрген.

— Не прикидывайся! — снова стукнул кулаком вояка, и вдруг перегнулся через стол и, топорща смоляные усы, впился в Берга такими же черными глазками. — А не сожрал ли ты его, случаем, в той дорожке? А то вышли два здоровых мужика, понимаешь, и вдруг, ни с того ни с сего один из них помирает, а?

— Побойся Бога, старшина, — испугался Юрген. Всего он мог ожидать от вояки, но только не этого. — Какие ж мы здоровые?

Гашели же увидел его испуг и истолковал по-своему.

— Та-ак, — удовлетворенно потер он ладони. — Будем признаваться?

Юрген сделал вид, что не понял, и раздражение выплеснулось в ироничной усмешке.

— Вместе, что ли?

— Что — вместе? Ты что, русский язык совсем не понимаешь?

— Сам сказал — будем признаваться? Вот и признавайся первый.

— А-а, шутни-ик? Шутки шутить думаешь, да? — покачал головой старшина, вкрадчиво понизив голос. — А вот подержу тебя здесь в подвале пару дней, тогда посмотрим, как запоешь, нерусский твой душа. Совсем по-другому запоешь.

Угроза прозвучала с таким сильным акцентом, что, несмотря на опасную ситуацию, это позабавило Берга.

— А ты, стало быть, русский душа? — усмехнулся он.

Гашели побагровел. И неясно, чем бы для Юргена завершился этот допрос, если бы не заглянувший в кабинет сержант Машков.

— Гамарджобо, Гиви! Ты свободен?

— Степан! — в миг расплылся в улыбке старшина. — Заходи, дорогой.

Тут Машков разглядел Берга.

— А-а, — вопросительно протянул он, указывая на него.

— Сейчас я отправлю этого суслика, и поговорим, — успокоил Гиви.

— Ты погоди отправлять, — мгновенно сориентировался Степан. — Я его хорошо знаю. Что у него?

— Ну, расскажи ему, — потребовал Гашели.

Юрген в двух словах обрисовал ситуацию.

— Гиви, пусть он выйдет, — попросил Машков.

— Подожди в коридоре, — махнул Бергу Гашели, и как только тот вышел, Степан заговорщически склонился к старшине.

— Их обоих отпустили по приказу Рюхина, понял? И это чудо, что померли еще не оба. Отправляй этого жмурика побыстрее отсюда.

— А с меня спросят? Ты что!

— Гиви, с тебя спросят, если он сейчас там в коридоре очокурится. Ты что, не знаешь Рюхина? Обоих на тебя

повесит, мало не покажется. Я вижу — со званием тебя? Так вот, быстро этой нашивки лишишься.

— Ладно, ладно, дорогой, пусть едет. Только пусть напишет пару слов.

— Вот это правильно. Если только он умеет писать.

— Хорошо. Сейчас позову его. Только расскажи сначала: какими-такими судьбами ты к нам, Степа?

— Я не к вам, Гиви. Я уже от вас.

— Неужели получилось? Добился все же!

— Получилось, Гиви. Сразу — в действующую!

— Ай, молодец! Или дурак? Не-а, не знаю. Войне скоро конец, а там... там ты под пули, и тебе конец? — скаламбурил Гиви и, довольный своей шутке, рассмеялся. — А здесь хоть будешь живой, а?

— Конец можно и здесь найти, — усмехнулся и Машков. — На днях вон, говорят, один особист укололся пером с чернилами, и... — Степан присвистнул, — и ауфвидерзеен. В ящик сыграл. Заражение крови.

— Ай-ай-ай! — зацелкав языком, притворно опечалился Гиви. — Особист, а чернила не перенес. Ай, как жалко. — Он многозначительно поднял палец, нырнул под стол и выложил на бумагу два стакана и соленый огурец. — Вот мы щас за его упокой и за нашу встречу, а?

— И за отбытие, — подняв стакан, улыбнулся Машков. — Ну, а теперь зови Берга. Пусть пишет. Кстати, раз мне с ним так и так до Новосибирска путь один, то уж посодействуй, чтобы нам вместе ехать. И если у тебя по его вопросу возникнут проблемы, сошлешься на меня для подтверждения. Машков, дескать, свидетель.

— Стё-ёпа, да-арагой, — расплылся в улыбке старшина. — Это то, что нужно, а то я уже всего бояться стал. Да здесь иначе и нельзя. Тебе повезло, завидую. Ну, где там этот суслик? Пусть пишет.

Юрген написал. Он указал дату, время смерти и приблизительное место захоронения, но Зину, как свидетеля, заявлять не стал. Из кабинета Гашели он вышел с Машковым.

— Спасибо, Степа. Я уже думал, этот грузин съест меня с потрохами, — проникновенно сказал Юрген, и скопировал: — «Нерусский твой душа».

— Не обижайся на него: он недавно старшинское звание получил; а для них это, как для других — генералом стать. Так-то он парень совсем не злой, а наоборот, компанейский. Ну, а кому же не хочется покомандовать. Правда, только что признался, что уже всего боится. Так ведь теперь все боится. Даже собственной тени.

— Но ты же не побоялся за меня вступиться?

— А я уже не здешний, — засмеялся Машков. — Я почти на передовой.

— Значит, уже все, на фронт, Степа?

— Стало быть, так. И до Новосибирска буду сопровождать тебя.

Через пару часов они уже ехали в вагоне пассажирского поезда, и Юрген, лежа на полке, горячо молился Всевышнему за Его обильное благословение. Ведь если бы Машков не погодился на станции, сидеть бы ему в изоляторе, как минимум до выяснения обстоятельств смерти Петра. А это могло затянуться не на день и не на

два, в этом даже и сомневаться не приходилось. Ему же, как совсем недавно и Петру, была дорога каждая минута. Не сильно, но донимала нога, а в душе наряду с радостью ожидания поселилось какое-то неясное чувство тревоги. Но все равно вот эти сутки, проведенные со Степаном, стали воистину благословенными для обоих. Машков заботливо ухаживал за немощным товарищем, а как только видел, что тому немного получше, присаживался рядом и засыпал его вопросами о Боге, о спасении души, о вере. При расставании в Новосибирске он взял адрес Юргена, и сказал с грустной улыбкой:

— Жаль, Юрген, что время пролетело так быстро. Я, кажется, не успел услышать и доли того, что хотел бы узнать. Но я найду тебя после войны. И покаюсь, и Бога найду. Обязательно найду. Но только после войны.

— Степа, не медли с покаянием. Мы не можем знать, что ждет нас в будущем. Что может подстеречь уже в следующую минуту.

— То есть не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Я не суеверный, Юра, и эта пословица не ко мне. У меня все разложено по полочкам. Смотри: если Господь (как мне видится сейчас) столько раз спасал и вытаскивал меня из таких, казалось бы, безвыходных ситуаций в моем грешном прошлом, так неужели не спасет теперь, когда я знаю о Нем и верю в Него? Даже не сомневаюсь, что все будет именно так. К тому же я — в обслуживании самолетов, а не в бою. Риск нулевой. Прощай, друг ты мой сердечный! И попомни мое слово: мы еще встретимся.

Не встретились. Много, очень много лет спустя узнал Юрген, что сложил Степан голову в апреле сорок пятого на подступах к Берлину. Вот вам и «не в бою, а в обслуге». Узнал от его друга, летчика Августа Штала. Но об этом речь впереди.

* * *

Все тревоги, несколько омрачавшие в пути радостное предвкушение встречи с родными, отошли на второй план, как только поздно вечером он переступил свой порог и очутился в объятиях семьи. Но как бы ни было поздно, а весть о возвращении Берга вмиг облетела всю округу, и уже на следующий день двери его дома не закрывались из-за наплыва людей. Каждый хотел хотя бы просто взглянуть на живого трудармейца, вернувшегося «оттуда». И, надо сказать, смотрели на Юргена, как на какое-то диво. Ведь пока что никто из немцев этого огромного села никаких вестей о своих мобилизованных не получал: письма оттуда были большой редкостью. Да и в тех обычно сообщалось только о смерти близких людей. Ну, а чтобы человек вернулся, да как же это не диво! Смотрите: и живехонький, и почти что невредимый. Ну да, нога. Но пусть даже и ногу отнимут, а все одно — мужик в доме. Большое дело! За непрерывными разговорами Юрген так и не смог за весь день сходить к Анне, а к вечеру она появилась тут сама.

Зашла и встала, опершись о косяк дверей. Молчит, руками фартук тербит и только в глазах немой вопрос: дескать, что скажешь, Юра, о муже? Порадуешь хо-

рошей вестью или не порадуешь? Знала она из одного-единственного письма Петра, что Берг в одном месте с ним был. С тяжелым сердцем встал Юрген, молча принес и так же молча подал ей его ящичек.

— Вот, Аня, просил Петр, чтобы донес я его до вас. Я и донес.

— А? — только и заикнулась она, и, захватив грудь рукой, присела тут же на лавку у дверей. Инструмент не в руках Петра сказал ей все. Но в последней надежде — вдруг сильно больной, но еще живой там остался — взглянула на Юргена. — А сам-то он как?

— Похоронил я его, Аня, — жалобно сказал он. — На пути домой похоронил. Породы он наелся от голоду. Он и еще два его товарища. Они сразу умерли, а он еще долго дюжил.

— Рассказал бы, Юра? — горестно проронила она.

— Конечно, конечно, — придвинулся он к ней на табуретке. — Мы с ним не так, чтобы часто, но встречались. А вот с Колей, племянником вашим, так в одной даже бригаде были.

Говорить об ушедшем человеке всегда нелегкое дело, а рассказывать о нем его жене, особенно. Да и вряд ли слова его доходили до нее: она вроде бы и слушала, чуть раскачиваясь на лавке, и в то же время взгляд ее был настолько отсутствующим, что у Юргена от жалости сжималось сердце. Все же рассказал он обо всем по порядку с того самого момента, как мужики наелись породы, а его самого придавило рельсой. Тогда-то, мол, они и оказались с Петром в одинаковом положении.

До того одинаковым, что и списали-то их вместе, и по-скорому отправили из зоны. Это значит, чтобы они там общий вид не портили. Ну, а уже по дороге на станцию заблудились в тайге, и по Божьей милости спас их в ночи свет заимки. Рассказал и о том, как уговаривала Зина Петра не торопиться уходить, но он не послушал ни ее, ни Юргена.

— Шибко он, Аня, домой торопился попасть. Хоть бы, мол, деток с Аней увидеть и дома умереть. Может, если бы отлежались, так и дошли бы, кто знает, — печально закончил Юрген.

И тут он впервые вспомнил о письме Феля. Да как же он забыл о нем! Ни разу с того трагичного момента ему не пришло на ум открыть ящичек. Он, как бы сказать, просто пропустил мимо ушей слова Петра о письме. А сейчас они вдруг отчетливо высветились в памяти: «Я в письме ей все рассказал. И о тебе, и о Боге». Юрген даже вскочил с табуретки, так на душе легко стало.

— Что ж я тебе все это рассказываю, если в ящичке письмо должно быть. Он сказал, что обо всем тебе написал. Как я сразу-то не догадался, не вспомнил! Ну-ка, давай посмотрим.

Юрген осторожно, словно ларь с драгоценностями, поставил ящик на табуретку и открыл замочек. Вопреки его ожиданию, наверху ничего не лежало. Он торопливо стал выкладывать на пол весь инструмент, но никакого намека на письмо не обнаружил.

— Потерял? — вопросительно взглянула на него Анна.

— Потерять я не мог, — качнул он головой. — Только не это. Я ни разу даже к замку не притрагивался. Сам не открывал и в руки никому не давал.

— Значит, он запомнил, не положил. Где-нибудь в кармане оставил. Немудрено в таком-то состоянии, — вздохнула она и посетовала без упрека: — Надо было тебе сразу в обмундировании проверить. Дак откуда бы знать! Ты ведь и сам-то полуживой был, что уж тут спрашивать.

— Да, надо было сразу посмотреть, — сокрушался Юрген. — Но ты права, не до того было.

— Да не убивайся ты так, Юра, — успокоила она его. — Ты же все рассказал. А я тебе верю. Может, он еще что наказывал?

— Главное, он хотел, Аня, чтобы ты знала: он успел покаяться перед Богом. И об этом написал тебе.

— Хорошо. Я теперь это знаю. Только не знаю, как дальше жить: семеро ведь по лавкам. На кого теперь надеяться?

— На Бога, Аня. И на детей. Подрастут скоро твои помощники.

— Дай-то, Бог, чтобы так...

В тот вечер она еще воспринимала все адекватно, и в душе ее даже не возникло мысли обвинить в чем-то Юргена. Увидев его изуродованную ногу, она испытала настоящий шок: как с такой ногой тащить еще и такую тяжесть? И прониклась к нему огромной благодарностью за то, что несмотря на свою немощность, он доставил-таки дорогую для Петра вещь его семье. Насколько проще было бы, скажем, оставить инструмент той же

Зине-охотнице за ее помощь. Или, что напрашивалось само собой, выгодно продать его. Ведь об этом никто никогда бы уже не узнал. Да даже узнав, вряд ли осудил бы. Кому, скажите на милость, была бы охота таскаться с этакой обузой? И выглядело бы это куда как естественнее.

Да, Анна была благодарна ему, но, как оказалось, до поры до времени. Месяца через два поползли по селу слухи о том, что не такой уж и благочестивый этот Берг. Зависть людская не знает границ, и то, что он вырвался живым из земного ада под названием «трудармия», многим уже хочется представить, как ловкачество. Демобилизованный, по его же словам, чтобы только не умереть в зоне, и этим не портить статистику, он не торопился умирать и дома, и это «добрые» люди чуть ли не вменяли ему в вину. Они как-то еще терпели, пока видели его, ковылявшего каждый день да через день в больницу на перевязку; но как только он перестал ходить туда, сразу же возгневались. Вон, мол, и с ногой одно притворство было. Ну и что, что ни бинтов в клинике нет, ни лекарств — ходить же все одно надо бы. Хромает-то не так уж и сильно, чтобы совсем инвалидом числиться. Да какой он вообще инвалид, если и работу уже себе подобрал. Сапожничает на дому и смотри-ка ты, все прытче становится. Один раз вон уже за материалом в соседнее село ходил. Вот это больше всего и раздражало многих сельчан.

Слухи эти стали доходить и до его семьи. Правда, ни жена его, ни он сам поначалу не обращали внимания на досужие сплетни. Как убедишь людей, что не виноват в

том, что выжил. Каждому ведь не будешь показывать ногу, которая не перестает гноиться, и доказывать, что это еще вопрос, чем закончится так называемое «лечение». Не объяснишь, что только милостью Господа не обезножил еще. Как не будешь объяснять, каких сил стоило сходить в соседнее село, чтобы действительно что-то заработать для семьи. Нужда заставит, пойдет и дальше.

Все это еще было как-то объяснимо: ладно, мол, посторонние люди — они много чего могут наговорить. Но вот стал Юрген замечать, что и кое-кто из близких знакомых стал сторониться его. Их косые взгляды говорили о многом. И наконец один из старых друзей, глядя куда-то в сторону, посвятил его в сельские догадки. Что-де, люди подозревают, уж не тюкнул ли он Петра по дороге, да не прихватил ли его денежки? А то ведь, гляньте-ка, пацанам своим обновы завел. Заплот вон новый ставит. За какие-такие шиши? Сапожным-то промыслом, мол, много не наживешь.

Не стал Юрген оправдываться перед тем, кого считал другом.

— А ты, Егор, — спросил прямо. — Что ты думаешь? Знаешь ведь меня.

— Да что — я? — пожал тот плечами. — Куды люди — туды и я. — И шмыгнул поскорее в свою калитку. Чтобы, значит, не увидел кто, как он долго с Бергом разговаривает.

Тогда Юрген пошел к Анне в надежде, что не от нее это исходит. И к ее чести надо сказать, что инициатором слухов была действительно не она. Просто как-то по-

казала она одной родственнице то единственное письмо от Петра, где он писал о своем заработке и надежде вскоре скопить приличных денег. Вот тогда-то, мол, и найду способ переслать их тебе. И родственница, узнав, сколько времени прошло после того письма, сразу же догадалась:

— Ты прикинь, сколько скопить можно за это время. Прикинула? Куда же все подевалось? Уходили вместе, а пришел один. А-а, вот то-то и оно.

И на догадку родни Анна уже отреагировала не так, как в первое время. Если тогда она даже мысли такой не допускала, то теперь все чаще задумывалась над этим вопросом. Так что явный этот намек пришелся на подготовленную почву. А стоило только заронить в душу каплю сомнения, дальше все пошло по накатанному пути. Изобретатель этого пути хорошо известен. Посеянные сатаной зерна сомнения, подкрепленные охочими до чужих раздоров услужливыми подругами, и постоянно подкармливаемые ими, быстро проросли и дали свои плоды. Незаметно Анна убедила сама себя, что гибель ее мужа лежит на Юргене, и только на нем. На его совести. А однажды поверив в это, больше уже ни в чем не сомневалась, и принимала теперь в штыки любое другое мнение.

Столь же решительно встретила она и пришедшего для объяснений Юргена; может быть, еще и потому, что была в окружении подруг. Сразу сорвалась она на крик, обвинив его во всех смертных грехах. То есть, от-мела всякую возможность диалога. Шансов на то, что

разговор может получиться, не осталось и, предвидя истерику с ее стороны, он решил уйти. Только и успел сказать на прощание:

— Придет, обязательно придет время, Аня, когда ты узнаешь, что я не виноват. Бог все видит, и все расставит на свои места. Дайте только срок.

— Срок-то тебе дадут, дадут! — взвизгнула, выглядывая из-за ее спины та самая родственница. — Нет, вы посмотрите, везде у него Бог! Да как тебя только земля носит! Сам-то живой расхаживаешь, а Петра в землю загнал! Молчишь? Конечно, молчишь, коли сказать нечего.

Говорить и вправду было нечего. Ни сейчас, ни потом. Что бы ни сказал он и что бы ни сделал, все трактовалось против него. Идет, понуря голову, — кругом шепот: «Во, все правильно, не смеет даже головы поднять! Чует свою вину». Поднимет голову — опять не так: «Ни стыда, ни совести! Гляньте, задрал голову, словно и не виноват ни в чем».

Прошел через год слух, что переезжать он собрался с семьей — тут же и догадка у людей готова: «Стыд заел... Может, совесть проснулась». И уже никто не вспомнит, как до этого удивлялись, что, другой, мол, давно бы уехал от стыда, а этот наглости набрался, что и с места не тронется.

В общем, куда ни кинь — всюду клин. Все, можно сказать, село отвернулось от него. Оставалась у Юргена одна надежда на Колю Шмидта, которому он послал письмо со всеми подробностями, и с огромной просьбой:

дескать, напиши своим, обскажи, что было с Петром последнее время, может быть, тебя-то они послушают. Только и тут не вышла ему поддержка: ждал-ждал, да так и не дождался ответа от парня.

Оправдываться он не пытался, а все предоставил в руки Божьи. День и ночь молился и просил, чтобы Господь дал ему сил не озлобиться на этот несправедный мир, а через два года переехал-таки с семьей в другое село. Хоть и рядом, да все не так на глазах у явных недоброжелателей.

* * *

Ответа от Коли Берг и не мог дожидаться, поскольку тот его письма не получал, а, следовательно, и о событиях, случившихся с ним в селе, знать не знал. Не было уже Коли в этих местах: и адрес его был уже совсем другой, и должность другая. Не очень-то долгой оказалась служба Шмидта в писарях при штабе. Уже через месяц-другой подкатился к нему Ветров, тот самый посыльный, который вместе с Машковым сопровождал его к врачу Шпеллеру. Надоедливый и бесцеремонный, со своими не менее бесцеремонными расспросами о его личной жизни, он прямо-таки набивался к нему в друзья. И даже не просто в друзья, а чуть ли не в опекуны. Держись, дескать, меня, и все у тебя будет в ажуре. Словом, сильно напоминал своим поведением известную поговорку: «Прилип, как банный лист». Памятуя слова Машкова, Коля очень осторожно отнесся к этим его притязаниям. И, как оказалось, не зря.

Вслед за ничего не значащими фразами о жите-
бытье, Иван, решив, наверное, что уже достаточно рас-
положил к себе писаря, завел разговор о... Библии. То
есть, даже не стал допытываться, верующий Коля или
нет, — видимо, о его вере в Бога был хорошо осведом-
лен, — а вот так сразу и о Библии. А чего, в самом деле,
рассусоливать? Пацан деревенский, рот вон раскрыл от
обещаний Ивана, бери его голыми руками. Иван и взял.
Взял, как говорится, быка за рога. Постреляв по сторонам
глазами, будто удостоверившись, что нет лишних ушей,
он как можно проникновеннее шепнул Шмидту:

— Слышь, Коля, ты бы дал мне на пару дней свою
Библию почитать, а? — И заметив более чем удив-
ленный взгляд парня, поспешил успокоить: — Да ты
не тушуйся, верну сразу же. Я — никогда и никому!
Могила! Смотри! — Он перекрестился для убедитель-
ности. А поскольку тот продолжал удивленно взирать
на него с раскрытым ртом, поторопил: — Давай, давай,
не бойся. Мы же с тобой теперь друзья, не разлей-вода.
Где она у тебя?

— Кто у меня? — только и смог вымолвить ошелом-
ленный писарь. Ошеломлен он был той откровенной
тупостью, с какой выдал себя горе-провокаатор. Если
он и был на каких-то побегушках у Рюхина, то явно не
на первых ролях. Иначе грош цена таким стукачам. Но
и недооценивать его было нельзя: ведь с чего-то или от
кого-то он прознал о книге.

— Да Библия, Библия говорю, где у тебя? На пару
дней, не больше.

— Ты, Иван, толком объясни, что это такое.

— Ты чего-о? — тут же перестал оглядываться и перешел от шепота на полноценный говор Ветров. — Запомню, как книга про Бога называется?

— Да ты что, Ваня, друг! — очень естественно ужаснулся Николай. — Да откуда ж она в штабе возьмется? Можешь у Рюхина спросить, он тебе это подтвердит. Он и подскажет, где ее найти. А я-то тут при чем?

— Э-эх, Коля, ты Коля. Я к тебе по-доброму, а ты вон как.

— Как?

— Скрытничает. Другу помочь боишься. Отказываешь. Я ж сказал, не выдам тебя. Даже перекрестился, чтобы ты не сомневался.

— В чем не сомневался?

— Что верующий я.

— А-а, понял, — заулыбался Коля и облегченно вздохнул: — Ну, тогда значит, ошибся ты во мне.

— Это почему же? — насторожился Ветров.

— А ты хоть раз видел, чтобы я крестился?

Иван захлопал глазами: он действительно никогда не видел, чтобы Шмидт крестился, и понял, что попал впросак.

— Как же Митрич тогда сказал... — недоумевая, почесал он макушку, и так и замер. Он влип второй раз подряд. О Митриче ведь нельзя упоминать! А как выйти из положения, ума явно не хватало. Благо, писарь вроде не расслышал, и как бы поставил точку в их разговоре.

— Так что, сам понимаешь, Ваня, какая у меня Библия может быть.

— Ну, скрытничай, скрытничай, — сделал Ветров вид, что обиделся и, не скрывая искреннего огорчения, поторопился отойти восвояси.

Он ведь точно знал, что книга у Шмидта есть. Об этом как-то проболтался подвыпивший прораб Лобов. Дескать, случайно подсмотрел, как его шофер Август передал Коле от Берга какую-то книгу, а тот подозрительно быстро спрятал ее у себя. А какая книга могла быть у того Берга, все хорошо знали. Он веры своей не скрывал. Правда, уже на следующий день Митрич всячески убеждал Рюхина, что это ему по пьяной лавочке показалось, а на самом-то деле, мол, летчик писарю хлеб привозил. Но стреляного воробья на мякине не проведешь: Рюхин давно знал прораба, и точно определил, когда тот сказал правду. Вот эту правду и должен был установить Ветров, то есть, «раскрутить» парня и вывести его «на чистую воду», а если быть точнее — на летчика Шталя. Нет, не сам Коля, конечно, был целью Рюхина: майор давно вынашивал идею «подвести под монастырь» именно Августа. То есть, для начала найти предлог для исключения его из партии. Уж больно независимо держался тот в зоне и даже смел считать себя равным ему, самому майору НКВД. Никакого, понимаешь, почтения к званиям. В конце концов Рюхин званием был повыше капитана Шталя. Причем, бывшего капитана, хоть и орденосца. Ах, как не давали покоя самолюбию майора награды летчика, каких

совсем не было на груди его собственной. А как бы они смотрелись там, ого!

Но атака на летчика в лоб не удалась: не поддержали даже близкие друзья из парторганизации. Дескать, нельзя без предоставления фактов, порочащих звание коммуниста, исключать одного из ее прославленных рядов. Впрочем, какие ряды «прославленные» и какие в них друзья, Рюхин тоже прекрасно знал: при любом удобном случае подставят так, что моментально слетишь с катушек! Охочих до его должности было предостаточно, уж на сей счет сомнений быть не могло. Ну, а что до Шмидта, то такой грамотный писарь еще ой как нужен был в штабе. Надо было только вывести его из-под влияния летчика (именно так, а не наоборот, считал опять же сам Рюхин), а потом с его же помощью сделать то, что майор называл «подвести под монастырь». Сделать это, по его мнению, было легче легкого: стоит, мол, только приласкать пацана. Ну, а заартачится — хорошо припугнуть, вот и вся недолга. Да ему только скажи, что завтра вернут в зону на работы — сам придумает, как сдать летчика. Кому ж охота тянуть лямку на лесоповале да еще после работы писарем в штабе. «Дураков нема», как говорит штатный стукач Ветров. Примеры стукачества были и среди самих трудармейцев. Правда, в основном это были одни и те же лица, но они были, и это главное. Не всегда их доносы подтверждались: бывало, «стучали» они лишь для того, чтобы получить лишнюю пайку хлеба. После неудачной попытки Ветрова «раскру-

титель» писаря, майор решил заняться им сам, потому что был уверен в наличии у него книги о Боге. Да и сигналов о том, что молится паренек где ни попадя, было хоть отбавляй. Вполне возможно, что этот Август Шталь, хорошо законспирированный верующий, и Шмидт у него в пешках. Говорят, он обучает писаря вождению машины, и делает это, по-видимому, в тех поездках, когда того посылают с документами. Все это надо было проверить и доказать. Так что на следующий день стоял Коля перед грозным Рюхиным навтытяжку, как того и требовала дисциплина от штабного писаря. Майор долго не рассусоливал: парня нужно было брать нахрапом. Он и взял.

— Стой смирно и слушай внимательно, Шмидт, — сказал он, пробуравив писаря долгим взглядом, будто впервые увидел его. — То, что ты навешал Ветрову лапшу на уши, еще не говорит о том, что в это поверил я.

— Так, значит... — вырвалось у Коли, но он тут же смолк.

— Ну-ну, заикнулся, так рожай, — подбодрил майор. — Молчишь. Ну, я за тебя скажу. Конечно же, я знаю о вашем разговоре. Я, брат ты мой, обо всех и обо всем знаю. У меня всюду есть уши. И чем откровеннее будешь со мной, тем лучше для тебя. Будешь продолжать работать и кушать хлеб с маслом. Но если скроешь хоть самую малость, отправлю назад к твоим соплеменникам. А там уж сдохнешь или нет — не моя забота. Не забыл еще, из какой дыры я тебя вытащил? Ну, не забыл?

Николай молча качнул головой.

— Ага, значит, память хорошая? — майор привстал и склонился над столом почти вплотную, глаза в глаза, уставившись на парня. — Тогда скажи для начала, как занятия по езде проходят? Успешно?

— Да, слава Богу, — пожал плечами Коля.

— Ты хочешь сказать: слава Шталю? — усмехнулся Рюхин. — При чем здесь Бог? Не Бог же тебя учит рулить.

— Нет, конечно, товарищ майор. Но что в этом плохого? Мы ни у кого не отнимаем время. Все делаем попутно. И безопасно: кругом ведь ни души.

— Ты меня не отвлекай своими рассуждениями. Вспомни вот лучше, на что тебя недавно подбивал Шталь?

— Ни... ни на что, товарищ майор. Мы давно не виделись.

— Правильно, — с удовлетворением отметил Рюхин неподдельный испуг писаря. — С той самой поры, как он тебе передал Библию. Или карту? Чтобы ты ознакомился с местностью. Он готовит побег?

От такого неожиданного поворота лицо парня вытянулось больше в недоумении, чем в испуге.

— Какой побег?

— Это я тебя и спрашиваю. Говори: когда и куда он намеревается бежать с твоей помощью. Я понимаю, что тебе бежать не резон, и ты только помощник. Как ты должен помочь ему и в чем?

Коля понемногу приходил в себя. Наверное, майор шутит. Побег, конечно же, из зоны были, но бежали

люди, у которых уже не было иного выхода. Или неминуемая смерть здесь, или хоть и призрачная, но надежда на жизнь на свободе. И, надо сказать, не всех бежавших ловили. Об этом он, как писарь, ведущий всю статистику, хорошо знал. Только причем здесь Август, у которого хорошая работа, и ему-то бежать как раз некуда и незачем? Да нет, определенно майор шутит.

— Я не совсем понимаю, товарищ майор, — начал он.

— Брянский волк тебе товарищ, — гаркнул тот, увидев, что к парню возвращается самообладание, и нужен натиск: мгновенный, обескураживающий, подавляющий волю натиск. — В бирюльки хочешь поиграть со мной? А ну, быстро мне ответь! Что тебе передал летчик: карту или Библию? Быстро!

— Ни то, ни другое... э-э, майор Рюхин. Хлеб. Только хлеб.

Спокойствие, с каким произнес это Шмидт, поразило майора. А то, что Коля пропустил обращение «товарищ», говорило и о некой иронии. Но в этом виноват сам Рюхин, определивший ему в товарищи брянского волка. И хотя выражение лица паренька оставалось смиренным, но было оно уже настолько уверенным и безбоязненным, что майор понял: сегодня он не добьется от него желаемого результата. Теперь нужен сначала пряник, а потом уже кнут. А времени у него действительно было в обрез. И он вдруг потерял к нему всякий интерес.

— В общем, так: валандаться мне с тобой некогда, — откинулся он на спинку стула. — Вот тебе мой совет.

Или приказ: понимай, как знаешь. У меня есть возможность послать тебя учиться на полгода в областной центр. Хочешь выбраться отсюда легально, с хорошей перспективой на будущее — помогай мне. Хочешь прямоком в тюрьму — помогай летчику. Иди и думай.

— Да чем же я могу вам помочь... э-э...

— Товарищ майор, — подсказал Рюхин.

— Товарищ майор. Я — простой писарь. Чем?

— Вот тебе бумага, — подал Рюхин из стола тетрадный лист. — Напиши, что Шталь склонял тебя к побегу. Пойми: у меня уже есть не один сигнал на летчика, и этого уже достаточно. Но я не хотел бы обойти тебя. Если будет твое заявление, тогда я смогу хлопотать о твоей отправке на курсы. Лучшей кандидатуры на это место у нас нет. А главное — никто, кроме меня и двух-трех вышестоящих людей, об этом не узнает, можешь не бояться. Все останется втайне, обещаю! Рюхин умеет быть снисходительным к тем, кто помогает ему. И не оставляет без награды. Иди. Подумай и реши сам.

Майор обычно хвалил себя от третьего лица. Так скромнее.

«Ничего, ничего, — подумал он, когда за Николаем закрылась дверь. — Молодой еще, с принципами. Но еще одна-две беседы, и созреет пацан для подлости. Тут ведь принципами не проживешь. Принципы, как говорится, приходят и уходят, а кушать хочется всегда. Не мытьем, так катаньем заполучу твой донос. Вот только дай с другими делами закончить».

Но волей-неволей пришлось отложить вопрос со Шталем. Уже пришла голодная зима со вьюгами да морозами, и снова пошел падеж людей, иначе это и не назовешь. Потому что путного снабжения ни одеждой, ни продуктами как не было, так и не появилось, и стали вымирать люди, как скот. Мерли так, что трупы едва успевали вывозить за зону, и хоронили их, как писал в учетных карточках писарь Николай Шмидт: «в гробу, головой на запад, под столбиком №». В этом состояло «бо-ольшое» отличие трудармейцев от вымиравших по соседству в лагерях ээков: тех хоронили «головой на восток», но без гроба и столбиков. Зато умирали они не столь повально. Стало быть, всю зиму было чем заниматься майору НКВД, и до писаря с летчиком руки дошли только к следующему маю, когда вместе с природой стали потихоньку распрямляться и люди. Да, лишь в мае месяце утвердилась весна во всей своей красе: для начала прошла по лесам и долам, приодев их живительной зеленью, потом луга разнотравьем устелила, да разукрасила ярким орнаментом из полевых цветов. Все живое тянулось к согревающему душу и тело солнышку.

Потянулся к нему в один из дней и Рюхин. Ну, так надо же когда-то человеку и отдохнуть от работы, расслабиться!

Выезд на природу он обозвал мудреным словом «пикник», и сопровождающие его пара конвойных весело загоготали, решив, что это матершинное слово.

Выехал он с ними на своей «эмке», прихватив с собой зачем-то писаря Колю. Вскоре тот узнал, зачем.

В общем-то, как объяснил майор, в его задачу входило приготовление закуски к предстоящей выпивке. Дескать, не хочет Рюхин, чтобы люди болтали лишнее об этой невинной прогулке, а по сему едут с ним только свои, проверенные люди. Таким нехитрым образом он причислил Колю к «своим»: как бы поставил перед свершившимся фактом. Да ведь и правда: кому, как не писарю, быть у начальника кем-то вроде денщика? Но истинная причина такого доверия выяснилась уже по ходу пикника.

В течение получаса они добрались до излюбленного места майора в лесу, недалеко от опушки. Сюда же заглядывали и другие значимые люди зоны. Это было что-то вроде островка в зеленом море тайги — чудесная ровная поляна с едва заметным уклоном к пробежавшему у ее края небольшому ручью. Его можно было проследить по густому ольшанику по обоим бережкам. Там он степенно шествовал, перекатываясь кристально чистой водичкой по гладкой гальке, и с нежным журчанием подмывал встречающиеся на пути корни деревьев. Уже чуть поодаль он пузырился белоснежной пеной в приглуби перед следовавшей за поляной кручей, и переполнившись, убыстрялся, ниспадая по уклону разрозненными струями. Переплеск его разносился далеко за пределы поляны...

А сама поляна словно была предназначена для активного отдыха. Порезвившись с конвоирами резиновым

мячом сначала в волейбол, потом в футбол, вся троица расположилась на расстеленной плащ-палатке, где была уже готова закуска.

Коля, исполнивший свои обязанности, сидел у ручья и настороженно прислушивался к разговору начальства. В душе он молился, чтобы они не позвали его. А лучше бы вообще забыли.

Не забыли. Будто подслушал его мысли майор и окликнул:

— Эй, Шмидт! А ну, подь сюда. — По голосу можно было определить, что он уже изрядно навеселе. — Да быстро, быстро. Ну-ка, давай, выпей с нами. Дай ему, Спирин, стакан.

Конвоир с низким, как у гориллы, лбом и отвисшей, тяжелой челюстью подал Коле кружку.

— На, держи, паря.

— Я не пью, товарищ майор.

— Что-о? — приподнялся тот на локте, удивленно вытаращив глаза. — Не пьешь? А кто это тут тебя заставляет пить? Тебе предлагают выпить, а не пить. Чувешь разницу? — И назидательно поднял палец: — Пьют алкаши, а мы выпиваем. Давай, за нашу дружбу. Признайся, хочешь ведь с нами дружить, а? Чтобы, вот так же запросто посидеть, пообщаться, как мы, хочешь? Хо-очешь, по глазам вижу, что хочешь. Ну, так и не стесняйся. Или что?

— Да я не против дружбы, товарищ майор, но я...

Вся троица, не сговариваясь, присвистнула, а Рюхин в еще большем изумлении выпучился на писаря.

— Вы слышали? — даже привстал он на колени и, не глядя на друзей, обратился к кому-то в пространстве: — Нет, вы слышали? Наш немец не против! Он бы дружил с нами, но что-то мешает ему. — И вперился в Колю своими маленькими, враз ставшими злыми глазками. — А что именно, не подскажешь?

— Ничего не мешает... — Коля чувствовал, что близится какая-то недобрая развязка. Недавно он снова отказался доносить на Августа, и Рюхин пообещал ему то, «что тебе и не снилось в самом страшном сне». Если он, конечно, не одумается. То есть, предстояла, как минимум, еще одна беседа, но Коля не ожидал, что случится это так скоро.

Похоже, Рюхина поджимали сроки или что-то другое.

— А я тебе сам подскажу, — перебил он парня. — Потому что ты, как и твой лучший друг, летчик, только с виду такой смиренный, а на деле каждый из вас камень за пазухой держит. И не дай Бог от вас отвернуться, тут же тюкнете по башке.

— Все немцы — фашисты, — заключил Спирын. — Только и знают, что ждут, когда придет ихний Гитлер. И этот летчик, как его... Шталь — тоже.

— Точно, — не вникая в суть разговора, пьяно подтвердил второй конвойный — Сюткин. — Летчики у Гитлера на первом месте.

— Август ведь ваш, — тихо возразил Коля. Он понимал, что надо бы промолчать, но так уж вышло, что не смог удержаться: — Он же коммунист.

— Да? Наш? — осоловело повел глазами Рюхин, и разразился бранью, в конце которой грозно потряс кулаком: — Да я таких комму... — и вдруг в явном испуге оборвал тираду, заозирался по сторонам. Не увидев никого чужого, немного успокоился, и уже потише закончил: — Наш, не наш — это еще установить нужно.

И Коля, прекрасно разгадав страх Рюхина, вновь не удержался:

— Получается, товарищ майор, что вы не доверяете своим же однопартийцам. А его выбирали не где-нибудь в глуши, а в летной части под Москвой. За него стоит вся его парторганизация. Я видел их письма.

— Ты? — задохнулся от гнева Рюхин. — Ты куда суешь свой нос, писаришка поганый! Ах ты, паршивец: мне угрожать? — майор встал во весь свой огромный рост и потянулся к кобуре: — Щас я тебя, каналью, в расход пушу.

Тут даже пьяный Сюткин испуганно заморгал глазами:

— Успокойся, Игорь Силыч, что с молодого возьмешь?

— Да и наш уговор, — напомнил о чем-то второй, Спирин. — Угомонись, майор, ты же обещал мне его отдать. Побалуемся, тогда и в расход можно. — И оскалится, еще больше напомнив обезьяну. — А можно и оставить жить. После такого «пикника» он уже никому ни про что не пикнет. — И сам же заржал своей, как ему показалось, удачной шутке.

Рюхин что-то быстро смекнул и спрятал наган.

— Ну, что, Шмидт, выбирай. Или у меня на столе твоя бумага, или... — кивок в сторону обезьяны, — будешь вон с ним толковать. Догадываешься, о чем? Дога-адываешься. Вижу, что у Бога совета спрашиваешь.

Коля действительно горячо взывал к Богу. «Господи, вмешайся и спаси от нечеловеков. Господи, вмешайся и спаси!» Но кругом тайга, и ни единой души вокруг. Измерив глазом расстояние до кручи, он понял, что его спасут только быстрые ноги. Но Рюхин уже цепко держал его за руку.

— Так что? Что разрешил тебе твой Бог?

И опять гогот двух дебилов. И тут третий, Сюткин, мужик лет сорока, видимо, поняв, наконец, о чем речь, вдруг попятился от них на карачках, но в глазах его уже был не страх, а жуткая брезгливость и презрение.

— Вы че, мужики, совсем нехристи? — враз осипшим голосом выдавил он. — Чур, свое скотство без меня.

— Да ты чего, Федя, чего? — двинулся к нему Спирин, но тот уже стоял на ногах, подхватив с земли свою винтовку.

— Стой там, нехристь, — крикнул он и повел дулом на майора. — Отпусти пацана, Сильч, побойся Бога. Или пальну. Ей-ей, пальну!

— Да кто его держит!? — сделал майор вид, что перетрусил и оттолкнул от себя Колю: — На, смотри — кто? Ты чего взбеленился, Федя? Шуток не понимаешь? — Рюхин старался говорить мирно, однако внутри него все клокотало, и единственное, чего он ждал теперь, так это

удобного момента, чтобы выхватить наган и пришить подлого конвоира.

— Перебрал он, вот и шумит, — поддакнул Спирин. — Да брось ты свою пукалку, никто немчуренка трогать не собирается. Сказали же — шутка.

Сюткин медленно опускал винтовку, а Рюхин так же медленно тянулся рукой к кобуре. И в этот момент раздался гудок машины. За этой разборкой никто из них не слышал, как к опушке, где стояла «эмка», подъехала полупортка. Тут же из леса на поляну в сопровождении Августа выбежал лейтенант-особист, помощник Рюхина. Завидев компанию, он убыстрил шаг, а шофер остался у края поляны.

— Скорее, Игорь Силыч! — на ходу призывно махал рукой лейтенант. — У зэков побег, и наших трое с ними.

И до этого уже протрезвевший майор вмиг сориентировался и обрел ясность мысли. В сердцах чертыхнувшись, что, мол, час от часу не легче, он привычно, будто ничего особого здесь и не произошло, скомандовал:

— А ну, все бегом за мной. Быстро!

Но его помощник поднял руку:

— Писаря оставь, Игорь Силыч. Пусть на полупортке едет. Мы сразу на перехват на «эмке». Есть у меня соображение, где возьмем их.

— Молодец! — похвалил майор и, притянув к себе Колю за рукав, тихо процедил: — Хоть одно слово вякнешь — будет тебе полный капут, понял? — И уже громко: — Все здесь прибрать и увезти. Исполняй!

У края поляны он лишь на секунду встретился взглядом с летчиком, но мысль, внезапно пронзившая мозг, долго потом не давала ему покоя. Она, эта мысль, впервые в жизни постучалась к нему и заставила задуматься: «Ты смотри-ка: будто чует этот летун, что с пацаном беда. Может быть, и правда, неспроста это? — И следом догадка, от которой мороз по коже: — А ведь как вовремя! Приди они с особистом на какие-то секунды позже, и для меня могло бы все закончиться плачевно. — Он даже приостановился на мгновение. — Я ведь с пьяных шаров хотел пришить и Сюткина, и писаря! И тут же оказался бы, как минимум, на передовой. А максимум? О, Господи!»

И испугался Того, к Кому нечаянно воззвал, и в панике закрутил головой по сторонам, что не вслух ли сказал. Это уж совсем негоже для майора. Нет, слава Бо... Ах, ты мать честная, да что это с ним? Ой, бросать надо эти пирушки, надо. Никакого Бога нет. Нет, нет, нет. Повторив это, как заклинание много раз, почувствовал, что успокоился. Ну, так ясно же, кто помог. Покой к каждому приходит со стороны того, чей он раб.

* * *

В дороге Коля обо всем рассказал Августу. Тот, конечно, знал, что Рюхин всеми способами пытается засадить его за решетку, и нисколько не удивился. Но что жертвой этих интриг чуть-чуть не стал ни в чем не повинный Шмидт, потрясло его. Он почувствовал себя страшно виноватым перед Колей. Но что он мог сделать?

Подать жалобу на майора? Смешнее не придумаешь. Тогда что? Именно этот вопрос он задал и Коле:

— Что же теперь делать? Не мне, а тебе? У тебя только два пути.

— Один путь, — твердо сказал Коля. — О втором даже и не думай.

— Но если ты меня не сдашь, он сошлет тебя туда, где даже наша здешняя жизнь покажется раем. И получится, что из-за меня.

— Ошибаешься, Август. Это я сделаю из-за себя: чтобы не стать Иудой. А я им стану непременно, если, как ты говоришь, сдам тебя. Потому что потом придется сдавать другого, третьего. Предательство — от сатаны, и оно даже в мое мирское время было не по мне. А теперь я знаю, что нам от Бога, а что от лукавого. Все стало так очевидно. К тому же я достаточно окреп, и мне не страшна уже никакая работа. Что бы ни случилось, Бог не оставит меня Своей милостью. Как спас и сегодня. Какое еще нужно доказательство Его заступничества? Ты только подумай, откуда пришла помощь! Кто бы мог предположить, что конвоир заступится за меня? Вот он — Божий промысел! Я все лучше понимаю то, о чем говорил дядя Юрген.

— Это действительно чудо, — голос Августа дрогнул. — Непостижимо! Сюткина я знаю, и никогда не замечал, чтобы он испытывал к нам какое-то особое почтение. Ни-ког-да. То, что произошло, для меня полная загадка. С чего бы ему встать на твою защиту? Кто надоумил?

— Господь! Я же и говорю об этом, Август. И благодарю Бога, и буду просить Его о спасении этого человека.

— Проси, не проси, а его ждет невеселая участь. Как, впрочем, и тебя. Я в этом не сомневаюсь.

— Мне легче, у меня есть Бог.

— У него, как я понял — тоже. Раз обозвал их нехристиами, то Христос для него много значит. Может, скрывал свою веру? Опасно это — верить.

— Дядя Юрген не скрывал.

— Сравнил. Берг, конечно же, был молодцом: не каждому дана такая смелость. Но он такой же лагерник, как и все мы, а Сюткин — конвоир. Нам-то уже нечего терять, а ему есть что. Да его враз турнут куда-нибудь в штрафбат, если только это подтвердится. Рюхин такие штучки не прощает. Куда он засунет тебя, вот в чем вопрос?

— Все в руке Бога, Август, и я во всем полагаюсь только на Него. Потом не забывай, что благодаря тебе я уже могу водить машину. И совсем неплохо в ней разбираюсь. Вдруг да где-то понадобится в качестве шофера.

— Во! Вот это разговор, Коля, — оживился Август. — А то все на Бога, да на Бога. На Бога надейся, а сам не плошай. У меня, кажется, есть план. Он бы не пригодился, если бы дело с тобой так не повернулось. Но теперь это неплохой выход. Тем более, что другого нет. В общем, Митрич добивается моего перевода мастером на стройку: я ведь кумекаю в строительстве, а он один не справляется. Мужик он пробивной, если что задумал — добьется. Не смотри, что покладистый

рохля с виду. А главное, его ценят там, наверху. И еще как ценят! Потому что он один тянет всю работу. За всех безмозглых наших начальников, для которых даже простые чертежи — китайская грамота. Они вообще ни в чем не смыслят, кроме как, где и что своровать. Да еще над кем поизгаляться. Он не из их породы. И то, что я еще относительно свободен, — это тоже во многом благодаря ему. В общем, как только все прояснится, он попросит тебя на мое место. Шоферов-то ни одного больше тут нет.

— Захочет ли он просить за меня? — усомнился Коля.

— Еще как, — хмыкнул Август. — Он сам мне это предложил. Виноват, говорит, перед вами обоими. А в чем — не говорит. Но я догадываюсь.

— Я тоже. Ветров сдуру проболтался. Я не в обиде на Митрича.

— Побольше бы таких, как он, то легче бы здесь было жить. Ну, тогда будем ждать и надеяться, Коля? Теперь, куда кривая вывезет.

— Ага. Только не куда кривая вывезет, а куда Бог укажет.

— Ну, пусть будет по-твоему. Дай-то Бог.

— Вот, видишь, — радостно улыбнулся Коля, — ты тоже Бога попросил. Стало быть, Он даст. Буду молиться за это.

— Ну-ну. Поживем — увидим.

Но все вышло не совсем так, как они планировали. То есть Август-то — да, перешел на стройку, а вот Колю из штаба не отпустили. И как Митрич ни хлопотал, от-

казали по вполне производственной, на первый взгляд, причине: мол, толкового писаря в штабе нет. Тем более, что быстро сыскали шофера на замену Августу. Легче оказалось найти водителя машины, чем грамотного человека. Ну, да и это было бы не страшно, если бы не знать, что за всем этим стоит Рюхин. А он ходил туча тучей, и уже не спускал с Коли глаз. Преследование его стало, по-видимому, навязчивой идеей майора. Пару раз он уже вызывал парня к себе и, не получив согласия, сообщил с иезуитской улыбкой:

— Тогда ты у меня не только в шоферы — даже в «босую команду» здесь не пойдешь.

Отметил Коля и исчезновение сначала конвоира Сюткина, затем и гориллоподобного Спирина. Обоих отправили на фронт. Второго, видимо, ради «справедливости». Ну, чтобы ненароком не сболтнул лишнего. Там-то, на передовой, пусть что хочет болтает, никто в расчет не возьмет. Ясно, что наговаривает человек, раз лишили не только кормушки, но и жизнь под угрозой подвели. Повеселел после этого Рюхин и, вызвав Колю в очередной раз, сказал, довольно потирая руки:

— Ну вот, готовься, Шмидт, к этапу. Слышал о Котласе? Вот туда, в Севжелдорлаг, и отправим тебя. Ты же у нас герой? Вот я и уважил тебя.

Ну, отправил бы, не отправил, еще неизвестно, но майору всегда доставляло огромное удовольствие наблюдать за реакцией подопечных. Ведь одно упоминание об этом концлагере вызывало у людей мистический страх. Своего ужаса не смог скрыть и Николай. Это воистину

был этап на кладбище, и именно это проклятое место имел в виду Август, когда говорил об аде на земле. К счастью, свои угрозы майор вынужден был на время отложить, и виной тому стали участвовавшие побегу трудармейцев. И то сказать, словно сговорились они: один побег следовал за другим, и просто не до сведения личных счетов стало майору. Выходило так, что пока он добивался показаний на Шталея в предполагаемой организации побега, в это самое время реально бежали совсем другие люди. Да-а, вряд ли теперь нашелся хотя бы один из сослуживцев, кто позавидовал бы ему. Или захотел бы быть на его месте. Ведь вовсе не факт, что всех бежавших ловили. А это, как сами понимаете, не поднимало авторитет особиста. Но кое-кого все же ловили и довольно быстро. Тогда в дело вступали приснопамятные «тройки», направо и налево раздавая тюремные сроки.

С каждым таким судом все тяжелее становилось на душе у писаря Шмидта. Ведь другой раз в учетной карточке и личном деле подсудимого приходилось записывать то, чего на самом деле не было. Вернее, его обязывали это делать. Так, например, беглецы задним числом превращались из сбежавших в «отпускников»; из осужденных на тюремный срок — в «этапированных» в другую зону и так далее. Этакая казуистика была необходима, чтобы хоть немного скрасить жуткую реальную обстановку в лагерях. Не выполнять приказы Коля не мог, а выполнять их стоило ему душевного равновесия. Он с тоской чувствовал, как буквально раздваивается в

душе, и сильно страдал. А рядом не было такого опытного наставника, каким был Берг. Но однажды после сердечной утренней молитвы он явственно расслышал наказ: «Уходи сам!»

— Куда, Господи? — инстинктивно оглянулся он, но никого рядом не было. Однако голос был настолько отчетливым, что у него даже не возникло сомнения в том, что это был голос Бога. — Куда, Господи? — прошептал он в благоговейном смирении и замер в ожидании. Нет ответа. И заметался парень в догадках: что-то ведь имелось здесь в виду. Ну, не могло это ему просто слышаться. Так в смятении прошло несколько дней, и неизвестно, чем бы это для него закончилось, если бы не приказ начальства об отправке сорока армейцев в Краслаг. И вот, переписывая кандидатов на этап, Коля снова услышал тот голос, и понял, что надо делать: он тут же внес в список свою фамилию. А после утверждения списка, который, конечно же, никто и не читал, тихо-мирно встал в ряды отправляемых. Недоумение при построении на этап и перекличке, конечно, было, но не более того. И после их отправки одни судили так, другие иначе, но в одном сходились все: у парня зашел ум за разум. Так ведь и правда: ну, какому идиоту придет на ум самому записаться на этап! Да еще с такой-то должности...

Только два человека догадались о настоящей причине поступка писаря: Шталь и Рюхин. Август воспринял это хоть и с грустью, но и неким облегчением: все же Краслаг — не Котлас, да и путь туда не столь долгий.

Майор же был сначала вне себя от гнева. Во-первых, поскольку он был в очередной командировке, никто не поставил его в известность, а во-вторых... Во-вторых, не дал ему пацан насладиться процедурой высылки: сам себя выслал. Уж если бы он действительно захотел укатать писаря, то помуржили бы его напоследок так, чтобы тот всю оставшуюся жизнь помнил. И зачем только он, Рюхин, тянул с этапом в Котлас? Потом что-то шевельнулось в душе этого человека: «А может, и хорошо, что так вышло? Он, конечно, сгинет там, но уже сам по себе, без моей помощи. И если вдруг да есть где-то этот его Бог, так хоть не отвечать за него». Он даже повеселел от такой мысли, будто груз какой-то снял с души. Как бы там ни было, писарь вызывал в нем уважение своей стойкостью: так и не сдал своего друга. Видать, и правда: вера в Бога помогает. Ведь у майора ломались людишки посильнее, не ровня пацану. Так неужели он жалел Шмидта? Или, что звучит еще смешнее, боялся какого-то Бога? Не желая признаться себе ни в том, ни в другом, Рюхин постарался поскорее забыть о парне. Был писарь — и нету писаря. Мало ли их таких сгнуло за время его службы в этих краях. О каждом помнить да переживать — себе дороже. Все же какое-то, не сказать, чтобы беспокойство, но дискомфорт в душе он испытывал.

Отстал теперь майор и от Августа. Ни причины, ни желания во что бы то ни стало упечь его в тюрьму у него уже не было. С наступившим улучшением жизни смертность в лагере резко сократилась, а побег так и

вовсе сошли на нет. Сам Шталь уже все чаще замещал слабого здоровьем прораба Лобова, и если сталкивался с Рюхиным, то уже по делу и как на равных. А случилось даже майору обращаться к нему с какой-нибудь личной просьбой. Август делал вид, что обиды на вояку не держит, и к просьбам его относился внимательно. Понемногу сглаживались отношения и остальных трудармейцев с командирами, начиная с конвоиров. Вскоре конвой и вовсе убрали, и сняли колючку. Шталю жильем служил вагончик, где у него была и прорабская, и своя отдельная комната. Прошло около года после войны, как вдруг не знавший болезней майор внезапно захворал. К врачу он сразу не обратился, но казавшийся поначалу пустячным укус осы через день свалил его с ног. Прибывший Шпеллер с ужасом констатировал, что уже ничем не может помочь майору. Укус в шею вызвал сильную аллергическую реакцию, и парализовал всю правую сторону тела. Прочитав в глазах врача приговор, майор попросил его позвать к нему летчика, и Шпеллер отнесся к его просьбе с пониманием. Знал он, что даже такому жесткому человеку, как Рюхин, хотелось замирения с тем, кого он беспощадно, а главное, несправедливо преследовал по жизни.

— Ты, Август, сходил бы к нему, — посоветовал он Шталю. — Состояние его безнадежное, и он уже сам догадался об этом. Наверняка ему есть что сказать тебе, раз просит. Кто старое помянет — тому... сам знаешь.

— Да я ничего и не вспоминал, — удивился Август. — С чего вы взяли?

— Ну, видать, он так считает. Его ведь не проведешь. Сходи. Шибко просил. Он там один в палате.

— Так, обязательно.

* * *

Они долго молчали, глядя друг другу в глаза. Шталь сидел на стуле напротив майора, лежавшего на высоко подложенных подушках, в какой-то неестественной, застывшей позе. Наконец Рюхин отвел взгляд и впервые обратился к летчику по званию. Ни на одном партсобрании, а уж тем более просто в зоне, он не называл его так. Всегда и всюду не иначе, как Шталь.

— Капитан! — сказал он куда-то в пустоту, с трудом выговаривая слова. — Этот парень, Шмидт, он ведь из-за тебя на этап ушел.

— Я знаю. Он не мог выполнить твой приказ, майор.

— Это правда. Но я позвал тебя не разборки устраивать, а сообщить кое-что. Видать, крепко он ценил твою дружбу, раз принял такое решение. Теперь вот посмотри-ка, — майор, болезненно морщась, достал что-то из-под подушек и подал Августу. — Это письмо Берга, помнишь такого?

Август бережно взял треугольник в руки.

— Конечно, майор. Они земляки с Колей.

— Почитаешь потом, — упредин Рюхин. — Оно пришло давным-давно, да я все не знал, что с ним сделать. Потом совсем забыл про него. А вот на днях попалось под руку. Думаю, не случайно. Ты ведь, капитан, тоже веришь в Бога?

— Почему — тоже? Разве ты сам веришь? Не будем об этом говорить сейчас, майор.

— Та-ак, значит, не веришь. — Август с удивлением отметил нотки разочарования в его голосе. — Тогда непонятно, зачем же парень ради тебя собой пожертвовал.

— Я тоже задавал ему такой вопрос.

— И что он?

— Сказал, что Бог учит их жертвовать ради своих близких. Он не мог иначе. Такие не предают.

— Еще как предают, капитан. И убивают даже. Вот теперь и прочти, как тот самый Берг, который верующий, по дороге домой убил Феля и прихватил его инструмент. Так говорят родные покойника. А он отрицает: не убивал, мол, своего земляка, и просит Шмидта подтвердить, что тот был уже не жилец. Кроме него, дескать, родные Феля никому не поверят. Читай!

Шталь внимательно прочитал письмо, потом пробежался еще раз по строчкам:

— Почему же ты сразу не помог ему, майор? Фель ведь действительно не мог протянуть больше двух дней. Об этом и врач говорил. И Берг же пишет, где тот помер и где он его похоронил. У него даже свидетель есть — какая-то Зина. При желании ее можно было отыскать. Почему не помог?

— Потому что твой друг Машков увел его из-под самого моего носа. Дождался бы меня, указал место — тогда бы совсем другой коленкор был. Нашли бы Зину, тогда и гуляй, Вася. Или как там его звать было. Так не-ет,

надо было удрать поскорее. Разве это не первейшее доказательство вины? Тут бы с Машкова надо спросить, зачем увел подозреваемого.

— Степа погиб под Берлином, ты же знаешь это лучше меня.

— Знаю. И я в тот раз помог им обоим тем, что не поднял шум. Не объявил в розыск. Но зачем было удирать?

— А затем, что это ты сейчас так говоришь; да попадись Берг тебе тогда — был бы уже с земляком в землице сырой. Ты кому сказки говоришь, майор? Тебе их обоих сбегать надо было, чтобы обстановку не портили.

И без того узкие глаза на бесстрастном лице Рюхина совсем сузились; конвульсивно задергалась левая щека, и заходил кругами желвак скулы; вот-вот вскочит мужик и разразится бранью, как это ему и пристало. Но не вскочил, не разразился, наоборот, медленно угас глазами и головой поник. Слишком правдиво, прямо в точку высказался летчик.

— Твоя правда, — натужно выдавил он. — Потому и позвал тебя, что не будешь ублажать, а все как есть скажешь. Я, конечно же, не поверил, что Берг — убийца. Но радовался, что таких умников сама жизнь отвергает, несмотря на все их рассказы о Боге. Смотри: все его сельчане поверили в это. Где тогда его Бог? Почему, если Он есть, не спасает верующего в Него? Не скрою, этот довод всегда успокаивал меня. Но с некоторых пор я больше не радуюсь. Мне его стало жалко. Поэтому и прошу тебя: если вдруг (ну, мало ли случается

в жизни!) встретишься с Бергом или Шмидтом, скажи, что я жалею... — майор захрипел; что-то явно мешало ему произносить совершенно чуждые его природе слова. Он стал массировать рукой горло, как бы пытаясь освободить его от спазм, потом сполз с подушек, и с трудом пересилив какой-то невидимый барьер, закончил: — Я прошу их простить меня, ради их Бога. И... моего... Бога тоже, если я хоть на каплю достоин Его прощения. Скажи им. И ты, капитан, тоже прости, если можешь... И если готов на это, то дай руку.

Кто сейчас из них двоих был больше ошеломлен этими словами, трудно сказать. Но Август, глубоко тронутый раскаянием майора, с чувством пожал протянутую руку.

— Хорошо, майор. Сейчас ты проявил мужество, на которое не каждый способен. И я уважаю тебя за это. Нам всем надо просить прощения друг у друга. И у Бога. Тогда, наверное, пойдем ту радость, которую испытывают верующие.

— Мне кажется, я ее понял, — сквозь слезы прошептал Рюхин. — Только поздно. Или нет? Нет? — будто переспросил он кого-то и услышал ответ. Потому что суровое, бесстрастное лицо его вроде как оживилось виноватой улыбкой, какой никто не замечал у него во время жизни. Едва заметная в своем смущении, она лишь чуть тронула его губы, но ясно говорила о примиренной душе. Это были его последние слова.

Потрясенный свидетельством майора, Август и сам готов был повторить его слова, потому что эта радость

не раз посещала его в разговорах с Бергом и Николаем, и только мнимая гордость не позволяла ему опускаться на колени в покаянии. Теперь он видел, как поступился этой гордостью человек, совершенно далекий от Бога. Поступился, и столь наглядно получил прощение. Во-яка, который не только не знал Бога, но еще и гнал Божьих служителей — был прощен! Это для летчика было невероятно, непостижимо. И в этом изумлении он и сидел, еще не осознав кончины Рюхина. Пока не услышал за спиной голос врача.

— Вот и финал, капитан. Ты очень помог майору в последнюю минуту его жизни. Спасибо тебе. Я все слышал.

— И о письме знаете?

— Игорь показывал его мне. Я могу написать родным Феля, но вряд ли они поверят незнакомому человеку. Даже и доктору. Не разубедит их и Коля, если он жив. Им хочется в это верить, вот в чем беда.

— И все же надо как-то помочь Юргену. Но как это сделать в моем положении?

— Ждать, капитан. Я вспоминаю наши беседы с Бергом. Так вот он всегда предлагал мне уповать на Бога.

— Именно это я и буду делать, — сказал Август. — Уповать на Бога.

— Ты это серьезно? — внимательно взглянул на него доктор.

— Вполне.

— Тогда, как говорят, Бог в помощь. Я поддерживаю. Вот-вот начнется демобилизация, там и видно будет.

Ну, а теперь тебе нужно уходить; у меня начинается необходимое освидетельствование.

Они еще немного постояли у изголовья майора, и Август вернулся в свой вагончик. Лежа в постели, он снова и снова прокручивал в памяти только что пережитое чудо превращения монстра (а таковым он всегда считал Рюхина) в кроткого, раскаявшегося, смиренного грешника. И вдруг понял, что примеряет его покаяние на себя. Вопросы один каверзнее другого зароились, заспешили обозначиться, обгоняя друг друга и порождая в голове сумбур: только ли потому покаяться майор, что пришел конец земной его юдоли? Сделал бы он это, продолжайся его жизнь еще много лет? И, наконец, догадка как молния: да ведь это ему Сам Бог отпустил время, чтобы он успел покаяться! Господь дал ему те скоротечные минуты, что отделили его заблудшую, греховную душу от следования прямоком в ад, и подарили Его спасение. А тут уже и самая главная мысль стучится в сердце: а ведь можно и не успеть! Сразу вспомнился тот давний момент гибели трудармейца, упавшего с вагона. Всего один миг — и нет человека! Летчик в страхе и благоговейном трепете тихо сползает с кровати и становится на колени: «Господи, прости мое высокомерие! Прости и помилуй за то, что всегда считал себя чем-то, будучи ничем и никем. Прости, Господи! Пред Тобой я только грешник, и если можешь, прости грехи мои».

В узкое вагонное оконце заглядывает луна и с удивлением наблюдает за тем, как рослый, сильный духом

человек, летчик-ас, герой войны, плачет, словно ребенок, нашедший утерянную игрушку. Плачет от внезапно нахлынувшего счастья: он нашел Бога, и Господь принял его...

* * *

Не сбылся прогноз доктора Шпеллера: не выполнило командование свое собственное решение о мобилизации трудармейцев «лишь на время войны». Война закончилась, а дармовая сила так и осталась востребованной этой властью. Прошло еще пять лет, прежде чем Августа вызвали в комендатуру города и после долгих, но безуспешных уговоров остаться здесь работать навсегда, сообщили о его демобилизации. Приказ, дескать, поступил, так что сдавай потихоньку дела и через месяц-другой можешь отчаливать. Известие о дембеле вызвало такой всплеск эмоций, что он на радостях отпустил шофера домой — тот жил в городе, а сам поехал на новый объект через тайгу столько раз им езженной-переезженной дорогой. Она была знакома ему каждой своей выбоиной, каждым поворотом, каждым кустиком на обочине. Наверное, поэтому и проскочил первый же поворот на стройку, и по обыкновению покатил к зоне, обуреваемый противоречивыми мыслями. Как бы ни привык он уже к этим местам, но все еще лелеял надежду вернуться в родные края. Только сначала надо было отыскать своих родных, о которых он ничего не слышал с самого начала сорок второго, когда его забрали в трудармию. И потом уже решил

для себя: отыщет их — поедет туда, где они живут. Так, в мечтах о встрече с родными и ехал, и спохватился лишь километров через пять, сообразив, что едет не туда. Не слишком-то огорчившись и не останавливаясь, стал высматривать место для разворота. Тайга стояла стеной по обе стороны дороги и даже не проглядывалась вглубь из-за сплошного, не меньше десяти метров высотой, кустарника.

Особенно притягивала взор разросшаяся по обочинам рябина, огненные гроздья которой то и дело свешивались прямо к кабине. Вдруг он резко остановил полторку и, открыв дверцу, встал на подножку: впереди по дороге, степенно вышагивая прямо по ее середине, удалялся глухарь. Он не слышал бесшумного наката машины, и Август залюбовался его горделивой осанкой. Но долго полюбоваться не пришлось: из-за кустов у обочины метнулась породистая лайка и в следующее мгновение глухарь уже трепыхался в ее зубах. Все произошло так быстро, что Шталь даже принял лайку за мелкого волка, и инстинктивно закричал, застучал по кабине:

— Стой, разбойник!

От неожиданности собака шарахнулась в сторону, но добычу не выпустила. Теперь он уже разобрал, что это лайка, и спрыгнул с подножки. Оказалось, как раз для того, чтобы нос к носу столкнуться с вынырнувшим из тех же кустов охотником. Что это женщина, он понял сразу, несмотря на ее мужскую экипировку.

— Ты чего орешь? Испугался, что ль? — насмешливо

спросила она и, ласково потрепав собачку, взяла у нее птицу.

— Я думал, волк, — признался Август, — да и птичку жалко стало. — Он хотел еще что-то сказать, но вдруг онемел от догадки. И подзабытое уже письмо Юргена высветилось в памяти с мельчайшими подробностями. Он так и стоял с раскрытым ртом, не успев произнести заготовленную фразу.

Охотница поняла это по-своему и на всякий случай сняла с плеча ружье.

— Ты чего, паря, бабы с ружьем не видел?

— Ты... Вас зовут Зина? — почти утвердительно выдавил он.

— Ну, — удивленно вскинула она брови. — Почему знаешь?

Не веря еще в такую удачу, Август молчал и не сводил с нее глаз.

— Да чего ты так устаурился? Откуда знаешь, спрашиваю.

— Тебя... тебя мне Сам Бог послал, — выпалил он.

— Во, как! — усмехнулась она. — Умалишенный, ли че ли?

— Да нет, нормальный я, — пришел, наконец, в себя Август. — Зина, я друг тех двух людей, которых ты спасла лет пять-шесть назад. Помнишь?

— Немцев-то? А то как же! — мгновенно подобралась она вся, а лицо ее осветилось нескрываемой радостью. — Значит, второй-то, Юрген, все же добрался до дому?

— Добрался, Зина. Но речь идет о другом, о Петре. Скажи, он умер?

— На моих глазах, — пожалала она плечами. И опять догадалась: — А-а, все же валят на Юрия. А ведь я предупреждала его. Так его посадили?

— Нет, но ему не верят родные Петра. Обвиняют в убийстве. Ему очень нужна поддержка, Зина.

— Родные — в убийстве? Не верят? Ну, и люди. Да ведь он на себе тащил того Петра. Сам падал, а друга не бросал. Между прочим, могилка Петра в двух верстах отсюда. Я акkurat от нее и иду. И — это, как звать-то тебя? Август? Знаешь, я ведь очень даже могу помочь тебе. Или ему — это уж как выйдет.

— Так только на тебя и надежда, Зина!

— А-а, потому меня Бог и послал? — улыбнулась она. — А у меня на тебя надежда: ну, что передашь привет Юргену. И не только привет: у меня письмо этого Петра осталось.

У Августа так дух и перехватило, и захолонуло в груди.

— Письмо? — выдохнул он. — Ты сказала — письмо? Петра?

— Ага. Он-то сказал Юргену, что в ящичек свой положил, а сам забыл его на топчане под холстиной. Или обронил нечаянно. Я тогда, как обнаружила его, сразу подумала, что будут у него неприятности из-за этого. Но уже не догонишь, не вернешь. И отправила бы письмо, да куда оно без адреса? Да еще и написано не по-русски. Лежит оно у меня на заимке в целости и

сохранности. Берегу на всякий случай. Как же: мне тот Юрген много о Боге на душу положил. Все о Христе рассказывал да разъяснял. Слушала бы и слушала. Я потом обо всем своему отцу рассказывала. И знаешь, он как услышал о спасении Христовом — сразу преобразился. Будто ждал этой вести всю жизнь.

В последнюю ночь, помню, подозвал меня: «Видишь, — говорит, — доченька, вон там, чуть поодаль сияние томное, неяркое? Будто все светлячки тайги в ночи в одно место собрались. И так их свечение во мне благодно разливается, что в жизни такого покоя я не испытывал. Постой, это не свечение, это голоса ихние. Никогда не подозревал, что светлячки могут петь. А-а, вот они о чем! Они поют о любви Господа Иисуса Христа. Слышишь? Да, много тайн мне было открыто на Салаире, но эта — самая из них великая. Мне казалось, она была от меня за семью печатями, а нет — вот она, эта тайна, тута. У самого сердца. Просто я сам ее не искал. Господь любит меня, Зина! Кто бы мог подумать: любит! Я это слышу. Я это вижу! Какое счастье, что я успел...» И тихо отошел в вечность. Так же, как и Петр, примирился папка с Богом перед смертью. Не понадобилось и батюшку искать. Это он мне и наказал, чтобы письмо хранила, сколь бы времени ни прошло. Прямо нутром чувствовал, что пригодится оно. Вижу, нужно тебе это письмо: вон как просиял весь.

— Нужно, Зина. Только как же...

— А очень просто: пойдем сейчас же со мной. Мо-

жешь, конечно, и потом когда-нибудь, но уверена, что не найдешь. Заплутаешь только.

— Нет-нет, я иду. Далеко?

— К вечеру обернешься. Собачку дам, назад доведет. Машину здесь бросишь?

— Да, — огляделся Август. — Лучшего места и не найти. Будто для этого и остановился. Спасибо глухарю.

— И то правда. Ну, тогда вперед! Найда, за мной.

На заимке, пошарив на полатях, Зина достала чуть пожелтевший треугольник, сдула с него пыль, отерла рукавом и подала Августу:

— Вот оно. Прочитай да хоть Расскажи мне, о чем там. Петр говорил, что описал все, как есть. А как он благодарил Юргена перед смертью! Помню, все помню, будто это только что было.

И в печальной задумчивости, со слезами на глазах кивала головой, пока Август переводил ей письмо.

— Все так, все именно так. Сам еле ноги передвигал, а Петра на плечах нес сюда. Ты можешь не поверить, но папа угадал все, что здесь написано. Будто сам читал его. — И уже на прощание сказала: — Как же люди могут по-другому думать о Божьем человеке? Ну, да Бог им судья.

— Это так, Зина. Только Он может судить нас.

— Ты уж сам поезжай, как и обещал мне. А то по почте, так это сам знаешь: то ли дойдет, то ли затеряется. Больно ненадежно по почте-то.

— Сам, только сам. Я это не одной тебе обещал. Поклон тебе низкий, Зина. И от меня, и от Юргена и,

думаю, что от родных Петра. Уверен, что и им станет легче жить, когда узнают правду.

— Дай-то Господь. Ну, благослови тебя Бог на пути!

К вечеру летчик в сопровождении лайки вернулся к машине.

* * *

Бывает в жизни любого человека такой период, когда удача изо дня в день просто стелется перед ним, даже заглядывает в глаза и бежит по его следам. Бывает и совсем наоборот, что, кстати сказать, случается много чаще: преследует без проблеска надежды тяжкая полуса невзгод. И в жизни Августа, наконец-то, случился желанный период удачи. Это после стольких-то лет «периода наоборот»! И начало ему положила вот эта встреча с Зиной. Следом, столь же неожиданно-негаданно пришло письмо от Коли Шмидта, и несказанно порадовало его. Уж за кого, за кого, а за Николая Август переживал особо. И вот, гляди-ка ты — выжил парень! И не только выжил, а уже и женился, и двоих детей нажил. Так и остался он в том Красноярском крае, где тянул лямку трудармейца до сорок восьмого года. Теперь приглашал к себе в гости, если, конечно, Август сможет приехать. Письмо было коротким, поскольку не было уверенности, что оно вообще найдет адресат. Вон, мол, Бергу написал, а от него ни слуху ни духу. И жив ли, нет ли — неизвестно. Вместе с радостью за парня, встала перед Августом и дилемма: что делать после встречи с Бергом? Что он едет в первую очередь

именно к Юргену, было делом решенным: сам Шпеллер приготовил ему билет, да и все необходимые документы на дембель были уже в кармане. А вот остаться ли в Казахстане или посмотреть условия жизни там, где Коля (уж больно хвалил он эти места), он не решил. За этими размышлениями и застал его за день до отъезда шофер Ваня. Теперь уже, ясное дело, бывший его шофер.

— Август, пляши! — заорал он с порога дурным голосом. И, не дожидаясь вопросов, сорвал с головы кепку и брякнул ею об пол. — Я депешу для тебя из комендатуры привез. Родные твои нашлись. Пляши!

— Где? Кто? — кубарем скатился летчик с кровати, и вырвал из рук Ивана телеграмму. Она была адресована комендатуре. Начал читать: «Сообщаем, что... и заплясали буквы, слились в одно сплошное пятно. Понимает, что нашлись его родители, а читать нету сил: — Прочитай, Ваня.

— Так бы и давно, — веселится Иван. — Да я ее наизусть знаю. Гляди, живы-здоровы твои старики и живут в Казахстане. И где там, читай! А? Не понял? Да ты посмотри на карту! В какой области живет твой Берг, видишь? А теперь гляди, где родители? Там же! Да чего ты куксишься?

Иван отворачивается и смахивает невольную слезу. Впервые видит он своего «железного» шефа таким растерянным и беспомощным. Ну, так оно и понятно: столько лет искать родителей и найти перед самым отъездом! Приди эта депеша завтра, она бы уже не захватила его, и тогда его поиски продолжались бы еще столько же.

Растеряешься, однако, какой бы ни был «железный». Но тут, к великому его изумлению, Август встает на колени и, прижимая депешу к груди, бормочет что-то непонятное. И не верит Иван тому, что слышит.

— Как велика Твоя милость, Господи, ко мне, недостойному. Слава Тебе за то, что нашел моих родителей. За все слава! Господи...

Недослушал Иван, раскрыв рот к двери попятился.

«Да он же молится! Мать честная, молится! — чуть не закричал и прикрыл рот ладонью. — Вот это подкосило, так подкосило шефа. Мужик-то ведь — кремень, а смотри-ка: копил горе, копил, да видать и перегорел, раз от хорошей вести сломался. Как счастье-то дается другой раз, а! Но все равно благодарить-то надо вот эту депешу, и того, кто ее отправил. А Бог-то здесь причем? Ах, ладно, пусть молится. Я свое дело сделал.»

Он поправил крестик на груди под рубашкой и тихонько вышел.

* * *

Анна копалась в огороде, когда услышала стук в калитку.

— Кто бы это мог быть? — удивилась она и не поспешила к воротам. — Ах, ребятня, наверное. Гостей не ожидаю, а свои не стучатся.

Но стук повторился, и следом чей-то мужской голос позвал ее.

— Хозяйка! Подошла бы сюда. Дело есть.

Уже от дорожки она увидела высокого мужчину, стоявшего у частокола. По виду он был явно откуда-то издалека, и уж никак не из местных. На ходу разглядела и его седые волосы, и волевое, но доброжелательное выражение лица. Подошла, поздоровались.

«Поседел-то ты, мил человек, рановато, — отметила про себя. И вдруг уверенно определила: — С Петей был, не иначе!»

— Я тут Берга искал, — будто прочитал он ее мысли, — да сказали, что он переехал. А вы вроде знаете — куда. Меня Август зовут, может быть, слышали уже?

Слышала она про него от Юргена, слышала. Летчик, кажется, был такой у них в трудармии.

— Дак слышать-то слышала, — сухо ответила и губы поджала. — Дело-то какое ко мне? Петра ведь нет в живых. Сгубил его кое-кто тут у нас. Петра-то.

— Разговор долгий, в дом бы ввела, — сделал вид, что не распознал неприветливости хозяйки Август. — Я ведь только-только из тех мест.

— Если про Берга что хочешь выведать, то спроси у других. Мы с этим иродом не знаемся.

— Во-он как, — грустно сказал он. — Но я не только про него хотел бы говорить. Ты по-немецки читать можешь? Письмо у меня к тебе.

— От кого письмо? — заволновалась Анна. — Ну, заходи, заходи. Я щас старшего крикну — прочитает. Сама-то вблизи плохо вижу. — И крикнула куда-то в огород: — Петя, Петя иди-ка, сынок, домой. Пришли тут к нам.

Они вошли в дом, а прибежавший на ее зов парень лет двадцати остановился у дверей, выжидательно глядя на гостя.

— Ты почерк отца разберешь? — спросил тот.

Паренек утвердительно кивнул головой.

— Тогда посмотри сюда. Его? — гость протянул письмо.

Едва взяв его в руки, Петя весь задрожал, повернулся к матери и сказал прерывающимся голосом.

— Его. Мама, от папки письмо.

— Как, от папки? — побледнела мать. И к гостю: — Откуда оно?

— Потом расскажу. Прочитайте сначала.

— Читай, сынок, — взявшись за сердце, кивнула она сыну, который уже и без этого жадно вчитывался в строчки. Но поскольку он не произносил ни слова, простонала. — Вслух же читай, Петя, вслух.

Но парень не слышал ее. Лишь дочитав до конца, он поднял на нее глаза, полные слез.

— Мама, дядя Юра не виноват. Я всегда тебе говорил об этом.

— Что, что не виноват? — вмиг посуровела она. — О чем ты? Дай сюда письмо. — И тут же. — Да ведь не увижу. Ну! Прочитай же!

Петя откашлялся, как лектор перед лекцией, и принялся медленно читать. Август молча наблюдал, как выражение лица женщины менялось по ходу чтения, и взгляд ее все растеряннее переходил от сына к гостю; она как бы искала объяснения и поддержки.

Петя дочитал до конца, и в комнате установилась гнетущая тишина. Слышно было даже поскрипывающие ворота колодца с улицы, а Анна так и сидела, как изваяние, уставившись недвижным взглядом в одну точку перед собой. Август не торопился. Пусть она прочувствует всю нелепость своих обвинений против Юргена. И поймет, наконец, каково было ему, годами терпевшему их несправедливый гнев. Другие обвинители Августа мало волновали. С другими, с теми, кто науськивал, она сама разберется.

— Как же ты письмо отыскал? Где? — чуть слышно вымолвила Аня.

— По милости Божьей отыскал. Петр письмо это забыл на заимке, куда Юрген притащил его на себе, и откуда они отправились в последний для него путь. Об этом я узнал перед самым дембелем, совершенно непостижимым образом встретив в тайге хозяйку той заимки.

— Зину? — всплеснула руками Анна.

— Да. На встречу с ней был один шанс из миллиона, и Господь дал нам этот шанс, чтобы мы установили истину. Теперь вы ее тоже знаете. Юрген ни в чем не виноват, напротив: Петр был благодарен ему, во-первых, за то, что он не бросил его в тайге. А потом благодарил и за Христово спасение.

— И почему они не проверили: на месте ли письмо, — жалобно сказал Петя. — Ведь тогда все было бы по-другому.

— Ну, как говорится: знал бы где упасть, так со-

ломки бы подстелил, — развел руками Август. — Они не знали. Хорошо еще, что Зина сохранила письмо. Я еще там поблагодарил ее от вашего имени.

— Да-да, спасибо ей, — грустно согласилась Аня. — Столько лет прошло, а она сберегла правду! Боже мой, столько лет! Как же теперь смотреть в глаза Юргену?

— Надо ехать к нему, — взял ее за руки сын и повторил с нажимом: — Сейчас же ехать и рассказать. И примириться.

Аня порывисто встала, но тут же опустилась на табуретку и виновато улыбнулась:

— Легко сказать — примириться. А эти годы... Как их уберешь из памяти. А ведь я не верила сперва, — она снова умоляюще посмотрела на Августа. — Не верила, веришь — нет?

— Верю, очень даже верю, Аня. Но теперь, когда узнала правду, надо быстрее исправлять ошибку. Прав Петя, идем прямо сейчас к Бергу. Или едем? Далеко ли он отсюда?

— Да не так, чтобы и далеко. Только я не могу. Ноги, глянь-ка, чисто одеревенели, будто к полу приросли. Ах, ты, горюшко-то еще.

— Ну, это объяснимо, это пройдет, — успокоил Август и повернулся к Пете. — Так может, вдвоем с тобой слетаем? И Юргена сюда приведем.

— Он тоже ногами мается, — потупился тот. — Ты, мама, прости, но я его навещал иногда. Больная нога у него до сих пор гноится. Сможет идти, нет ли, трудно сказать.

— Он сможет, — заверил Август. — Ему это не впервой. Так как, Аня?

— Иди, Петя, с человеком. Смотришь, какую попутку поймаете, они теперь часто тут шастают. Ну, а не сможет Юрген прийти, так и ладно: скажи, я потом сама к нему зайду. А сейчас прощения попроси за меня.

— Вот и ладно, — поднялся Август. — Жди, Аня, чувствую, придем мы. Не может того быть, чтобы не пошел Юрген.

Оставшись одна, Анна взяла в руки письмо и попробовала читать. Нет, не видит. А так хотелось самой прочувствовать каждое слово, каждую букровку. И тут словно кто-то стал ей нашептывать те удивительные слова из письма, которые она сразу запомнила, потому что никогда ничего подобного от Петра в жизни не слышала. Так и зависли они в памяти, так и звенят-позванивают, перекликаются, будто бубенцы из далекого далека весть несут. И повторяются, и повторяются: «Дорогая Аннушка, прими мой последний привет. Передаю его тебе через брата моего названного Юргена, брат он мне в Иисусе Христе. Что заблудились мы, Анечка, так это я с пути сбился, моя это вина. И сбился, видать, для того, чтобы увидеть другой путь, путь ко спасению Христову. Все это благодаря Юре. Он и сейчас не бросает меня, хоть я и чувствую свой конец. Ты не плачь, умереть мне теперь не страшно. Потому что иду к своему Иисусу...»

И смолкли бубенчики. Ах, как не хочется расставаться с ними! С глубоким сожалением возвращается Анна из такого славного небытия.

— К своему Иисусу, — повторила она, все еще прислушиваясь к себе. — Да только за эти слова Юргену бы в пояс поклониться. Чтобы Петя мог такое сказать, надо было очень сильно потрудиться. Все в нем перевернуть. Значит, Юрген это сделал. А мы его топтали почем зря. — И снова в ее глазах тоскливое запоздалое раскаяние: — Да как же поддалась я на те наговоры? Знала ведь, какой добрый он человек. — И тут же ловит себя на мелькнувшем определении: — Точно, добрый! А добрый, он ведь и зла не будет держать? Да он никогда и ни с кем не ругался даже.

Повеселела Анна, не заметила, как встала на ноги и заходила по дому в нетерпеливом ожидании: приедут — не приедут. Потом остановилась в замешательстве: «Ах, да ведь отпустило ноги-то. То ли бежать за ними?» И заторопилась на улицу. Но не дошла и до калитки, как с лихостью подкатил к воротам «студебеккер» и затормозил, подняв клубы пыли. Из кабины ловко спрыгнул молодой парень и, поправив щегольскую кепку, вскинул руку к виску.

— Привет землякам. Принимай, хозяйюшка, гостей.

С другой стороны кабины Август и Петя помогли выйти Бергу, и тот, прихрамывая, направился к Анне. Она хотела было опуститься перед ним на колени, но он решительно удержал ее за локоть.

— Пойдем в избу, — только и сказал. — Вон, чё зевак-то набежало.

Из домов и не только близлежащих, уже высыпали люди и целой цепью стояли, наблюдая за происходящим

у Анны. Всех интересовал вопрос: неужели замирение? И если — да, то почему? Что изменилось?

В доме же Анны Юрген сразу встал на колени и негромко, но внятно стал благодарить Бога за Его милость к нему. Ни одного слова упрека в адрес своих гонителей не услышали присутствующие. А когда он стал просить Господа не о своем только, но и об их общем прощении, упали на колени рядом с ним и Анна с сыном. Придерживая друг друга, они горячо молились и славилы Господа за то, что Он все расставил на свои места. И просили Его сделать так, чтобы все узнали об этом как можно скорее и также раскаялись в содеянном.

Потом Юрген по очереди обнял их всех. Глядя на него, просветлели и их сердца. И уже не далекими, наоборот, желанными и необходимыми показались услышанные от него заветные слова: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лк. 8:17).

Скажем и мы, дорогие читатели, в заключение: **«Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?»** (Лк. 18:7). **«Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»** (Пс. 90:1–2).

«Ты, Господи, высок вовеки!»

Виталий Полозов

Цветы на снегу. Тайны Салаира

Директор Павел Давидюк
Редактор и корректор Маргарита Кливер
Компьютерная верстка Андрея Цорна

Свидетельство о государственной регистрации
№ 1 074 107 0004 023994,
выдано Шевченковской районной в г. Киеве
государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.549. Подписано в печать 27.11.14.
Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32.
Гарнитура: AcademyC, Helvetica, KabelC,
SchoolBookAC, Times-Roman.
Печать офсет. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 00647939.

УМО «Світло на Сході»,
ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.

Две замечательные повести вошедшие в очередную книгу известного христианского писателя Виталия Полозова, отражают страшные события, имевшие место в двадцатом столетии в бывшем СССР.

«**Цветы на снегу**» повествуют о гонениях на христиан в этой атеистической стране, а «**Тайны Салаира**» – о невыносимом положении советских немцев в военные и послевоенные годы.

На материале жизни в трудармии показана широкая картина судьбы немцев-трудоармейцев, испытавших на себе изощренную жестокость со стороны властей. Историческая истина описана настолько ярко и правдиво, что создается впечатление присутствия самого автора в тех событиях...

Но, как и во всех произведениях писателя-христианина, в этой книге отражена победа света над тьмой, истины – над ложью, добра – над злом. И в этой борьбе утверждается единственная надежда человека на Господа Иисуса Христа.

